

У $\frac{41}{152}$

кн. 8-14

Уч. 152
Протоіерей Іоаннъ Полянскій.

ЗАПИСКИ МИССІОНЕРА.

Бесѣды съ старообрядцами.

Книжка 8.

Спасова вѣра.

Изданіе третье.

Первое изданіе Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ одобрено къ приобрѣтенію въ ученическія библіотеки духовныхъ семинарій и въ библіотеки церковныя, въ особенности въ библіотеки тѣхъ церквей, въ приходахъ коихъ имѣются раскольники.

Цѣна 10 коп.

Книгоиздательство „Вѣрность“.

МОСКВА.

„Русская Печатня“. Садовая-Триумфальная, д. № 14.

1912.

41/52
Протоіерей Іоаннъ Полянскій.

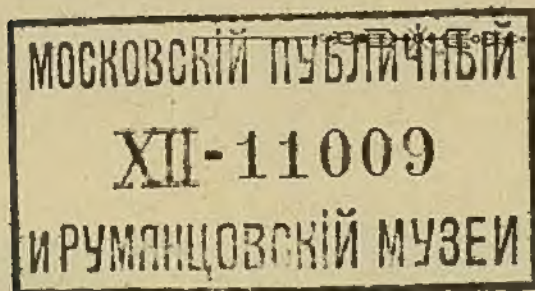
ЗАПИСКИ МИССІОНЕРА.

Книжка 8.

Спасова вѣра.

Изданіе третье.

Первое изданіе Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ одобрено къ приобрѣтенію въ ученическія библіотеки духовныхъ семинарій и въ библіотеки церковныя, въ особенности въ библіотеки тѣхъ церквей, въ приходахъ коихъ имѣются раскольники.

МОСКВА.

„Русская Печатня“, Садовая-Триумфальная, д. № 14.
1912.

2007061356

Спасова вѣра.

I.

Боязнь миссіонера и усердіе къ бесѣдамъ.

Для встрѣчи преосвященнаго Израиля у Спаса на Сеньгѣ, когда онъ 29 іюня 1890 года пріѣзжалъ туда служить, являлись всѣ мѣстныя власти. Былъ тутъ и старшина сосѣдней Жерноковской волости Головкинъ. Онъ звалъ меня въ свой Флоролаврскій приходъ: „у насъ, говорилъ, старовѣровъ очень много!“ И прихожане Спаскіе говорили, что ихъ старовѣры только ученики Флоровскихъ и корень старовѣровъ по всему Грязовецкому уѣзду именно приходъ Флоролаврскій. Я обѣщаль побывать и у нихъ, если Богъ дастъ здоровья, и побесѣдовать съ ихъ наставниками. 1 сентября я и пріѣхалъ въ село Флоровское къ священнику о. Александру Садокову. Тотчасъ же дали знать по приходу, что завтра, въ воскресенье, за обѣдной миссіонеръ будетъ говорить проповѣдь. Народу въ церковь собралось довольно порядочно, несмотря на дождливую погоду. Народъ здѣшній былъ нѣсколько знакомъ мнѣ: во время архіерейскаго посѣщенія Флоровской церкви въ августѣ мѣсяцѣ мнѣ пришлось быть здѣсь и съ нѣкоторыми бесѣдовать о вѣрѣ. Теперь я говорилъ обычную мою проповѣдь о томъ, въ чемъ состоитъ православная вѣра.

Послѣ обѣдни о. Александръ объявилъ, что сегодня будетъ бесѣда о старой вѣрѣ въ деревнѣ Блазнахъ, завтра, въ понедѣльникъ,—въ Кошкинѣ, во вторникъ—въ Маломъ Займищѣ, въ среду—въ Курочкинѣ, въ четвергъ—въ Баранцевѣ.

Блазны—огромная деревня, биткомъ набитая старовѣрами-спасовцами. Въ этой деревнѣ есть и моленная ихъ;

но я не былъ въ моленной и даже не добивался побывать, потому что старовѣры, какъ примѣтили, и безъ того боязливо смотрѣли на миссіонера, а пойти въ моленную—перепугаются и совсѣмъ. Любопытно, что изъ того дома, гдѣ моленная, никто не пришелъ и на бесѣду. Изъ начетчиковъ никто также не выступалъ на собесѣдованіе. Мнѣ самому приходилось и выставлать старовѣрческія обвиненія на церковь и опровергать ихъ. Такъ я пробесѣдовалъ часовъ до 7 вечера. Слушали съ большимъ вниманіемъ; изрѣдка лишь иные задавали вопросы.

3 сентября, съ 12 до 6 часовъ, шла бесѣда въ деревнѣ Кошкинѣ. И здѣсь на собесѣдованіе не выступилъ ни одинъ изъ главныхъ раскольниковъ. Кошкинскій наставникъ Иванъ Бушевъ во время бесѣды стоялъ подъ окномъ избы, гдѣ бесѣдовали, и слушалъ. Мнѣ сказали о немъ. Я велѣлъ его пригласить въ избу; онъ отвѣтилъ, что пошелъ бы и даже книги свои принесъ бы, да боится, что ихъ у него отымутъ. „Нечего ему бояться грабежа среди бѣлаго дня и при всемъ народѣ!—замѣтилъ я на это,—вѣдь не боюсь же я, а ѣзжу одинъ по незнакомымъ людямъ и вожу съ собою не мало книгъ“. Ивану эти мои рѣчи передали; но онъ все же не пошелъ къ намъ бесѣдовать. Запомнилась мнѣ эта бесѣда тѣмъ, что на нее пришли нѣсколько человѣкъ изъ Блазновъ. Они и дома вчера слушали внимательно, что говорилось и читалось; но вотъ, захотѣли и еще послушать. Одинъ изъ нихъ, Василій Ермиловъ Болотовъ, въ домъ котораго мы тамъ останавливались и вели бесѣду, даже принесъ съ собою бумаги и карандашикомъ записывалъ, въ какихъ книгахъ и на какихъ листахъ читаются самыя сильныя обличенія безпоповщины. Къ концу бесѣды въ избу вошелъ средняго роста, съ большой рыжеватой бородой, мужичокъ. Онъ очень внимательно сталъ слушать, и я сейчасъ же обратилъ на него вниманіе. Оказалось, что онъ изъ деревни Малое Займище, и когда, по окончаніи бесѣды, узналъ отъ о. Александра, что завтра будемъ бесѣдовать въ его деревнѣ, то предложилъ—пріѣхать за нами на своей лошади. Имя его Григорій Осиповъ; онъ православный и семья его—одна изъ усерднѣйшихъ въ церкви. Но отецъ его, Осипъ Михайловъ, съ которымъ онъ живетъ

въ раздѣлѣ,—безпоповецъ и даже безпоповскій „отецъ“. Между ними бываютъ частые разговоры о вѣрѣ. У отца есть старинныя книги; сынъ беретъ ихъ для чтенія и потомъ доказываетъ отцу, что онъ—не больше, какъ мірянинъ, а не отецъ духовный, что вообще вся безпоповщина есть стадо безъ пастыря и безъ пастбища, т.-е. что нѣтъ у нея ни священства, ни храмовъ, ни благодатныхъ таинствъ Христовыхъ. Старикъ защищается; но, видя, что его же книги обличаютъ его, иногда сердится на сына, и въ послѣднее время неохотно сталъ давать ему книги. „Мало ты смыслишь,—говорить,—читать-то эти книги, не твоего ума это дѣло! Молодъ еще!“ А этому молодому человѣку уже около 50 лѣтъ; самому же Осипу скоро 70. Григорію очень хотѣлось послушать, что сталъ бы говорить его отецъ. Поэтому онъ и обрадовался, узнавши, что мы будемъ у него въ деревнѣ, даже предложилъ довести насъ.

II.

Что есть церковь и похожи ли на нее спасовцы и всѣ безпоповцы?

Пріѣхали мы въ Займище, и въ домъ Григорія Осиповича открыли бесѣду. Пригласили старика Осипа. Онъ пришелъ. Почти съ нимъ однимъ и была у меня бесѣда; другіе слушали. Я началъ говорить о церкви: „и вы, старообрядцы, и мы, православные, одинаково исповѣдуемъ въ символѣ вѣры: *вѣрую во едину, святую, соборную и апостольскую церковь*. Намъ бы не о чемъ и спорить; надо бы составлять единую церковь. Но вы отдѣляетесь отъ насъ и нашу церковь признаете за неправославную; православными же считаете себя. Справедливъ ли вашъ судъ? Какъ узнать это? Почитаемъ Большой Катихизисъ,—книгу временъ Филарета, третьяго нашего патріарха. Послушаемъ, какъ тогда понимали, что такое церковь, въ которую должно вѣровать. Будемъ читать и сличать, чья церковь больше походить на описанную въ Катихизисѣ,—ваша, или наша. Книга старопечатная намъ это покажетъ“. Отыскалъ я въ Катихизисѣ 25-ю главу *О церкви Божіи*, стихъ 9-й, и сталъ читать: „Вопросъ.

Чесому учимся изъ сего девятого стиха (символа вѣры): во едину, святую, соборную и апостольскую церковь? *Отвѣтъ.* Учимся симъ вещемъ о церкви Божіей. Первѣй, яко едина есть соборная церковь Божія, обаче во единомъ дусѣ Іисусъ Христовѣ, во единой вѣрѣ и во единѣхъ догматѣхъ, о той вѣрѣ и святыхъ тайнахъ учащихъ“ (Ефес. зач. 219). Вѣрно ли, — спрашиваю, — написано здѣсь, что церковь Божія едина? Осипъ сказалъ: вѣрно.

— Всѣ вы: и спасовцы, и филипане, и еедосѣвцы, и странники, и прочіе, — всѣ говорите намъ, что вы, старовѣры, составляете церковь Божію. Но вотъ церковь, какъ ты и самъ согласился, по Катихизису, должна быть едина. Почему же вы раздробились и разъединились, — вмѣсто единой вѣры и единой церкви завели множество вѣръ и, значить, церквей? Почему старообрядцы — не единая церковь, даже по видимости?

Осипъ сказалъ: это правда, что у насъ, старовѣровъ, нѣтъ единой вѣры. Но единой вѣры никогда и не было: всегда кромѣ церкви были и секты. Ты самъ знаешь! О другихъ вѣрахъ, хотъ бы и нашихъ, что говорить! Онѣ уклонились отъ истины.

— И по моему, ни филипанъ, ни еедосѣвцевъ, ни другихъ старообрядцевъ нельзя назвать православными, — отвѣтилъ я старику. Но, подумай, можно ли назвать такими и васъ — спасовцевъ. Вѣдь мы что читали? Читали, что въ церкви Божіей „единные догматы о вѣрѣ и святыхъ тайнахъ“. Всѣ вы, беспоповцы, вѣрите, что въ истинной церкви до патріарха Никона были, какъ и слѣдуетъ, всѣ семь таинъ, а послѣ Никона въ ней же будто бы уже не всѣ, а у васъ, спасовцевъ, и ровно ни единой нѣтъ. Вотъ, значить, у васъ не одни и тѣ же „единные догматы о вѣрѣ и святыхъ тайнахъ“: вы перемѣнили ученіе о числѣ таинъ; поэтому не имѣете церкви, похожей на бывшую до Никона патріарха, и вы спасовцы, какъ и другіе старообрядцы, не составляете. Такъ ли я говорю?

— Такъ-то такъ; да вѣдь какъ же намъ быть?! Мы бы рады имѣть и всѣ семь таинъ, какъ было прежде, да не можемъ: у насъ, видишь ты, нѣтъ священства, некому совершать таинъ! — оправдывался Осипъ.

— У васъ дѣйствительно нѣтъ священства,—это я знаю. Но почему же его у васъ нѣтъ? Старая книга говоритъ, что въ Божіей церкви оно должно быть и есть. У православныхъ, до лѣтъ Никона патріарха, священники были; и у васъ они должны быть, потому что вы говорите: мы—православные, мы церковь, мы соблюдаемъ все то, что было въ церкви до Никона! Неимѣніемъ священства вы не можете оправдаться. Напротивъ, если ты скажешь, что у васъ, кромѣ причащенія, брака, соборованія, разрѣшенія отъ грѣховъ, нѣтъ еще и священства, этимъ только еще больше обличишь нищенскую бѣдноту своей церкви, еще больше обнаружишь, какъ много разницы у васъ сравнительно съ дѣйствительно старой, дониконовской церковью, въ которой были всѣ тайны, было и священство, какъ и должно быть непремѣнно въ церкви, которую ты исповѣдуешь въ символѣ. Объ этомъ дальше и говорится въ Катихизисѣ. Слушай: „и во единой главѣ Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ и подѣ единымъ чиномъ Его и рядомъ, правилъ же апостольскихъ и вселенскихъ семи соборовъ святыхъ богоносныхъ отецъ, пастырей и учителей, сирѣчь святыхъ папъ, патріарховъ и митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ и всего священническаго чина“. Вотъ слышишь, что здѣсь говорится: единая Божія церковь находится и должна находиться не въ безпорядкѣ, не въ безчиніи,—есть у нея и должны быть чинъ и рядъ и правила жизни, должны быть и священники, заботящіеся о соблюденіи Христомъ установленнаго чина и ряда. Ничего этого нѣтъ у васъ, безпоповцевъ.

Осипъ сказалъ: „ну, читай дальше; это я и самъ понимаю, что у насъ не все ладно“.

Читаю дальше: „другой вещи учимся: яко сія церковь Божія есть святая сихъ ради винъ. Первая убо, яко отъ Христа, жениха и главы своей, вѣрою и тайны съ нимъ соединившиися, освящается (Ефес. зач. 219). Вторая же, яко Духъ Святой, пребываяй въ ней выну, соблюдаетъ ю и во святыни сохраняетъ“. Слышишь, почему церковь исповѣдуется и есть святая? Потому, что ее освящаетъ Христосъ. Христосъ есть глава и женихъ ея, то-есть съ Нимъ она соединена, какъ тѣло съ головой, какъ невѣста съ женихомъ. Чѣмъ же такъ крѣпко, неразрывно соеди-

нена церковь со Христомъ, своимъ главою и женихомъ? Вотъ здѣсь и это сказано: вѣрою и тайнами. Старовѣры, не имѣя главнѣйшаго средства соединенія со Христомъ, таинства святаго пріобщенія, какъ могутъ сказать о себѣ: мы во Христѣ и Христосъ въ насъ? какъ могутъ называть свое общество святою церковію? А мы православные, какъ причащающіеся тѣла и крови Господа Іисуса Христа, имѣемъ несомнѣнную надежду на соединеніе съ Нимъ, ибо Онъ истинно сказалъ: *ядый мою плоть и пійи мою кровь, во мнѣ пребываетъ, и азъ въ немъ* (Іоан. зач. 24). Потому и церковію святою мы считать себя имѣемъ несомнѣнное основаніе. Освящается церковь отъ Христа и чрезъ другія спасительныя таинства; но черезъ таинство причащенія самого тѣла и самой крови Его—въ особенности. Не имѣя этого великаго таинства, вы, безпоповцы, не можете признать себя святою церковію. Такъ выходитъ по Катихизису. Другая „вина“, почему церковь есть святая, заключается, по Катихизису, въ томъ, что Духъ Святой, выну (всегда) въ ней пребывающій, соблюдаетъ ее и въ святынѣ сохраняетъ. Вы говорите, что церковь была во всей полнотѣ благодати только до лѣтъ Никона. Но вотъ старая книга увѣряетъ, что Духъ Святой выну, т.-е. всегда, во всякое время, непрерывно, во вѣки вѣковъ пребываетъ въ церкви и, пребывая въ ней, сохраняетъ ее во святынѣ. Никто не можетъ отнять у церкви ея святости при такомъ ея хранителѣ и защитникѣ. И если вы скажете, что святой церкви, со всѣми таинствами, уже нѣтъ теперь на свѣтѣ, то этимъ покажете только свое невѣріе въ то, что Духъ Святой могъ соблюсти церковь во святынѣ. А это есть великій, тяжкій грѣхъ...

Осипъ молчалъ.

— Ну, станемъ читать дальше: „третіей вещи учимся: яко сія едина церковь есть вселенская, или соборная, сирѣчь, яко она всѣхъ вѣрныхъ вездѣ во всемъ мірѣ и въ коемъждо вѣцѣ сущихъ объемлетъ и въ себѣ содержитъ“. Если ты скажешь, что теперь нѣтъ соборной церкви, что она при Никонѣ кончилась, то вотъ старая книга опять идетъ противъ тебя. Она увѣряетъ, что церковь объемлетъ и содержитъ въ себѣ всѣхъ вѣрныхъ не въ

одномъ какомъ, но въ коемждо вѣщѣ,—значить, и до Никона и послѣ Никона. А если скажешь, что вы—спасовцы составляете теперь церковь соборную, то вѣдь всякій знаетъ, что ни спасовцевъ вашихъ, ни филипанъ, ни еедосѣвцевъ, не было въ прежніе вѣка, до Никона патріарха, и теперь вы живете только по нѣкоторымъ мѣстамъ у насъ, на Руси, а соборная церковь, по Катихизису, должна имѣть вѣрныхъ вездѣ, во всемъ мірѣ и въ коемждо вѣщѣ,—значить, ваша церковь не соборная.

Будемъ дальше читать: „Четвертой вещи научаемся, яко вѣруемъ во едину, святую, соборную и апостольскую церковь, спрѣчь, уповаемъ на ученія и догматы святыхъ апостоловъ и святыхъ вселенскихъ седми соборовъ, а не въ люди вѣруемъ“.

-- Да вѣдь и мы вѣруемъ ученію святыхъ апостоловъ и соборовъ вселенскихъ,—сказалъ Осипъ.—Вотъ у меня даже и Кормчая своя есть: тутъ сведены всѣ правила. Мы ее почитаемъ.—Осипъ на бесѣду принесъ, дѣйствительно, Кормчую, Кириллову, о Вѣрѣ и еще нѣкоторыя другія книги.

— Если почитаете Кормчую, это хорошо. Такъ и надо „уповать на ученія и догматы св. апостоловъ и св. вселенскихъ соборовъ“. Въ точности ли вы соблюдаете ихъ, о томъ не будемъ говорить теперь, а станемъ читать дальше: „Пятой и конечнѣй вещи научаемся изъ сего девятаго стиха—о общеніи святыхъ, о немже апостольскій символъ сице глаголетъ: вѣрую святыхъ общенію, спрѣчь вѣрую, яко вѣрніи въ церкви Божіи, якоже уди во единомъ тѣлеси, совокуплены себѣ и пріобщаютъ себе едины другимъ, воздѣятельныхъ служеній, благодѣяніи и молитвѣ, имуть общее участіе божественныя литургія и таинъ церковныхъ, оставленія грѣховъ и добродѣяніи, яже во церкви содѣваются. Сице убо пріобщаются себѣ всѣ, якоже въ тѣлеси единъ удъ бываетъ участникъ силы другаго, и не точію иже суть на земли вѣрніи, но и иже на небеси, вси сіи суть во общемъ участіи святыхъ“. Надо понять, что мы тутъ прочитали. Упоминается здѣсь объ апостольскомъ символѣ. Что это за символъ?—Онъ напечатанъ здѣсь же, въ Большомъ Катихизисѣ (гл. 6, л. 30 и об.).

И мы прочитали „Сложеніе православныя христіанскія

вѣры, еже есть складъ апостольскій, на дванадесять стиховъ.

1. Вѣрую въ Бога Отца вседержителя, творца небу и земли.

2. И во Іисуса Христа, Сына Его единого, самого Господа нашего.

3. Иже зачатся отъ Духа Свята и родися отъ Дѣвы Маріи.

4. Иже при Понтійстѣмъ Пилатѣ страдавшаго, распята, умре и погребенъ бысть.

5. Во адъ сошедшаго, и въ третій день отъ мертвыхъ воскресшаго.

6. И возшедша на небеса, и сѣдящаго одесную Бога Отца.

7. Отнюду же придетъ судить живыхъ и мертвыхъ.

8. Вѣрую въ Духа Святаго.

9. И во святую соборную и апостольскую церковь, святыхъ участничество.

10. Во оставленіе грѣховъ.

11. Воскресеніе спрѣчь возстаніе мертвымъ.

12. И жизни будущаго вѣка. Аминь".—Каждое разночтеніе этого апостольскаго символа противъ всѣмъ извѣстнаго Никео-Цареградскаго вызывало живѣйшій интересъ слушателей. По уважаемой старообрядцами книгѣ они видѣли, что церковь имѣетъ власть измѣнять древнія, даже апостольскія установленія и замѣнять ихъ на своихъ соборахъ новыми. И эти соборныя установленія Христова церковь принимала, и сейчасъ и мы и старообрядцы держимъ и читаемъ за богослуженіемъ символъ вѣры не апостольскій, а именно соборный. Но чрезъ это оставленіе древняго, апостольскаго символа и принятіе новаго сравнительно съ нимъ, соборнаго церковь не перестала быть православною и не стала еретическою.—Покончивъ съ выясненіемъ этой мысли, я вернулся къ рѣчи о церкви.

„Въ апостольскомъ символѣ, по 25 главѣ Б. Катихизиса, былъ стихъ: „вѣрую святыхъ общенію“ или, какъ мы читали въ самомъ символѣ, по шестой главѣ, вѣрую во „святыхъ участничество“. Въ нашемъ теперешнемъ символѣ этого слова нѣтъ,—оно опущено, когда на первомъ и второмъ вселенскихъ соборахъ онъ вновь составлялся. Но мы не пере-

стали вѣровать, какъ велѣли вѣровать апостолы, въ „общеніе, въ участничество святыхъ“. Не подумайте, что здѣсь говорится объ общеніи однихъ только святыхъ угодниковъ Божіихъ. Нѣтъ, апостолы въ своихъ писаніяхъ называютъ всѣхъ христіанъ святыми ¹⁾. И дѣйствительно, всѣ, кто носятъ имя Христово, кто получили благодать въ таинствахъ и ею освященъ, достойны именоваться святымъ въ отличіе отъ всѣхъ нехристіанъ, подобно тому, какъ святая вода разнится отъ простой, или какъ лица священнаго сана отъ простыхъ христіанъ ²⁾. Есть святые въ особенномъ смыслѣ,—это угодники Божіи, но и они не могли бы сдѣлаться святыми, если бы не получали въ Христовой церкви спасительной и освящающей благодати. Можно такъ сказать: ты—христіанинъ святъ въ отличіе отъ некрещеннаго, я—священникъ святъ въ отличіе отъ тебя—мірянина, какъ имѣющій благодать священства, угодники Божіи святы, въ отличіе и отъ тебя и отъ меня, непорочною и добродѣтельною жизнью. Вотъ объ общеніи всѣхъ этихъ „святыхъ“, т.-е. всѣхъ христіанъ, и говорилось въ апостольскомъ символѣ; о немъ же, какъ о принадлежности Христовой церкви, говоритъ здѣсь и Католическій, объясняя при томъ, что общеніе это подобно общенію членовъ въ нашемъ тѣлѣ. Церковь есть такъ же тѣло, и каждый христіанинъ есть членъ этого тѣла. Какъ въ тѣлѣ всѣ члены находятся не въ оторванности одинъ отъ другаго, но въ соединеніи между собою; такъ, въ такомъ же единеніи, находятся и святые, т. е. христіане, члены единого тѣла—церкви. Что связуетъ и совокупляетъ эти многочисленные члены во единое тѣло? Что изъ множества христіанъ дѣлаетъ едину Христову церковь? Во-первыхъ, воздѣятельное служеніе, молитва,—отвѣчаетъ намъ старая книга. Насъ много; но мы всѣ молимся въ одномъ мѣстѣ (въ храмѣ), въ одно время (за богослуженіемъ). Конечно, въ одномъ храмѣ, какъ бы онъ ни былъ великъ, всѣ христіане помѣститься не могутъ; но и во

¹⁾ Смотри напр.: Рим. 1, 7; 1 Кор. 1, 2; 2 Кор. 1, 1; Ефес. 1, 1.

²⁾ „Помолися о мнѣ“, и „помяни мя владыко святой“, говорятъ въ алтарѣ за обѣдней, по Херувимской пѣсни, діаконъ священнику. Священникъ—святъ по сану или званію своему.

множествѣ отдѣльныхъ храмовъ одна и та же молитва, одно и то же богослуженіе. Сколько ни есть молящихся, но всѣ мы едиными усты и единымъ сердцемъ, какъ одинъ человѣкъ, возносимъ Господу молитву. Чрезъ эту молитву и служеніе разные и многіе члены церкви соединяются въ одно тѣло. Молитва—дыханіе церкви, ею живы и соединены всѣ ея отдѣльные члены.

— И у насъ есть общая молитва!—вставилъ словечко Осипъ.

— Значить, этимъ вы похожи на истинную церковь. Мы вѣдь не говоримъ, что у васъ ничего нѣтъ хорошаго. Такъ вотъ членовъ церкви соединяетъ воедино, во-первыхъ, молитва. Еще Катихизисъ указываетъ на благодѣянія или добродѣянія, какія содѣваются въ церкви, что и они служатъ средствомъ соединенія воедино многихъ ея членовъ. Ты пришелъ въ церковь, сталъ въ ряду другихъ и молишься вмѣстѣ со всѣми единой молитвой. Здѣсь же отъ своего усердія ставишь свѣчку, подаешь, когда собираетъ староста. Изъ этого свѣчнаго и кружечнаго сбора часть идетъ на нужды храмовъ, часть же на разныя дѣла благотворенія. Бываютъ и прямо по церквамъ сборы, напр., на слѣпыхъ, на голодающихъ. И вотъ, одни изъ членовъ церкви даютъ свои лепты, другіе получаютъ ихъ. Такъ и церковныя благотворенія, благодѣянія соединяютъ воедино членовъ церкви. Но особаго вниманія заслуживаетъ вотъ какой, указанный въ Катихизисѣ, способъ общенія святыхъ, т.-е. христіанъ или членовъ церкви: *имутъ общее участіе божественныя литургіи и таинъ церковныхъ, оставленія грѣховъ*. Ты сказалъ, что общая молитва и у васъ есть. Хорошо. Она и должна быть, по Катихизису, въ истинной церкви. Благотворенія у васъ тоже есть,—это я знаю; и это опять хорошо,—такъ и надо. Но вотъ божественная литургія есть ли у васъ? А она тоже непременно должна быть въ единой святой, соборной и апостольской церкви; се тоже указываетъ Катихизисъ, какъ необходимое средство общенія святыхъ, и даже необходимѣйшее, ибо литургія установлена Самимъ Христомъ. Если людскія, хотя и святоотеческія, установленія,—вечерню, часы, утреню, вы пріемлете, то тѣмъ больше должны принимать божественное, Христово уста-

новленіе, литургію. А ея-то, самой главной изъ церковныхъ службъ, у васъ нѣтъ.

— Да вѣдь у насъ поповъ нѣтъ; кто же будетъ составлять литургію?! Не стать же намъ, простецамъ, самимъ за это дѣло браться?!

— Если вы признаете, что безъ литургіи православная церковь не можетъ быть и свою секту считаете именно православною церковію, то вы непременно должны стараться, чтобы у васъ была эта литургія, потому что, по Катихизису, безъ нея вы—неправославные и православной церкви не составляете.

— Я что-то не пойму никакъ, что ты, батюшка, говоришь. Какъ же сдѣлать, чтобы у насъ была литургія? Поповъ нѣтъ у насъ,—вотъ наше горе!

— Что попы непременно должны быть у православныхъ, объ этомъ раньше въ Катихизисѣ говорилось (и я показалъ ему, гдѣ), а теперь идетъ рѣчь не объ нихъ,—теперь говорится, что всѣ члены единой церкви имѣютъ участіе въ божественной литургіи и въ другихъ таинствахъ. Ты пойми: кто не имѣетъ этого участія, тотъ и не членъ церкви, оторвался отъ нея и сталъ мертвымъ духовно. Не можетъ членъ тѣла, рука напримѣръ, имѣть въ себѣ жизнь, если будетъ оторвана отъ живаго тѣла. Я—членъ церкви; какъ же я могу быть живымъ, если добровольно отрываюсь отъ нея, не хочу жить одною съ нею жизнію?!

— Какъ же намъ быть? Литургіи у насъ нѣтъ...

— Надо завести. Если ты ѣдешь зимой въ дорогу, а нѣтъ у тебя теплой одежды, то надо непременно добыть ее, если не хочешь замерзнуть.

— То одежда, а то литургія! То дѣло исправимое. А какъ литургію завести?!

— Ты сперва рѣши: нужно ли ее завести? А потомъ уже и обдумывай, какъ завести.

— Нужно-то, нужно... Кто же скажетъ, что не нужно? Да невозможное это дѣло..! Не тѣ теперь времена.

— Не тѣ времена! Нѣтъ, Осипъ Михайловичъ, не во временахъ тутъ дѣло. Все дѣло въ вопросѣ: нужна ли божественная литургія христіанину, или не нужна? Вы, безпоповцы, рѣшили: хотя у православныхъ христіанъ и

должна быть, дѣйствительно, литургія, но... мы особенные христіане, мы можемъ и безъ нея обойтись! И вотъ у васъ нѣтъ литургіи, и вы привыкли къ этому. Впрочемъ, есть изъ вашихъ же безпоповцевъ такіе, которые разсуждаютъ иначе. Они говорятъ: „если христіанину велитъ причащаться самъ Христосъ, то никакъ не слѣдуетъ слушать людей, которые говорятъ, что можно обойтись безъ литургіи, безъ причастія. Значитъ, необходимо намъ изъ безпоповщины, гдѣ нѣтъ литургіи, нѣтъ причастія, уходить туда, гдѣ они есть“. И такіе люди отъ васъ переходятъ въ нашу церковь, или же къ старовѣрамъ, у которыхъ есть свои попы.

— Это къ австрійскимъ?

— Да. Ты слыхалъ про нихъ?

— Слыхалъ. Не знаю только, правда ли, что и вся эта вѣра народилась при царѣ Николаѣ Павловичѣ?

— Правда.

— Ну, такъ вѣдь это не Богъ знаетъ какая старина! Какіе же они старовѣры?

— Вѣра-то ихъ моложе тебя!

— Моложе и есть!—засмѣялся старикъ. Онъ попросилъ разсказать, какъ завелось австрійское священство. И разсказалъ.

— Ну, къ этимъ новоявленнымъ попамъ я ни за что не пошелъ бы,—сказалъ Осипъ.—Развѣ это законные? Нѣтъ лучше идти къ вамъ.

— Идутъ и къ намъ, идутъ и къ австрійскимъ. Тутъ вопросъ только о законности ихъ священства; а вѣруютъ они правильно, что необходимо причащеніе св. таинъ. Но есть еще третій сортъ безпоповцевъ: они тоже увѣровали, что безъ причащенія и безъ другихъ Христовыхъ таинствъ не можетъ существовать церковь, какъ и въ старинной книгѣ написано. Но къ австрійскимъ попамъ не пошли, должно быть, разсуждали о нихъ такъ же, какъ и ты. Къ намъ тоже не пошли. Они выдумали своихъ, безпоповскихъ, архіереевъ и поповъ, свое причащеніе и всѣ тайны.

— Что ты говоришь?!—удивился Осипъ.—Да откуда же они ихъ взяли? Ни къ австрійцамъ, ни къ вамъ не обращались, а стали у нихъ и поны и обѣднѣ?

— Ты какъ полагаешь: можетъ ли мірянинъ, не имѣющій священства, совершать крещеніе?

— Страшное это дѣло. Мы не дерзаемъ рѣшиться на него.

— А вотъ ваши же спасовцы въ Домшинскомъ приходѣ, Вологодскаго уѣзда, сами крестятъ младенцевъ. И крестителя ихъ видалъ, Егоромъ Романовымъ зовутъ.

— Не слыхалъ я, чтобъ въ нашей вѣрѣ это было. Это филиппане перекрещиваютъ; они сами крестятъ и у насъ.

— Филиппане и въ Домшинѣ, какъ и вездѣ, перекрещиваютъ; а спасовцы и тамъ, въ Домшинѣ, не перекрещиваютъ. И говорю: они крестятъ сами своихъ младенцевъ. Если бѣ ты ушелъ отъ церкви къ спасовцамъ Домшинскимъ, они тебя не стали бы крестить; наше крещеніе они признаютъ, какъ и ты. Но если бы твой Григорій, я говорю примѣрно, родился у тебя, когда ты былъ бы уже спасовцемъ, Домшинскій креститель Егоръ Романовъ окрестилъ бы его, нисколько не сомнѣваясь.

— Что ты?!

— И тебѣ разсказываю, что самъ слышалъ въ Домшинѣ.

— У насъ этого вѣтъ, и по-нашему это, чтобы простецу совершать крещеніе, есть грѣхъ, самоуправство.

— Это мы съ тобой такъ объ нихъ понимаемъ. А поговори-ка ты съ ними, они тебѣ станутъ доказывать, что это совѣмъ не грѣхъ, а только нужда, необходимость. Но не объ нихъ рѣчь,—мнѣ нужно было сказать тебѣ только, что у безпоповцевъ вообще, кромѣ васъ—староспасовцевъ, принято самимъ крестить. А рѣчь у насъ объ тѣхъ безпоповцахъ, которые завели свое священство и причащеніе.

— Ну, ну, говори.

— Подробной исторіи, какъ они сдѣлали это, я не знаю; а догадываюсь, что вотъ какъ они разсуждали: „Въ старыхъ книгахъ, какъ напримѣръ въ этомъ же вотъ Катихизисѣ, говорится: *вѣждь убо безъ всякаго сомнѣнія, яко въ церкви Божіей не двѣ точію суть тайны, но всесовершенно семь* (л. 360 об.). Значитъ, пребывать съ двумя тайнами, какія (будто бы) у насъ есть, невозможно; надобно имѣть всѣ. Гдѣ ихъ взять? Встарину вѣровали православные христіане, что никто не можетъ строить *святыхъ тайнъ, кромѣ святителей хиротонисанныхъ,*

имже дана есть власть отъ Господа Бога рукоположеніемъ наслѣдниковъ апостольскихъ (Большой Катихизисъ л. 358). Такъ и теперь вѣруютъ, согласно съ старинной книгой, тѣ, кого мы зовемъ никоніанами. Но мы, истинно-древніе христіане, давно бросили эту старую вѣру, что только священникъ можетъ совершать таинства: у насъ вѣдь простецы, не рукоположенные, совершаютъ уже тайны: и крестятъ и исповѣдуютъ. Мы оправдываемъ себя словами: *по нуждѣ* и не священникъ, а простецъ можетъ крестить и исповѣдывать. Но развѣ меньше *нужда* въ причащеніи? О крещеніи Спаситель сказалъ: *аминь, аминь глаголю тебѣ: аще кто не родится водою и духомъ, не можетъ внити въ царствіе Божіе* (Іоан. зач. 8). Но Онъ же сказалъ и о причащеніи: *аминь, аминь глаголю вамъ: аще не съѣсте плоти сына человѣческаго, ни пиете крове его, живота не имате въ себѣ* (Іоан. зач. 23). Значитъ, какъ безъ крещенія нельзя обойтись, такъ точно и безъ причащенія: оба великія таинства одинаково необходимы для всякаго христіанина и *нужда* въ нихъ одинакова. Теперь, если мы допускаемъ, что, по непмѣнью лицъ священныхъ, у насъ можетъ крестить простецъ, то что же мѣшаетъ намъ допустить, чтобы простецъ и причащалъ? Какъ можно крестить по *нуждѣ* и не священнику, а простецу, такъ можно по *нуждѣ* же и прочія таинства совершать ему же, простецу“. Вотъ, думаю, какъ рассуждали эти безпоповцы, когда наскоро обзаводились богатствомъ—полностью таинствъ послѣ безпоповщинской скудости въ нихъ. Да еще они говорили: „возводитъ на священную степень можетъ и собраніе мірянъ; изберемъ міромъ себѣ епископа“. Вотъ они и избрали епископа; и сталъ онъ совершать у нихъ по старымъ книгамъ все, что подобаетъ епископу.

— Да гдѣ же этакія чудеса творятся?—спросилъ Осипъ. Мнѣ что-то не вѣрится.

— Проповѣдь эта, что и одни простецы могутъ возстановить будто бы павшую при Никонѣ церковь, началъ въ Москвѣ одинокій безпоповскій пнокъ, по имени Іаковъ; но тамъ, въ Москвѣ, не нашлось сочувствовавшихъ его ученію, и онъ ушелъ въ Казанскіе и Пермскіе предѣлы. Тамъ нашлись согласные принять его ученіе. Правда, дру-

гіе безпоповцы не признають этихъ хищниковъ архіерейства, и даже на соборѣ въ 1884 году въ Саратовѣ было рѣшено: съ Іаковомъ не имѣть общенія „ни въ молитвѣ, ни въ яденіи, ни въ питіи“, т.-е. это новое ученіе о поставленіи архіерея мірянами признано за ересь.

— Еще бы это не ересь! Вѣдь такъ и я могъ бы архіерействовать, по присужденію такихъ же, какъ я, мужиковъ!—воскликнулъ дѣдушка Осипъ. Да, дерзки наши покрещеванцы; а этотъ Іаковъ еще хуже.

— Хуже ли? Вѣдь если покрещенскій наставникъ скажетъ ему: „какъ ты смѣешь литургисать?“, онъ спроситъ его самого: „а ты какъ смѣешь крестить?“ Наставникъ скажетъ: „я по нуждѣ“... „И я по нуждѣ“, отвѣтитъ Іаковъ. Я рассказалъ тебѣ объ этомъ Іаковѣ только для того, чтобы показать, какъ поступаютъ иные безпоповцы, убѣдившись, что безъ семи таинствъ христіане не могутъ составлять истинной церкви.

— Мудренія дѣла!..—вздыхнулъ дѣдушка Осипъ.

— А ты обсуди эти дѣла. Вотъ Спаситель сказалъ, что необходимо тебѣ, дѣдушка Осипъ, и мнѣ, и всѣмъ намъ христіанамъ, принимать Его пречистое тѣло и животворящую кровь. И установилъ Онъ во святой церкви таинство причащенія. У васъ, безпоповцевъ, и въ поминѣ пѣть его. А эти самовосхищеники архіерейства *) да „австрійскіе“, да еще православные говорятъ тебѣ, что у нихъ таинство причащенія совершается. Ты и подумай, крѣпко подумай, куда же тебѣ идти за причащеніемъ если не утерялъ вѣры въ непреложное слово Господне: *аще не съѣсте плоти сына человѣческаго, ни пиете крове его, живота не имате въ себѣ...* Ты имѣешь ли эту вѣру? Признаешь ли, что необходимо нужно причащаться свя-
тыхъ таинъ?

— Нужно-то, нужно...

— Если нужно, то значить нужна литургія, потому что безъ литургіи нельзя причаститься.

— Это такъ.

— А литургія невозможна безъ священства. Нужно значить, священство.

*) Такъ они названы въ книжкѣ архим. Павла „Краткія извѣстія о сектахъ въ расколѣ“.

— II я знаю, что нужно священство. Да гдѣ его взять?

— Конечно, не у выдумщика Іакова и не у бѣглаго, запродавашагося въ рабы, Амвросія, не въ ихъ новыхъ, на нашихъ, можно сказать, глазахъ, появившихся толкахъ, но у Христа Спасителя, въ Его истинной церкви. Въ ней всегда совершалась, совершается и будетъ совершаться тайная вечеря, всегда, во всѣ вѣка предлагаются вѣрующимъ хлѣбъ небесный и чаша жизни, всегда были, а не съ недавнихъ только лѣтъ появились, законные епископы и прочее священство, эти слуги Христовы и строители Его тани. Видишь ли, какъ все, что читали мы въ этой старой книгѣ о церкви, имѣется въ нашей православной церкви, а вами утрачено. Но мы еще не все прочли. Слушай дальше: „*Вопросъ*. Что есть церковь Божія? *Отвѣтъ*. Церковь Божія есть собраніе всѣхъ вѣрныхъ Божиихъ, иже непоколебимую держать едину православную вѣру, и въ любви пребываютъ, облобызаютъ же ученіе евангельское непоколеблемое, и иже суть достойни приимати святыя и божественныя совершенныя тайны, и иже суть подъ единою главою Господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ, а подъ правленіемъ совершенныхъ святыхъ, отъ него поставленныхъ; и иже въ законѣ христіанскомъ пребываютъ не зазорно, а не яко лицемѣри творятъ, къ нимже самъ Господь глаголетъ во Евангеліи, еже отъ Матѳея, сщце рече: что Мя покупаете, лицемѣри“. Вотъ и здѣсь говорится, что церковь составляютъ только такіе христіане, которые лобызаютъ, т.-е. съ полной вѣрой приемиютъ, ученіе евангельское непоколеблемое, т.-е. такое, котораго поколебать никто не въ силахъ. Напримѣръ, учитъ Евангеліе, что вѣчна, нерушима, даже отъ вратъ адовыхъ неодолима Христова церковь; это ученіе истинно, непоколебимо, и тѣхъ, кто неллицемѣрно ему вѣруеть, никто не можетъ убѣдить, что будто одинъ чловѣкъ, Никонъ по-вашему, могъ одолѣть церковь Христову. Христосъ самъ сказалъ, что се даже врата адова не одолѣютъ,—и этого слова Его намъ довольно, чтобы не колебаться безпоповскимъ вашимъ ученіемъ, что будто бы она отъ кого-то разрушена. Еще здѣсь повторяется, что въ церкви Божіей „христіане находятся подъ правленіемъ совершенныхъ святыхъ, отъ Христа поставленныхъ“, т.-е. пастырей и святителей, какъ и всѣ вы, старообрядцы, по-

нимаєте. Если священство въ церкви отъ самого Христа постановлено, чтобы совершать въ ней таинства и править вѣрными, то кто опять въ силахъ отнять его у церкви? Не допустить Христосъ, чтобы Его церковь потерпѣла въ чемъ-либо недостатокъ и чтобы могъ кто-нибудь отнять у нея Его божественные дары. Далѣе читаемъ: „*Вопросъ*: Что есть церковь соборная? *Отвѣтъ*: Церковь соборная есть, понеже отъ всѣхъ седми вселенскихъ соборовъ преданные догматы въ ней соблюдаемы суть“...

— Вотъ въ этихъ-то догматахъ и вся сила!—замѣтилъ Осипъ. Мы подозрѣваемъ, что въ вашей церкви они много измѣнены.

— Какой же на примѣръ догматъ, утвержденный на вселенскихъ соборахъ, измѣнила наша церковь?

— Да вотъ—перстосложеніе,—самое первое дѣло.

— А ты читалъ ли въ своей Кормчей хоть что-нибудь о перстосложеніи? Укажи, на какомъ вселенскомъ соборѣ установили догматъ о перстахъ.

— Нѣтъ,—въ Кормчей нигдѣ не читалъ.

— Да и нельзя прочесть, потому что въ Кормчей о перстахъ ничего не писано и на вселенскихъ соборахъ объ нихъ не разсуждали. Это вы иногда зря говорите, что двуперстно креститься узаконено на вселенскихъ соборахъ. Ни о двуперстїи, ни о троеперстїи не найдемъ мы въ Кормчей. Но объ этихъ предметахъ, если хочешь, послѣ поговоримъ. А теперь ты слѣди и обсуждай, есть ли у васъ то, что, по Катихизису, необходимо должно быть въ истинной церкви.

— Ты читалъ о догматахъ; догматы у насъ свято соблюдаются.

— А догматъ второго вселенскаго собора? Вѣдь эти слова „вѣрую во едину, святую, соборную и апостольскую церковь“—догматъ этого вселенскаго собора. Какъ же онъ у васъ соблюдается? Гдѣ у васъ священство и тайны, безъ которыхъ не можетъ быть единая, святая, соборная и апостольская церковь, по читанному въ Катихизисѣ?

— Да вѣдь, нужда наша...

— Ну, объ этой нуждѣ мы съ тобой уже достаточно поговорили. Нечего снова про нее толковать. Лучше почитаемъ, чему дальше учить Катихизисъ о церкви: „Свя-

щеннословесными же пѣснями и пѣніи славима есть, и святыми и божественными иконами украшаема есть. Основана же бѣ и утверждена святыхъ мученикъ мощми“. Иконы и книги есть и у васъ—старообрядцевъ; а вотъ мощи святыхъ есть ли у васъ? Я что-то не слыхалъ, чтобы гдѣ объявились мощи старовѣрскихъ святыхъ. Почему это, Осипъ Михайловичъ, ни у васъ—спасовцевъ, ни у филипанъ, ни у недосѣевцевъ, да и ни въ одной изъ многихъ старыхъ вѣръ нѣтъ святыхъ мощей?

— Да онѣ всѣ у васъ, въ вашихъ рукахъ.

— Почему же не въ вашихъ?

— Ваша власть...

— Ну, и хорошо, что власть наша; а будь власть ваша, я и не знаю, что бы тогда было. Во-первыхъ, кому бы святая мощи достались? Вѣры ваши такъ враждебны одна другой, что вамъ мирно не раздѣлить бы этой святости. Положимъ, напримѣръ, что онѣ достались бы въ руки филипанамъ, тогда ужъ ни ты, ни я не могли бы и поклониться этимъ святымъ мощамъ. Если они не даютъ намъ молиться передъ своими иконами, такъ до мощей тѣмъ болѣе никого бы не допустили, кромѣ своихъ только филипанъ. А теперь, когда древнія святая мощи въ нашихъ святыхъ церквахъ, и вы старообрядцы можете свободно поклоняться имъ; никто вамъ не возбраняетъ. Благодарите же Бога, что власть-то не въ вашихъ рукахъ.

— Извѣстно, за все надо Бога благодарить. Онъ знаетъ, что дѣлаетъ.

— Древнихъ мощей нѣтъ у васъ потому, что наша власть, мы завладѣли ими, а вѣрнѣе потому, что намъ благоволилъ дать ихъ Богъ. А почему же вновь не явилось у васъ мощей за всѣ 200 лѣтъ вашего раскола съ нами?

— Божья воля.

— А почему же есть воля Божія на то, чтобы у насъ и послѣ Никона открывались святая мощи? (Тутъ я разсказалъ о обрѣтеніи мощей святителей: Димитрія Ростовскаго, Митрофана и Тихона Воронежскихъ). Еще, говорю, въ нашей Вологодской епархіи при императорѣ Павлѣ открыты мощи преподобнаго Θεодосія Тотемскаго чудотворца. Но вы, старовѣры, говорите, что преподобный Θεодосій просіялъ святою жизнью еще до Никона патріарха, что онъ не

нашъ, а вашъ святой. А по-моему, это самое, что древлерусскаго святаго угодника Богъ прославилъ у насъ нетлѣніемъ мощей, черезъ сто слишкомъ лѣтъ послѣ Никона патріарха, служить отъ Бога даннымъ свидѣтельствомъ, что и послѣ Никона осталась россійская церковь такою же православною и святою, какъ была до Никона, во времена преподобнаго Феодосія. Но пусть преподобный Феодосій древлерусскій святой; а три святителя, которыхъ я называлъ вамъ, всѣ жили послѣ Никона, всѣ крестились троеперстно, всѣ обличали расколъ, особенно св. Димитрій Ростовскій. Твореніями своими, какъ при жизни устами и голосомъ, они и по смерти проповѣдуютъ истину Христовой церкви; а тѣла ихъ, по благодати Божіей, не видѣвшія истлѣнія, не должны ли для каждаго служить свидѣтельствомъ, что свята и православна церковь, имѣвшая ихъ пастырями и святителями? Но и очевидное Божіе чудо не всякаго вразумляетъ. Есть сердца, которыя еще болѣе ожесточаются при видѣ чудесъ. Многіе изъ іудеевъ, пришедшіе къ Маріи и бывшіе свидѣтелями, какъ Спаситель воскресилъ брата ея Лазаря, увѣровали въ Него, а нѣкоторые вмѣсто того, чтобы увѣровать, пошли къ фарисеямъ и рассказали, что сотворилъ Христосъ; фарисеи же присудили убить и Іисуса и Лазаря, потому что многіе ради Лазаря увѣровали во Іисуса (Іоан. гл. 11 и 12). Такъ и прославленіе новыхъ угодниковъ Божіихъ нетлѣніемъ тѣлесъ и чудесами иныхъ старообрядцевъ обращаетъ къ церкви, другихъ же еще болѣе озлобляетъ противъ нея, и, вмѣсто вразумленія, они даже издѣваются надъ святыми угодниками.

Но мой собесѣдникъ, вопреки обычаю старообрядцевъ, не высказалъ и сомнѣнія о новопрославленныхъ угодникахъ; напротивъ и онъ и всѣ бывшіе на бесѣдѣ внимательно слушали рассказанную мною исторію обрѣтевія ихъ мощей.

Кончивъ объ этомъ рѣчь, я продолжалъ чтеніе изъ Катихизиса о церкви. „Въ нейже совершается и тайна святыхъ и божественныхъ службы; въ нейже вси вѣрніи приедемъ пречистаго тѣла и честныя крови Христа Бога нашего и тѣмъ причастницы бываемъ царствія небеснаго. Сиде бо отъ святыхъ апостолъ предано есть намъ и святыхъ богоносныхъ отецъ. И того ради нарицается святая,

соборная и апостольская церковь. Се есть церковь соборная, яже всему Евангелію и всему ученію вселенскихъ соборовъ вѣруеть, а не части“. Слышишь,—опять говорится о совершающейся въ церкви божественной службѣ и причащеніи вѣрныхъ; а у васъ вѣдь нѣтъ этой службы причащенія?

— Нѣтъ, дѣйствительно. Но мы желаемъ причаститься да не можемъ!—съ сокрушеніемъ говорилъ Осипъ.

— Тутъ сказано: въ церкви соборной „пріемлемъ святія тайны“, а не сказано: „желаемъ принять“. Значить, это не оправданіе для васъ, что желаете принимать; нужно не желать только, а и дѣйствительно принимать святія тайны, чтобы быть членомъ церкви. Далѣе обратн особое вниманіе на эти слова: „церковь всему Евангелію и всему ученію вселенскихъ соборовъ вѣруеть, а не части“. Выходитъ, что можно вѣровать только части Евангелія, а не всему.

— Это какъ же?

— А вотъ какъ. Если, напримѣръ, я возьму въ руки Евангеліе, прочту какую-либо заповѣдь Христову и скажу: эта заповѣдь хороша, ее непремѣнно нужно держать и исполнять. Потомъ прочту другую заповѣдь, и скажу: а эту можно оставить; хорошо бы, конечно, и ее исполнить, да невозможно въ настоящее время, хотя встарину—лѣтъ двѣсти назадъ православные ее исполняли.

— Да развѣ этакъ-то можно выбирать изъ Евангелія?—сказалъ Осипъ. Если ты христіанинъ, такъ вѣрь всему, а не мудри!

— Справедливо ты говоришь,—надобно всему Евангелію вѣрить, а не части; но вѣдь вы же, старообрядцы, учите, что крещеніе и покаяніе, постъ и молитва будутъ у христіанъ во всѣ времена до скончанія вѣка, а причащеніе, миропомазаніе и маслопомазаніе, бракъ и поставленіе во священники теперь уже миновали,—имъ кончился срокъ и, хотя въ Евангеліи они и заповѣданы, но заповѣди о нихъ можно и не исполнять. Теперь они соблюдаются, по вашему, только у еретиковъ, а у васъ, древлеправославныхъ, не соблюдаются.

— Ты опять о своемъ!..

— Нѣтъ, не о своемъ, а о Божіемъ... Я объясняю, какъ это можно вѣровать не всему Евангелію, а только части, и какъ именно вы вѣруете части, а не всему Евангелію.

Будемъ дальше читать. „Се есть церковь соборная, яже не вѣруетъ вѣру умышленную, ниже держитъ тайны, отъ единого коего человѣка уставленная, но се вѣруетъ и на се уповаеть, еже Господь Богъ предаде и весь міръ соборнѣ похвали и пріять“. Въ поясненіе этихъ словъ я говорилъ о вѣрѣ, которую хранить наша церковь, какъ наслѣдіе отъ древней соборной церкви, и о вѣрѣ, которую имѣютъ старовѣры,—показать, какъ эти вѣры, почти всѣ, и имена-то свои получили отъ человѣкъ и выдуманы эти-ми людьми (филипповщина—отъ Филиппа, недосѣвщина—отъ Θεодосія).

Читали дальше. „*Вопросъ.* Въ какихъ вещехъ состоитъ и содержится церковь соборная единомысліе? *Отвѣтъ:* Въ сихъ особно пяти вещехъ: въ согласіи православныхъ вѣры, и въ любви неллицемѣрнѣ, и въ ученіи правомъ и въ достоинствѣ употребленія святыхъ таинъ, и въ чести и почитаніи святителей и пресвитеровъ. Сія суть пять первѣйшія вещи, прочія же по сихъ мощно исчитати“. Вотъ вы, старовѣры, все говорите про свои общества, что у васъ правая вѣра. Но у кого же изъ множества вашихъ толковъ истинная вѣра? Всякій толкъ хвалить свою вѣру. Ты, Осипъ Михайловичъ, говорилъ, что только у васъ, спасовцевъ, истинная вѣра, значитъ, вы и есть православная церковь. Но и то, что раньше читали, и что сейчасъ прочитано о церкви, содержится у васъ только малою частію. Изъ указанныхъ „пяти вещей“, въ которыхъ содержится единомысліе соборной церкви, гдѣ у васъ на-примѣръ достоинство употребленія святыхъ таинъ, гдѣ честь и почитаніе святителей и пресвитеровъ? Ни таинъ, ни священства у васъ нѣтъ. Какъ же быть, Осипъ Михайловичъ? „Вещи“ эти совершенно необходимы для церкви: въ нихъ, какъ тутъ написано, „особно“, т.-е. особенно, состоитъ единомысліе церкви. Если нѣтъ ихъ, то нѣтъ и единства вѣры, а есть многовѣріе, т.-е. рождаются толки, заводится расколъ... Какъ же прожить безъ священства и таинъ? Какъ прожить безъ православной церкви?

Осипъ вздохнулъ. Да вѣдь церковь,—сказалъ онъ,—это когда все соблюдается безъ нарушенія; а когда будетъ что нарушено, какъ при Никонѣ, тогда какая же это церковь? Мы одного этого и боимся,—перемѣнъ-то Никоновскихъ.

— Это объ нашей церкви ты говоришь? Чего же въ ней, по-твоему, недостаетъ, чтобы вполне походить на ту церковь, которая описана здѣсь въ Катихизисѣ? Кажется, все, о чемъ читано, что должно быть во святой церкви, все это въ нашей церкви есть: догматы, установленные на вселенскихъ соборахъ, она твердо и неизмѣнно содержитъ, тайны всѣ пріемлетъ, священство имѣетъ въ полномъ составѣ, храмы, иконы и святія мощи имѣетъ. Чего же еще недостаетъ ей?

— Да вотъ зачѣмъ эти перемѣны?

— О перемѣнахъ, я сказалъ тебѣ, поведемъ рѣчь послѣ. А сейчасъ слушай, что скажу. Положимъ, что съ нами сомнительно вамъ, старовѣрамъ, соединиться, потому что васъ смущаетъ наше перстосложеніе и прочія наши особенности. Но вѣдь расколу-то все же не подобаетъ быть? Надобно же, чтобы была единая церковь? Мы желаемъ соединиться съ вами; но какъ пойти намъ въ вашу моленную, когда ваше согласіе на описанную здѣсь церковь совсѣмъ не походить и, значить, не есть церковь? Я не напрасно читалъ тебѣ о церкви. Миѣ хотѣлось, чтобы ты да и весь народъ хорошенько поняли силу словъ, которыя мы читаемъ въ символѣ: „вѣрую во едину, святую, соборную и апостольскую церковь“. Кромѣ церкви Божіей невозможно спастись. Послушай еще немного, какъ въ этой же книгѣ объясняется, зачѣмъ надобно знать ученіе о церкви. „*Вопросъ.* Кая намъ есть потреба сего поученія о соборной церкви? *Отвѣтъ.* Сея ради, яко, да извѣстно вѣдуще ю (ее), въ ней пребываемъ и спасени будемъ, зане (потому что) кромѣ церкви Божіа нигдѣже нѣсть спасеніе“. Я послѣднія слова повторилъ два раза. Слышите: „кромѣ церкви Божіа нигдѣже нѣсть спасеніе“?

— Да мы не споримъ противъ этого; мы сами знаемъ, что безъ церкви нельзя спастись.

— Это хорошо, что знаете. Но худо то, что знаете, да не исполняете. Знаете, что безъ церкви, безъ таинствъ нельзя спастись; а ни церкви, ни таинствъ нѣтъ у васъ. Те-

перъ слушайте, почему безъ церкви нельзя спастись: „якоже бо при потопѣ всѣ, елицы съ Ноемъ въ ковчезѣ не бяху, истопоша, тако и въ день судный вси, иже нынѣ въ церкви святѣй не будутъ, тѣ во езеро оное огненное ввержени будутъ“ (1 Петр. зач. 60; Апок. 20). Понятно ли вамъ, что тутъ ищется? Какъ во время потопа потонули въ водѣ всѣ, кто не былъ въ Ноевомъ ковчегѣ, такъ и въ концѣ міра, въ день страшнаго суда, потонутъ въ озерѣ огненномъ всѣ тѣ, кто не будетъ нынѣ во святой церкви. Какъ при потопѣ спаслись только тѣ, кто былъ въ ковчегѣ, такъ и при кончинѣ міра спасутся только тѣ, кто въ церкви. Церковь—Христовъ новозавѣтный ковчегъ. Кто хочетъ спастись, кто не хочетъ погибнуть, будь въ церкви. Вотъ что здѣсь проповѣдуется. А дальше идетъ рѣчь о томъ, что сама церковь не можетъ погибнуть, и потому она—самое надежное убѣжище для людей: „церковь же Свою самъ Христосъ спасаетъ, якоже намъ святыи апостолъ Павелъ возвѣщаетъ, глаголяи: Христосъ есть глава церкви и Онъ есть спаситель тѣла Своего“ (Ефес. зач. 230). Это и раньше говорилось, что церковь вѣчно будетъ существовать и ничто и никто, ни ереси, ни гоненія, ни антихристъ, ея не могутъ уничтожить. Теперь только повторяется это же самое, чтобы мы не забыли. И наконецъ дѣлается такое наставленіе: „се убо иже не пребываютъ въ сей соборнѣй церкви, тѣхъ Христосъ не спасаетъ, и Духа Святаго спцевіи не имутъ. О нихже есть написано тако, яко сами отдѣляются отъ единости вѣры, и суть тѣлесни, духа не имуще. Богъ же Самъ, пребывающій во церкви Своей, спасаетъ ю, якоже и той Моисеомъ глаголетъ: поставлю завѣтъ Мой въ васъ, и не похулитъ душа Моя васъ, и похожду въ васъ, и буду вамъ Богъ, а вы будете Ми въ люди (Моис. 26 Левит.). Таже къ сему святыи апостолъ Павелъ глаголетъ: не вѣсте ли, яко храмъ Божій есте и Духъ Божій живетъ въ васъ. Аще ли кто храмъ Божій растлитъ, растлитъ сего Богъ (1 Коринѣ. зач. 128). Смотри же прочее, како ти суть великая сокровища, и многоцѣнныя бисеры, и предрагое каменіе, и неизреченная благая и неисповѣдимая утѣшенія, еже имѣти въ себѣ Бога сотворителя отцемъ милосерднымъ, Сына же Его избавителя—женихомъ превозлюбленнымъ, Духа же

Святаго освятителя—утѣшителемъ и всякихъ благъ подателемъ. Звай прочее добръ церковь Божию и претерпѣвай въ ней до конца вся нападенія“. Вотъ какой завѣтъ мы слышимъ изъ старины: „добръ“, хорошенько знай церковь Божию и до самой смерти своей въ ней пребывай! Хотя бы и были какія нападенія, гоненія, ты не оставляй ее! Смотри, не промѣняй церкви на какую-либо секту: „соборища же бѣсовскаго блюди, зане и собраніе нечестивыхъ обыче такожде нарицатися церковію Божіею“. Собраніе благочестивыхъ или православныхъ есть церковь, и собраніе нечестивыхъ или еретиковъ называетъ себя то же церковію. Не соблазнись одинаковостію именъ. Смотри, не смѣшай истинную церковь съ ложной. Церкви нечестивыхъ берегись: „Но ты вѣждь и бѣгай отъ бѣсовскаго Вавилона, спрѣчь отъ сонмища злыхъ и нечестивыхъ людей, и пріиметь тя Господь Богъ“. Вотъ какъ строго наказывается, чтобы ты крѣпко держался за Божию церковь. Короче это наставленіе можно выразить такъ: до смерти пребывай въ церкви, и будь какъ можно дальше отъ ереси и отъ раскола.

IV.

Непоследовательность спасовщины.

— Вотъ мы прочитали почти цѣлую главу изъ старинной книги, гдѣ объясняется, какая это церковь, въ которую мы должны вѣровать по словамъ символа: *вѣруемъ во едину, святую, соборную и апостольскую церковь*. И что же видно изъ этой главы? По-моему, наша церковь вполне походитъ на описанную здѣсь, а ваши старовѣрческіе толки очень во многомъ, и именно въ самомъ главномъ, не походятъ. Такъ ли по-твоему, Осипъ Михайловичъ?“ Осипъ Михайловичъ въ концѣ чтенія 25-й главы Катихизиса почти ничего не говорилъ. Онъ слушалъ молча, задумавшись. Мой вопросъ вывелъ его изъ раздумья.

— Да вотъ новшества-то ваши...

— Я же говорилъ тебѣ: допустимъ, что наша церковь будто бы неправа; но вѣдь ваша-то ужъ очевидно неправа. Какъ же вамъ быть? Безъ церкви невозможно спастись, а у васъ ея нѣтъ. Это вѣрно. Вы не вѣруете, что наша церковь православная; а сами явно не состав-

ляете той истинно православной церкви, какая должна быть по Катихизису. Вѣруете ли вы, что есть на свѣтѣ такая православная церковь?

— Есть. Какъ не быть церкви?!

— Такова ли она, какъ сейчасъ читали про нее въ Большомъ Катихизисѣ?

— Церковь, вѣдь я же говорю тебѣ, остается правою, когда все это содержать безъ нарушенія; а когда будетъ что перемѣнено, какъ при Никонѣ, то сомнительно... Я вѣдь это давно говорю.

— Я помню, ты объ этомъ не разъ заговаривалъ. Но ты скажи: есть ли теперь на свѣтѣ церковь, совершенно сходная съ той, какая описана въ Катихизисѣ? Есть она, или нѣтъ?

— Есть.

— Гдѣ же?

Старикъ, вмѣсто отвѣта заговорилъ о томъ, что они, спасовцы, не перекрещиваютъ переходящихъ къ нимъ отъ нашей церкви, и тотчасъ же перешелъ къ самому безпощадному порицанію филипанскаго правила вторично крестить приходящихъ въ ихъ секту.—Ну, что за безбожный народъ эти филипаны наши? Что выдумали: крестить крещеныхъ! Вѣдь это—грѣхъ непростительный. И какъ имъ не страшно творить такія дѣла? Что имъ не нравится въ вашемъ крещеніи!? Вѣдь у васъ крестятъ въ три погруженія, во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Да и хорошо крестятъ. Я нарочно смотрѣлъ приходилъ, какъ вотъ о. Александръ крестить. Нельзя ничего сказать худого: хорошо, не спѣшно, и чтеніе явственное, — я все разслушалъ, — и по уставу все, какъ есть. Не даромъ его хвалятъ.

Такой отзывъ старовѣрскаго наставника стоитъ большой награды для молодого еще священника (о. Александръ Садоковъ только первый годъ въ Флоровскомъ приходѣ). А Осипу за его безпристрастіе спасибо. Безпристрастіемъ не особенно отличаются старовѣрческіе наставники въ отзывахъ о нашей братіи—священникахъ. Они съ великою охотою говорятъ обыкновенно о нашихъ недостаткахъ и ошибкахъ; а чтобы кого-нибудь похвалили рѣдко бываетъ у нихъ.

— Вотъ, дѣдушка, ты защищаешь наше церковное крещеніе противъ филипановъ,—принимашь его...

— Да, принимаю.

— А мѣропомазаніе?

— И мѣропомазаніе принимаю; я крещень и мѣропомазанъ въ церкви.

— А исповѣдь нашу и причащеніе принимаешь ли? Ходишь ли на исповѣдь, причащаешься ли?

— Нѣтъ...

— Почему же? Почему ты одно наше таинство признаешь за истинное, а другое—не признаешь? Вѣдь тотъ же священникъ, который креститъ и мѣропомазуетъ, онъ же и исповѣдуетъ и причащаетъ. И церковь одна, въ которой совершаются всѣ эти таинства...

— Да вотъ разныя ваши перемѣны-то насъ смущаютъ...

И мы начали наконецъ говорить объ этихъ перемѣнахъ. По обычаю, говорили больше всего о перестосложениі. Долго говорили, но спору большого не было. Осипъ не идетъ противъ очевидности. Когда ему покажешь въ дониконовской книгѣ что-либо обличительное для старовѣровъ, онъ обыкновенно молча принимаетъ къ свѣдѣнію, иногда высказываетъ удивленіе, что „какъ же такъ? я вѣдь прежде читалъ эту книгу, а этого не примѣтилъ!“ Когда кончили толковать о томъ, что, по мнѣнію старообрядцевъ, ввелъ въ нашу церковь Никонъ патріархъ, я сказалъ Осипу: „вотъ ты нѣсколько разъ говоришь, что тебя смущаютъ наши „новшества“. Теперь видишь, что это за новшества. Всѣ они до Никона были въ православной церкви, и ничего Никонъ не выдумалъ, не то что еретическаго, но даже и новаго. Пусть филипане толкуютъ о нашей церкви свое; ты-то что объ ней думаешь? Ты говоришь, что смущаютъ тебя наши перемѣны, и все же, однако, наше крещеніе считаешь истиннымъ крещеніемъ,—филипановъ называешь безбожниками за то, что они вновь крестятъ уже крещеныхъ нашими священниками.

— Извѣстно, безбожники... Во имя Отца и Сына и Святаго Духа крещень я, а они меня еще станутъ крестить! Въ кого же они станутъ крестить, если имъ не любо, что я крещень во имя Отца и Сына и Святаго

Духа?.. Да и крестить-то мужикъ въ зипунѣ и лаптяхъ!—самозванцы они...

— Это вѣрно. Но, прости меня, дѣдушка,—мнѣ кажется, что ты самъ себя противорѣчишь. Когда идетъ рѣчь о нашемъ православномъ крещеніи, ты—врагъ филипановъ и другъ нашей церкви, а когда дѣло идетъ о нашемъ же православномъ причащеніи, ты становишься другомъ филипановъ и врагомъ нашей церкви. Въ одномъ случаѣ ты не поддался своему смущенію,—призналъ наше крещеніе за истинное, несмотря на то, что тебя вокругъ купели носили противъ солнца; а въ другомъ случаѣ ты поддался своему смущенію, и изъ-за того, что у насъ на обѣднѣ употребляется пять просфоръ, живешь, не причащаясь животворящихъ Христовыхъ таинъ. Надо бы и тутъ тебѣ одолѣть свое смущеніе; а ты позволилъ, чтобы смущеніе одолѣло тебя. Вѣдь это не хорошо. Случись тебѣ бесѣдовать съ филипанами, они переспорятъ тебя, и ты не будешь знать, что имъ отвѣтить. Осипъ, скажутъ они, никоніане еретики, или православные? Ты имъ что отвѣтишь?

— Не наше дѣло осуждать церковь!—вотъ что скажу.

— А они тебѣ скажутъ: значить, у тебя еще не рѣшенное дѣло, гдѣ правая вѣра? Зачѣмъ же ты отдѣлился отъ церкви, когда и самъ не знаешь, въ ереси она, или нѣтъ?

— Да вѣдь собора для суда надъ вашей церковью не было? Какъ же назвать кого еретикомъ безъ суда надъ нимъ соборной церкви? Вѣдь это пельзя.

— Такъ, Осипъ Михайловичъ! Вѣрно ты говоришь. Но, если ты скажешь филипанамъ, что наша церковь не осуждена никакимъ соборомъ, что наше крещеніе и муропомазаніе — истинныя таинства, то они очень справедливо замѣтятъ тебѣ: почему же ты не членъ этой церкви?

— Да вѣдь я же въ ней крещенъ, а не въ незаконной филипповщинѣ,—воскликнутъ Осипъ.

— А если ты въ ней крещенъ, такъ зачѣмъ отсталъ отъ нея? Крещеніе—духовное рожденіе. Церковь наша, значить, родила тебя, она тебѣ мать: зачѣмъ же ты ее забылъ? Она сдѣлала тебя христіаниномъ, безъ нея ты былъ бы нехристомъ; а ты ее знать не хочешь... Это только блудный сынъ не хочетъ жить въ родительскомъ домѣ. Когда блудный сынъ ушелъ изъ дома, гдѣ родился,

онъ едва съ голоду не умеръ на чужой сторонѣ. Такъ и старовѣры, покинувъ домъ матери своей—церкви православной, живутъ въ великой скудости: пѣтъ у нихъ ни хлѣба небеснаго, ни чаши жизни... И ты, старецъ, подумай: твоя мать не только родила тебя, но и кормила. Безъ ея питанія ты умеръ бы съ голоду. Такъ и мать-церковь, породивъ насъ во святомъ крещеніи, также питаетъ насъ, ежедневно устраиваетъ для насъ „вечерю“, обѣдню, т.-е. святую литургію. Зачѣмъ же лишать себя сей небесной трапезы, которую предлагаетъ тебѣ родившая тебя мать—церковь? Умереть душа съ голоду безъ причастія... Блудный сынъ вернулся къ отцу, и отецъ принялъ его съ радостію. Такъ и церковь-мать принимаетъ съ великою радостію тѣхъ своихъ отбѣгшихъ сыновъ, которые приходятъ въ себя и возвращаются въ ея домъ, гдѣ они родились водою и Духомъ. Придется вѣдь умирать... Подумай, старче, о спасеніи души своей.

И не мало еще говорилъ я съ Осипомъ, а народъ слушалъ. Народу, правда, было не много, потому что и деревня Малое Займище небольшая. А всѣхъ внимательнѣе слушалъ Григорій, сынъ Осипа, хозяинъ дома, гдѣ мы бесѣдовали. Я увѣренъ, что онъ все до единого слова запомнилъ. Когда кончилась бесѣда, онъ и его жена предложили мнѣ съ о. Александромъ пообѣдать. Народъ, поблагодаривъ за бесѣду, сталъ расходиться. И Осипъ собралъ свои книги. На прощаньи я сказалъ ему: „благодарю тебя, Осипъ Михайловичъ, что ты не уклонился отъ собесѣдованія. Вчера и третьяго дня безпоповскіе наставники ни въ Блазнахъ, ни въ Кошкинѣ не явились на бесѣду,—забоялись, что я ихъ обижу, будто книги у нихъ отыму“. Осипъ сказалъ: „это не ладно они сдѣлали! Съ безграмотными мужиками, да съ глупыми бабами, мы всегда, сколько угодно, готовы толковать о вѣрѣ; а пріѣхалъ нарочно человекъ, знающій не съ наше, тоже потолковать о вѣрѣ,—къ нему не идемъ! Это не хорошо. Я не таковъ. батюшка о. Іоаннъ. Видишь, пришелъ побесѣдовать. Я хоть и старъ, а радъ поучиться. Вѣдь мы что знаемъ? Ничего! Въ лѣсу мы родились, пеньями, прости Господи, молились“... Онъ высказалъ желаніе и еще побесѣдовать, если пригласю. Этотъ безхитростный старикъ мнѣ понравился.

СОЧИНЕНІЯ

Прот. Іоанна Полянского. Москов. епархіального миссіонера.

(Адресъ: Москва, 3 Троицкій, 4, 3).

1. Записки миссіонера.—Бесѣды съ старообрядцами. Изд. 3, въ 14 книжкахъ:

1. Въ моленной у филипповцевъ.	— р.	20 к.
2. Единовѣріе и расколъ.	— "	10 "
3. Старовѣрскіе страхи	— "	10 "
4. „Тянетъ къ старой вѣрѣ“	— "	10 "
5. Печать антихристовъ	— "	10 "
6. Дѣдушка Евсеій, странническій наставникъ	— "	15 "
7. Грѣхи людскіе.	— "	10 "
8. Спасова вѣра	— "	10 "
9. Вопль безпоповца	— "	10 "
10. Главный догматъ старовѣрья	— "	10 "
11. Старинныя книги обличаютъ старовѣровъ	— "	5 "
12. Бракоборы	— "	15 "
13. Притчи о мастерѣ и инструментѣ и о ключахъ	— "	10 "
14. „Ереси“ церковныя	— "	5 "
То же. Изд. 4, въ одной книгѣ	1 "	50 "
2. Церковныя бесѣды миссіонера или проповѣди противъ безпопов-		
цевъ. Изд. 2, въ 6-ти книжкахъ:		
1. Таинство священства	— "	10 "
2. Таинство крещенія и миропомазанія	— "	10 "
3. Таинство исповѣди	— "	10 "
4. Таинство причащенія	— "	10 "
5. О бракѣ	— "	5 "
6. Таинство елеосвященія	— "	5 "
То же. Изд. 3, въ одной книгѣ	— "	50 "
3. „Вѣчная правда“ (противъ Комиссарова)	— "	15 "
4. Бесѣда о троестерстіи въ православной церкви до лѣтъ		
Никона патріарха. Изд. 3.	— "	20 "
5. Правда ли, что имя Спасителя должно произносить		
только <i>Исусъ</i> и никакъ нельзя произносить <i>Иисусъ</i> ?		
(Противъ Усова)	— "	30 "
6. Клевета старообрядца на о. Іоанна Кропшадтскаго	— "	7 "
7. Почему на миссіонерскихъ бесѣдахъ въ Москвѣ не		
позволяется начетчикамъ говорить рѣчей къ народу?	— "	10 "
8. О каноническомъ достоинствѣ Стоглаваго собора.—		
Бесѣда съ Д. С. Варакинымъ. Изд. 2.	— "	10 "
9. Нуженъ ли единовѣрческій епископъ?	— "	10 "
10. О священническомъ титулѣ (Изъ бесѣды съ австрій-		
цами).	— "	5 "

У 111/150
Протоіерей Іоаннъ Полянскій.

ЗАПИСКИ МИССИОНЕРА.

Бесѣды съ старообрядцами.

Книжка 9.

Вопль безпоповца.

Изданіе третье.

Первое изданіе Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ одобрено къ приобрѣтенію въ ученическія библіотеки духовныхъ семинарій и въ библіотеки церковныя, въ особенности въ библіотеки тѣхъ церквей, въ приходахъ коихъ имѣются раскольники.

Цѣна 10 коп.

Книгоиздательство „Вѣрность“.

МОСКВА.

„Русская Печатня“. Садовая-Триумфальная, д. № 14.

1912.

241/152
Протоіерей Іоаннъ Полянскій.

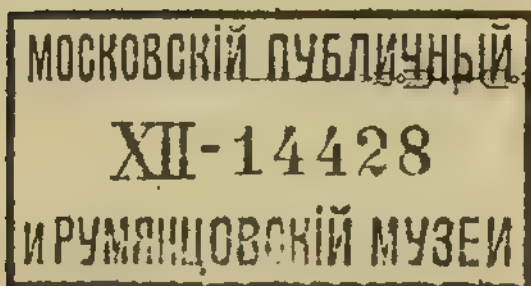
ЗАПИСКИ МИССІОНЕРА.

Книжка 9.

Воплъ безпоповца.

Издание третье.

Первое изданіе Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ одобрено къ приобрѣтенію въ ученическія библіотеки духовныхъ семинарій и въ библіотеки церковныя, въ особенности въ библіотеки тѣхъ церквей, въ приходахъ коихъ имѣются раскольники.

МОСКВА.

„Русская Печать“, Садовая-Триумфальная, д. № 14.
1912.

Вопль безпоповца.

I.

По перстамъ не угадать, кто какой вѣры.

5 сентября 1890 года, въ среду, мы съ о. Александромъ ѣздили изъ села Флоровскаго въ деревню Курочкино. Собесѣдованіе происходило въ просторной избѣ крестьянина Ивана Колесова. Началось оно съ 11 часовъ утра. Вотъ мы собрались на бесѣду,—сказалъ я,—не для пѣсенъ и шутокъ, а для великаго дѣла. Намъ необходимо рѣшить, гдѣ истинная вѣра: у старообрядцевъ, или у насъ, и если у старообрядцевъ, то у какихъ именно? Вѣдь у васъ въ приходѣ не одна, а три старыхъ вѣры: спасовщина, филипповщина и странничество. Если бы кто изъ насъ захотѣлъ перейти отъ церкви въ старовѣрье, онъ долженъ прежде всего подумать, къ какой изъ этихъ трехъ вѣръ ему пристать. Пристать же сразу ко всѣмъ тремъ нельзя, потому что эти старыя вѣры вѣчно во враждѣ одна съ другою, и не разорваться же одному человѣку на три части, чтобы угодить и спасовцамъ, и филипповцамъ, и странникамъ. Филипповцы перекрещиваютъ странниковъ, странники филипповцевъ, а спасовцы считаютъ всѣхъ вообще перекрещеванъ безбожниками,—это мнѣ вчера самъ Осипъ Михайловъ (въ Маломъ Займищѣ) сказалъ. Вотъ сколько мира и согласія между самими старовѣрами! А вѣдь единого не найдешь между ними, кто бы крестился троеперстно,—всѣ двуперстники!

— Да и мы почти всѣ крестимся большимъ крестомъ (двуперстно),—сказали нѣкоторые изъ православныхъ.

— Что же,—спросилъ я,—старовѣры считаютъ васъ за это своими единовѣрцами?

— Нѣтъ!

— Если бы не только вы одни, прихожане Флоровской церкви, но и всѣ мы—и міряне, и священники, и архіе-

реи по всему свѣту стали креститься двуперстно, то и тогда бы старовѣры не сочли насъ за своихъ. Въ Вологодской епархіи, въ селѣ Домшнѣ, есть церковь, гдѣ служба идетъ по книгамъ патріарха Іосифа, и священникъ крестится и благословляетъ двуперстно,—и все же безпоповцы знать ея не хотятъ и не ходятъ въ нее. Вѣдь имъ совсѣмъ не то надо, чтобы мы крестились двуперстно,—имъ прежде всего надобно, чтобы у насъ не было литургіи, чтобы мы никогда во всю жизнь, даже передъ смертію, не причащались святыхъ даровъ, тѣла и крови Христовыхъ, чтобы наши дѣти не были муропомазуемы, чтобы наши больные не были соборованы... Вотъ, если мы оставимъ почти всѣ Христовы таинства, а которыя и удержимъ, тѣ предоставимъ совершать не священникамъ, а простолюдинамъ,—только тогда мы и угодимъ безпоповцамъ, тогда только и сочтутъ они насъ за своихъ... Не думайте, что вся разница между ими и нами въ перстосложеніи. Перстосложеніе далеко не главное дѣло въ нашихъ спорахъ о вѣрѣ: двуперстно молятся у васъ православные, спасовцы, филипповцы и странники. Видите, въ четырехъ совершенно различныхъ вѣрахъ одинаковое перстосложеніе. Значитъ, по пальцамъ не угадать, кто какой вѣры. И гдѣ истинная вѣра и истинная Христова церковь—опять же не угадать по пальцамъ. Для этого надобно книги читать.

II.

И у еретиковъ есть священство и таинства.

II я хотѣлъ было взяться за чтеніе. Въ это время въ избу вошла новая толпа народа. „Вотъ и Лука Ивановичъ пришелъ!“—заговорили мужики. Лука Ивановичъ Астраханцевъ крестьянинъ сосѣдней деревни Шемейкина; онъ принадлежитъ къ сектѣ филипповцевъ и считается у здѣшнихъ старовѣровъ большимъ начетчикомъ и учителемъ. Я видѣлъ этого Луку дня за два передъ Курочкинской бесѣдой, и немного разговаривалъ съ нимъ о вѣрѣ. Теперь я встрѣтилъ его, какъ своего знакомаго. „Садись, Лука Ивановичъ!“—и предложилъ ему мѣсто за столомъ, гдѣ сидѣли мы съ батюшкой и о. діаконъ. Но Лука Ивановичъ отказывался: „нѣтъ, я постою“.—Садись! удоб-

иѣе, сидя, бесѣдовать!—Наконецъ, онъ сѣлъ съ краю стола, рядомъ съ бѣлокурымъ парнемъ лѣтъ 25, Александромъ Степановымъ, тоже филипповцемъ. Я объяснилъ ново-прибывшимъ съ Лукою, о чемъ идетъ рѣчь, и сталъ читать 25-ю главу изъ Большого Катихизиса. Какъ и наканунѣ въ Маломъ Займищѣ, при чтеніи я дѣлалъ по мѣстамъ необходимыя поясненія. Кончивъ чтеніе, я сказалъ: Известно, что филипповцы свое согласіе считаютъ церковію, спасовцы—свое, и всякій старовѣрскій толкъ только себя признаетъ за церковь. Но, если вѣрять старымъ книгамъ, истинная Христова церковь не то что сотни лѣтъ, а даже единой минуты не можетъ пребыть безъ священства и безъ всѣхъ семи таинствъ. Значитъ, явно, что она не у старовѣровъ...

— Ваше смиреніе!—обратился ко мнѣ Лука. Мы не споримъ; мы сами знаемъ, что нѣтъ церкви безъ священства и безъ таинствъ. Но священноначаліе и таинства есть и у латинянъ.

— Вѣрно; есть.

— А они—еретики.

— Ну, такъ что же?

— Ваше высокоблагословеніе! позвольте мнѣ пояснить мысль Луки Ивановича,—сказалъ бывший на бесѣдѣ крестьянинъ деревни Ципелева, Раменскаго прихода, Алексѣй Леонтіевъ Кряквичевъ. Конечно, я позволилъ ему говорить. „Я,—началъ онъ,—коротко, можно сказать, знакомъ со здѣшними старообрядцами и знаю ихъ мысли о вѣрѣ. Вы, о. Іоаннъ, говорите, что старообрядцы потому не составляютъ изъ себя истинной церкви, что у нихъ нѣтъ ни священства, ни таинствъ; а Лука Ивановичъ возражаетъ вамъ, что священство и таинства есть и у латинянъ, и однако, при всемъ томъ, латиняне—еретики. Старообрядцы относительно господствующей въ Россіи церкви имѣютъ сомнѣніе: они приравниваютъ ее къ латинской; не порицаютъ и не осуждаютъ ее за то, что въ ней есть и священство и таинства, но они думаютъ, что она ввела многія ереси, подобно какъ и латинская“. Лука сказалъ: „Да, намъ необходимо прежде всего удостовѣриться, что самая вѣра ваша, т.-е. догматы и ученіе, не причастны ереси“. Для меня стало ясно, что Лука Ивановъ желаетъ

говорить не о томъ, о чемъ я началъ. Ему хотѣлось говорить о троеперстїи, о пяти просфорахъ и о прочихъ предметахъ, изъ-за которыхъ старообрядцы чуждаются нашей церкви. Но мнѣ не хотѣлось оставить начатой рѣчи и я отвѣчалъ: Послушайте! О нашей церкви, если Богъ дастъ, еще успѣемъ поговорить. Сейчасъ же я, на основаніи старопечатныхъ книгъ, рѣшительно утверждаю: въ православной церкви необходимо должны быть на лицо и священство и всѣ семь таинъ. Мы православны, или старовѣры? въ насъ церковь, или въ нихъ?—вотъ вопросъ, который мы рѣшаемъ. Большой Катихизисъ помогаетъ намъ его рѣшить. Онъ говоритъ: гдѣ православная вѣра и церковь, тамъ непременно есть и священство и всѣ семь таинствъ,—безъ нихъ не можетъ существовать церковь. По ученію этой книги, въ безпоповщинѣ не возможно даже и предположить, а не то-что искать церкви. Старовѣры всегда очень любятъ толковать о чужихъ ересьяхъ. Вотъ и Лука Ивановичъ упомянулъ о латинянахъ. Латиняне теперь еретики; но вѣдь было время, когда они принадлежали къ православной церкви. Потомъ они отдѣлились отъ нея, но и въ отдѣленіи своемъ удержали очень многое изъ православной вѣры, между прочимъ священство и таинства. И за это ихъ нельзя порицать. И насъ старовѣры не порицаютъ за то, что у насъ есть и священство и таинства. Еще бы они стали порицать?! Вѣдь они знаютъ, что священство и всѣ таинства всегда были въ православной церкви. Знаете ли вы, кто установилъ священство и таинства?

— Господь Ісусъ Христосъ,—сказалъ Лука.

— Ну, теперь я буду разсуждать отъ лица старовѣровъ: „Мы, старовѣры, составляемъ единую, святую, соборную и апостольскую церковь. Церковь эта началась не съ Никона патріарха, а съ самого Господа нашего Ісуса Христа. Онъ установилъ во своей церкви и священство и таинства. Но у насъ священства совсѣмъ нѣтъ, а таинствъ почти нѣтъ. Вотъ еретики—латиняне, никоніане—имѣютъ все въ полнотѣ, они больше насъ похожи на описанную въ Большомъ Катихизисѣ церковь“... Вѣдь вотъ къ чему приводить васъ, Лука Ивановичъ, твое упоминаніе о латинянахъ. Выходитъ, что сами старовѣры произносятъ

приговоръ надъ своей церковью, сами признаются, что у нея нѣтъ даже такого сходства съ древнею православною церковію, какое есть и у еретическихъ церквей. Вѣдь не скажете же вы, что въ древности, до Никона патріарха, въ православной церкви все было по-вашему: храмовъ съ алтарями не было, священниковъ, архіереевъ не было, причащенія и прочихъ таинствъ тоже не было? Вѣдь это все не Никонъ выдумалъ?

— Про это нечего и говорить,—сказалъ Лука.—Сами знаемъ, что все это тогда было. Но теперь не тѣ времена. Теперь, по-нашему, самое горькоплачевное время: все благочестіе порушено...

— Гдѣ же оно порушено: у еретиковъ, или у православныхъ? Видишь ли, Лука Ивановичъ: вы и сами не скрываете, да и скрыть вамъ нельзя, что у васъ, у старовѣровъ, очень многого не имѣется въ вѣрѣ изъ того, что установилъ самъ Спаситель и что было у православныхъ до Никона. И однако же самихъ себя вы считаете православными. Вамъ надобно будетъ сказать, что не у однихъ еретиковъ благочестіе порушено. У еретиковъ оно дѣйствительно порушено; потому-то они и еретики, что у нихъ благочестіе порушено. Но порушено оно, оказывается, и у васъ: священства у васъ нѣтъ, браковъ нѣтъ причастія нѣтъ—все это у васъ порушено. Какое жѣ это такое благочестіе ваше, православіе ваше, когда въ немъ столько порухи?! Во Христовой церкви все должно быть безъ перемѣнъ...

— Знаемъ мы все это, знаемъ... Нѣсть церковь безъ священства и безъ таинствъ,—да гдѣ же намъ взять ихъ?! Когда ты говоришь о причастіи, кипитъ у насъ все вотъ тутъ, внутри (Лука дотронулся рукой до своей груди). Вѣдь не безчувственные мы!—и намъ страшно слово Христово: *аминь, аминь, глаголю вамъ: аще не съѣсте плоти сына человѣческаго, ни пїете крове его, живота не имате въ себѣ*, какъ писано въ 23 зачалѣ Евангелія отъ Іоанна! Мы тоже читаемъ слово Божіе...

— Это очень хорошо, что читаете. Грамотному христіанину грѣхъ не читать его. Но если тамъ написано, что надобно причащаться, то нужно исполнять это повелѣніе и на самомъ дѣлѣ причащаться. Кто не причащается,

того противникъ Евангелію и самому Христу, потому что евангельская заповѣдь о причащеніи—Его заповѣдь.

— Отошло время! Теперь нѣтъ на свѣтъ причастія! Какое можетъ быть причастіе, когда Никонъ вмѣсто креста ввелъ шепоть!—закричало сразу нѣсколько голосовъ. И услышалъ знакомый мнѣ голосъ Андрея Колесова, брата того крестьянина, въ домѣ у котораго бесѣдовали.

— Андрей,—говорю,—какъ ты можешь знаменіе Святой Троицы ругать шепотью? Не хорошо!

— Ну, извините. А только я отъ старовѣровъ слыхалъ, что послѣ перемѣны креста негдѣ стало причащаться (самъ Андрей еще числится православнымъ, не перекрещенъ еще).

— Да вѣдь у старовѣровъ крестъ не перемѣненъ! Они говорятъ, что у нихъ все остается безъ перемѣнъ, по-старому, какъ было до Никона. Встарину же было причастіе: значить, и у нихъ оно должно быть. Пусть, по-ихнему, его не можетъ быть тамъ, гдѣ перемѣненъ крестъ,—пусть будетъ, что у насъ нельзя причащаться; но вѣдь у нихъ крестъ не перемѣненъ: отчего же у нихъ не причащаются? Самъ же Лука сказалъ, что въ Евангеліи Спаситель угрожаетъ лишеніемъ вѣчнаго живота тому, кто не причащается. Вѣдь вы всѣ слышали, что Лука Ивановичъ прочиталъ изъ Евангелія?

III.

Безпоповщинская нужда.

Разговоръ оборвался. Лука сидѣлъ задумавшись. Опять выручилъ его Алексѣй Леонтьевъ: „О. Іоаннъ! старообрядцы говорятъ, что по нуждѣ можно обойтись и безъ причастія, а все-таки спастись!“

Эти слова вывели Луку изъ раздумья, онъ заговорилъ: Въ Большомъ Катихизисѣ на листу 356 и 357 пишется: „Крещеніе и причащеніе и покаяніе сице нужно потребни суть всякому во спасеніе, да спасется, якоже корабль во преплытіе глубины морскія, безъ нихже ни единъ спастися можетъ, развѣ еще не возможетъ ихъ употребляти, вожделѣвъ ихъ“. И еще: „Сего ради пренебрегѣи я, немощенъ есть и неизвѣстепъ, ниже утвержденъ во своемъ

спасеніи, развѣ еще бы я вождѣлъ и не возмогъ бы ихъ употребляти“. Лука прочиталъ эти слова безъ книги, наизусть, скороговоркой. Было ясно, что слова эти изъ Большого Катихизиса хорошо знакомы ему. Онъ особенный нажимъ голоса сдѣлалъ на этой оговоркѣ: „развѣ еще не возможно употребляти“. Очевидно, что въ этихъ словахъ онъ находилъ успокоеніе своей совѣсти, смущаемой грознымъ гласомъ Господа: „живота не имате въ себѣ“. „Вотъ мы, и находимся теперь въ такой нуждѣ, что при всемъ нашемъ сильномъ, можно сказать, огненальномъ желаніи, не можемъ, по немѣвнѣю истиннаго священства, причаститься; а не то, чтобы мы пренебрегали таинствами, или не хотѣли ихъ употреблять. Вѣдь мы—христіане и вѣруемъ въ словеса Господа; но не можемъ ихъ исполнять. Что же намъ дѣлать?!—горячо проговорилъ Лука.

— Что вамъ дѣлать? То же, что и намъ: вѣровать, что всякое слово Господа нашего Іисуса Христа истинно, а не ложно; идти въ своей жизни тѣмъ царскимъ, прямымъ путемъ, который Онъ всѣмъ указалъ: исполнять то, что Онъ велитъ намъ, и брать изъ Его пречистыхъ рукъ ту благодать, какую Онъ даетъ намъ и безъ которой невозможно спастись. Намъ необходимо всегда въ памяти своей содержать слово, реченное Имъ: *азъ есмь путь и истина и животъ* (Іоан. 14, 6; зач. 47). Не надобно сбиваться съ пути Христова; не надо вѣровать въ людскія, несогласныя съ Евангеліемъ, мудрованія; не надо измышлять другихъ средствъ къ животу вѣчному, помимо однажды навѣки дарованныхъ Христомъ. Короче сказать—надобно пребывать во Христовой церкви. Вотъ что надобно дѣлать. Не говори ты, Лука Ивановичъ, что вы, старообрядцы, не можете исполнять велѣній Христовыхъ. Не обличайте самихъ себя въ послушаніи Евангелію. Гдѣ же наша вѣра, если мы не можемъ исполнять ученія Христова? Если вѣруете, то и вы можете исполнять его. Все дѣло въ вѣрѣ. Не будьте маловѣрными.

— Вѣдь мы вѣруемъ же. Мы вождѣлемъ употреблять Христовы таинства; да не можемъ. Вѣдь сказано же въ Большомъ Катихизисѣ...

— Въ Катихизисѣ, Лука Ивановичъ сказапо, да и ты самъ уже вычиталъ намъ, что *крещеніе и причащеніе и покаяніе сице нужно потребни суть всякому во спасеніе, да спасется, якоже корабль въ преплытіе глубины морскія, безъ нихже ни единъ спастися можетъ*. Просто и ясно: никому [нельзя переплыть глубину морскую безъ корабля—утонешь; никому нельзя спастись безъ крещенія, причащенія и покаянія—погибнешь. Но, сдѣлана оговорка,—не погибнетъ и безъ этихъ таинствъ человѣкъ, который не употребляетъ ихъ, однако не по небреженію, а по какой-нибудь невозможности,—*развѣ еще не возмозетъ ихъ употреблять, возжелѣвъ ихъ*. Кажется, всякому понятно, что здѣсь рѣчь идетъ не обо всей церкви, а объ отдѣльномъ человѣкѣ. Говорится обо мнѣ, примѣрно, или о тебѣ, Лука Пвановичъ. Всякому изъ насъ необходимо быть крещенымъ, а по крещеніи прибѣгать къ покаянію и причащенію. Гдѣ же можемъ мы пайти сіи святыя таинства?—Нигдѣ, какъ только въ православной церкви. Но, положимъ, что человѣкъ, вѣрующій во Христа, но еще не крещенный, по какимъ-либо обстоятельствамъ очутился въ такой странѣ, гдѣ даже имени Христова не слышали, гдѣ нѣтъ ни одного православнаго храма, ни одного православнаго священника. Гдѣ этому человѣку присоединиться къ церкви, кто его окреститъ, передъ кѣмъ онъ покается въ своихъ грѣхахъ и изъ чьихъ рукъ приметъ пречистые Христовы дары? Положимъ, что онъ такъ и умретъ. Вотъ про такого-то человѣка, который „не возмогъ употребить святыя таинства, возжелѣвъ ихъ“, позволительно будетъ сказать, что онъ все-таки, и безъ таинствъ, можетъ спастись. Или вотъ еще что возможно,—и это можетъ случиться во всякомъ приходѣ: христіанинъ гдѣ-нибудь въ лѣсу, въ дорогѣ, одинъ, сразу почувствовалъ приближеніе смерти; знаетъ, что надобно раскаяться въ грѣхахъ своихъ и напутствоваться на тотъ свѣтъ святыми тайнами, а священника, который бы исповѣдывалъ его и причастилъ, нѣтъ при немъ... Онъ умираетъ безъ покаянія и безъ причастія. Опять, такой человѣкъ можетъ спастись, потому что, хотя онъ и не покался и не причастился передъ смертію, но, во-первыхъ, онъ и прежде не разъ употреблялъ сіи таинства, а во-вторыхъ,

онъ и теперь отъ всей души „вождемъ ихъ употребито, но не возмоглъ“. Вотъ если бы старовѣры оказались въ подобномъ положеніи, тогда бы вамъ можно было оправдываться этимъ словечкомъ изъ Большого Катихизиса „мы вождемъ, но не можемъ употреблять святыя тайны“. А теперь оно къ вамъ нисколько не примѣнимо.

— Какъ не примѣнимо? Развѣ мы не желаемъ употреблять святыя тайны?

— А вотъ какъ не примѣнимо: тамъ, въ Большомъ Катихизисѣ, говорится, что съ отдѣльнымъ человекомъ, напр., съ Лукой, съ Иваномъ, съ Теодоромъ, можетъ случиться, что онъ, при всемъ его желаніи, не возможетъ употребить святыя таинства; а у васъ, у старовѣровъ, вышло, что не одинъ человекъ, не два, а рѣшительно всѣ вы не можете причащаться святыя Христовыхъ таинствъ, и не отъ того, чтобы вы жили гдѣ-либо въ иновѣрной странѣ, или временно и случайно вдали отъ своихъ духовныхъ отцовъ и отъ своихъ церквей... Нѣтъ, совсѣмъ не по этой причинѣ вы не причащаетесь: моленія, или ваши храмы, въ каждой деревнѣ,—не далеко отъ васъ; отцы ваши духовные съ вами вмѣстѣ живутъ,—значить, вы живете не вдали отъ своего братства, не внѣ своей церкви,—ваше братство и есть ваша церковь, и каждый изъ васъ въ ней стало-быть и живетъ. Бѣда ваша именно въ томъ, что въ вашей церкви, въ вашей вѣрѣ, нѣтъ этого великаго таинства, такъ что вамъ и пожелать-то употребить его невозможно. Поймите вы, старовѣры, какая ваша вѣра: у васъ не человекъ одинъ, или два лишаются святыя Христовыхъ таинствъ, но вся ваша церковь лишилась сихъ спасительныхъ средствъ,—нечѣмъ ей стало спасать своихъ чадъ! Жаль намъ васъ, несчастныхъ: вѣдь вы желаете получить спасеніе, и все же вамъ невозможно спастись, потому что, какъ безъ корабля не переплыть моря, такъ и безъ таинствъ не спастись...

— У насъ есть же крещеніе и покаяніе!

— Только два таинства?

— По нуждѣ и двума довольствуемся.

— А сколько бы надо ихъ, еслибы содержать вѣру не по вашей нуждѣ, а по заповѣдямъ Христовымъ?

— Седмь,—знаемъ мы это.

— Вѣрно; именно семь. И будь ваше филипповское согласіе дѣйствительно Христовой церкви, то у васъ были бы въ наличности всѣ семь таинствъ, потому что въ томъ же Большомъ Катихизисѣ написано: *вѣжды безъ всякаго сомнѣнія, яко въ церкви Божіей не двѣ точію суть тайны, но совершенно семь* (л. 360 об). Вотъ вы все хвалитесь, что у васъ нѣтъ никакихъ измѣненій противъ старины; но встарину было въ церкви семь таинствъ, а у васъ теперь только два—по-вашему счету: куда же у васъ дѣлись остальные пять таинствъ? Зачѣмъ ихъ у васъ стало меньше, чѣмъ слѣдуетъ? Развѣ вы не знаете, что „аще кто прибавитъ, или убавитъ, апаѹема да будетъ“? Не вы ли стоите на этомъ словѣ? И сами же его разрушаете. Вотъ мы боимся этой анаѹемы; у насъ, какъ и должно, на лицо всѣ семь таинствъ. Мы приняли отъ отца нашихъ всѣ таинства вѣры православной и передадимъ ихъ въ полнотѣ нашимъ дѣтямъ, какъ нерушимое заповѣдное наслѣдіе Христово. А вы многое растеряли изъ этого наслѣдства. Эти семь таинствъ—суть дары, которыми одарилъ и наградилъ Женихъ—Христосъ возлюбленную свою невѣсту—церковь. Дѣйствительно Христова церковь—вѣрна Христу, дорожить Его дарами и соблюдать ихъ во всей цѣлости и сохранности до втораго пришествія Его на землю. А та церковь, которая не сохранила всѣхъ даровъ Христовыхъ, какъ можетъ считать себя вѣрной Его невѣстой?

— Вы все толкуете о полномъ, седмичномъ числѣ церковныхъ таинствъ... Мы и рады бы все имѣть и все совершать, что повелѣвается въ книгахъ, но не дерзаемъ, потому что у насъ нѣтъ священниковъ. Развѣ можно восхищать недарованное? Развѣ можно простецу совершить литургію?

— Конечно, нельзя. Но зачѣмъ же восхищать недарованное? Надо брать лишь то, что даютъ. Благодать священства—тоже даръ Царя-Христа, и его хранить церковь, которой Онъ далъ и этотъ даръ, какъ и другіе. Во Христовой церкви есть законные священники, а не восхитители недарованнаго... Видите, какъ ни начини разсуждать, а непременно придеши къ вопросу о церкви. И сами вы

говорите, что безъ церкви невозможно спастись; а изъ вашихъ же старыхъ книгъ видно, что въ вашихъ беспоповскихъ обществахъ нѣтъ этой спасительницы.

IV.

Неразрушимость церкви.

— А зачѣмъ Соловецкій разорили? Какъ разорили Соловецкій, не стало больше ни церкви, ни тайнъ! Нечего и спрашивать со старовѣровъ того, что у нихъ отнято и разорено...— Это прокричалъ Андрей Ивановъ. Нѣкоторые поддерживали его слова. Я отвѣчалъ: Неужели вы думаете, что пушки царя Алексѣя Михайловича могли разорить церковь Христову? Если онѣ и могли что сдѣлать, то только именно разорить стѣны, созданныя руками человѣческими.

— А за что было и стѣны разорять?

— Это другое дѣло... Если тебѣ жалко стѣнъ, то утѣшся: говорятъ, что стѣны эти и теперь необыкновенной прочности, выдержали даже осаду англичанъ въ 1854 году. Стѣны и теперь стоятъ попрежнему, онѣ лишь немного были попорчены пушечными ядрами. И храмы, бывшіе за крѣпкими стѣнами внутри монастыря, во время осады нисколько не были тронуты пушками,—и храмы стоятъ по прежнему. Значить, не правда, что были разорены стѣны и храмы соловецкіе. А хотя бы это и правда была, все же не вѣрно, что тогда, во время осады, могла быть разорена Христова церковь. Вѣдь церковь, по слову Златоустаго, „не стѣны и покровъ, но вѣра и житіе“... Сами безпоповцы постоянно твердятъ эти слова и не понимаютъ ихъ. Стѣны монастыря, стѣны храма создаютъ люди изъ камней, изъ деревъ: смертные создатели! разрушимый матеріалъ! И постройки людскія горятъ, разрушаются, подлежатъ времени тлѣнію. Церковь же, въ которую вѣруемъ, создалъ не человѣкъ, но Христосъ Богъ, и создалъ изъ неразрушимаго матеріала—изъ вѣры въ Него,—Онъ самъ сказалъ про нее: *созижду церковь мою и врата ада не одолѣютъ ей* (Матѣ. зач. 67). Какъ же могли разорить ее пушки царя Алексѣя Михайловича? Этого и помыслить невозможно.

— Вѣдь они, Соловецкіе-то иноки, за старую вѣру стояли!

— Ну, стояли... да вѣдь не отстояли?

— Да гдѣ же противъ пушекъ было устоять!

— А въ книгѣ О вѣрѣ, на листу 25-мъ, написано: „О ней (о церкви) слова Христова исполняются, яко врата ада не одолѣютъ ей. Святый Іоаннъ Златоустый, въ словѣ на пятидесятницу, врата ада бѣды нарицаетъ, иже смерти рождаетъ. И врата ада, рече Христосъ, будутъ нападати на ню, но не преобладаютъ ей. Что же? Борима будетъ, но одолѣнія не приметъ. Бурю пріемлетъ церковь, но не потопляется. Смотри: мучители, цари, мечи остры, звѣрей зубы, смерти, пещи, руцѣ желѣзныи, гаки (млаты—молоты, можно прибавить: пушки) и тулъ свой діаволъ испраздни, а церкви не повреди. Колико много воеваша мучителей, и ни единый одолѣ; сами погибоша, а церковь въ цѣлости оста“. И Теофилаъ Болгарскій говоритъ въ толкованіи на 67 зачало отъ Матѳея, что никакіе гонители, ни еретики, ни грѣхи не могутъ одолѣть созданной Господомъ церкви. Да и всѣ святые согласно увѣряютъ, что нѣтъ такой силы, которая одолѣла бы Христову церковь,—она неодолима отъ вратъ адовыхъ. Только старовѣры выдумали, будто пушками можно ее разрушить. Пушками можно разорить храмъ, плохо построенный руками человѣческими, а не церковь, Христомъ созданную. Не о людской постройкѣ Онъ сказалъ: *созижду церковь мою, и врата ада не одолѣютъ ей*. Поэтому, хотя бы по всей землѣ были разорены всѣ до одного храмы, все же уцѣлѣетъ созданная Христомъ церковь, то-есть пребудутъ до скончанія вѣка и правая вѣра, т.-е. православно вѣрующіе во Христа, и Христомъ учрежденное священство и спасительныя Его таинства.

— По нынѣшнему времени церковь можетъ состояться и безъ священства, изъ одного народа. (Эго сказалъ Александръ Степановъ, рядомъ съ которымъ сидѣлъ Лука.)

— Лука Ивановичъ!—скажи по совѣсти, писано ли гдѣ то, что говоритъ Александръ?

— Писано, что безъ епископовъ можно обойтись.

— Гдѣ же?

— Въ 10 Мелетіевомъ посланіи въ Кирилловой книгѣ.

— О какихъ же тамъ епископахъ писано: о православныхъ, или объ еретическихъ?

— Объ еретическихъ, объ отступникахъ; сказано, что и безъ нихъ можно обойтись.

— Вѣрно; но писано ли гдѣ, что православная церковь можетъ существовать безъ православныхъ епископовъ?

— Объ этомъ нигдѣ не видится въ Писаніи.

— Тогда какъ же вамъ быть?

— Нужда наша...

— Нужда... Опять эта ваша нужда. Но ужели церковь, певѣста Христова, можетъ терпѣть такую пужду?

— Церковь-то и теперь не въ нуждѣ; а мы—въ нуждѣ.

Я удивился: Лука сталъ различать церковь отъ старовѣрья. Старовѣры въ нуждѣ, у нихъ нѣтъ ни священства, ни таинства, ни храмовъ. А церковь не въ нуждѣ; значить, у нея все это есть.

— Гдѣ же эта церковь, не терпящая ни въ чемъ нужды?

— Не знаемъ, и указать не можемъ,—міръ великъ.

— Почему же не можете ее указать?

— Дара прозорливости не имѣемъ...

— Ну, молитесь, чтобы Господь даровалъ вамъ прозрѣніе. Не видѣть свѣта можетъ только слѣпой глазами. Только слѣпой вѣрою не можетъ видѣть церкви, потому что она—вся свѣтъ. Она, по слову апостола, есть „жена, облеченная въ солнце, подъ ногами ея луна, и на главѣ ея вѣнецъ изъ двѣнадцати звѣздъ“ (Апокалипс. гл. 12, ст. 1). Кто вѣруетъ во Христа и видитъ Его, тѣ вѣрують въ церковь и видятъ ее, Его возлюбленную невѣсту. Ты, Лука Ивановичъ, говоришь: „міръ великъ,—не знаемъ, гдѣ церковь“. Въ отвѣтъ тебѣ на это я напому только слово Златоуста изъ Маргарита: „удобнѣйше есть солнцу угаснути, нежели церкви безъ вѣсти быти“ (л. 193). Невозможно, чтобы зрячій не зналъ, гдѣ на небѣ солнце; невозможно, чтобы вѣрующій не зналъ, гдѣ въ мірѣ церковь.

Эти слова Луки: „дара прозорливости не имѣемъ“ были подхвачены старообрядцами, и они долго повторяли ихъ,—иные даже нѣсколько въ измѣненномъ видѣ: дара „пророческаго“ не имѣемъ.

— Послушайте!—сказалъ я, когда утихли голоса.—До чего же мы договорились? Одинъ человѣкъ (Андрей Ивановъ) говоритъ то, что онъ затвердилъ со словъ старовѣровъ: церкви, которая была до Никона патріарха, со священствомъ и со всѣми таинствами, т.-е. истинной Христовой, теперь нѣтъ на свѣтѣ. Другой человѣкъ (Александръ Степановъ) сказалъ: нѣтъ, церковь Христова и теперь есть,—только она уже не такова, какою ее создалъ Христосъ,—но все же она Христова, и эта церковь — филипповщина, а не странничество, не спасовщина или, какъ у васъ ее называютъ, не старикивщина: у этой церкви нѣтъ ни священства, ни полного числа таинствъ. Третій человѣкъ (Лука Ивановичъ), который читалъ старопечатныя книги, знаетъ, что быть не можетъ Христовой церкви безъ священства и безъ таинствъ и что не можетъ эта церковь уничтожиться,—этотъ третій человѣкъ сказалъ намъ: есть она, описанная въ старыхъ книгахъ, церковь, и со священствомъ и съ таинствами, да не знаемъ гдѣ; значитъ, онъ признался передъ нами, что у нихъ, у безпоповцевъ, этой церкви нѣтъ. Гдѣ же она? У насъ со старообрядцами споръ о томъ, гдѣ истинная церковь,—у нихъ, или у насъ. У нихъ, какъ оказывается, нѣтъ ея; всякому понятно, гдѣ она есть...

V.

Что говоритъ спасовецъ о филипповцахъ и кто изъ нихъ лучше?

Потомъ стали разсуждать по вопросу, почему старообрядцы отбѣгаютъ отъ православной церкви,—особенно подробно говорили, конечно, о перстосложеніи. Было уже поздно, около 6 часовъ, а начали бесѣду въ 11. Собесѣдники утомились, нѣкоторые даже повысили вонъ,—пора было и кончить бесѣду. Я сталъ прощаться. Но тутъ, на прощаньи, какъ это нерѣдко бываетъ, съ новой силой разгорѣлся уже потухавшій было разговоръ.—Чѣмъ же вы вчера порѣшили бесѣду съ Осипомъ Михайловичемъ и какъ вы понимаете объ его вѣрѣ?—спросилъ меня Лука Ивановъ (Онъ давно уже вышелъ изъ угла, куда ушелъ, разсердившись на одно мое замѣчаніе о ста-

ровѣрческихъ наставникахъ, и снова принималъ самое оживленное участіе во всѣхъ разсужденіяхъ).

— Осипъ Михайловичъ,—отвѣчалъ я,—старикъ хороший; жаль только, что этотъ „спасовецъ“ не пребываетъ въ истинной Спасовой церкви. Истинная Спасова церковь есть та, которая основана и создана Спасомъ нашимъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, создана такъ твердо и прочно, что, по Его собственнымъ словамъ, и врата ада не одолѣютъ ее. Осипъ Михайловичъ знаетъ, что въ этой, Христовой, церкви должны быть и священство и всѣ семь таинствъ; а въ его, Осиповой, вѣрѣ, какъ ему и вамъ извѣстно, нѣтъ ни священства, ни таинствъ: явно, что и согласіе, или общество его единовѣрцевъ, хотя и именуется Спасовымъ, на самомъ дѣлѣ не Спасова церковь, не истинная, не православная, а только одна изъ многихъ старовѣрческихъ сектъ, основанная не Спасомъ, а такимъ же, какъ Осипъ, мужикомъ (именно Кузьмой; а ваша филипповская—основана бѣглымъ солдатомъ Филиппомъ). Правда, Осипъ утѣшается тѣмъ, что все же у нихъ, спасовцевъ, истинное крещеніе, совершаемое нашими священниками, а не мужиками, какъ у безбожныхъ, по его словамъ, филипанъ.

— Такъ и зоветъ насъ безбожниками?—спросилъ Лука.

— Да, нисколько не церемонясь, такъ и честить васъ безбожниками за то, между прочимъ, что вы отмечаете наше церковное крещеніе и вторично крестите уже крещенныхъ.

— А вы съ нимъ согласны?

— Мнѣ очень жаль васъ, а долженъ признать справедливымъ его отзывъ объ васъ. Написано у святыхъ отцовъ, что кто вторично крестится, вторично распинаетъ Сына Божія. И вы, покрещеванцы, впали въ этотъ страшный грѣхъ... Правда, не вѣруя въ наше крещеніе, вы говорите, что при своемъ, филипповскомъ, крещеніи не вторично креститесь, а только впервые: но, отрекаясь отъ нашего крещенія, равно какъ и отъ всего закона нашей вѣры, вы этимъ еще болѣе увеличиваете свой грѣхъ. Святый Апостолъ Павелъ вотъ что говоритъ въ посланіи къ евреямъ (гл. 10, зач. 224): *отверглся кто закона Моисеева, безъ милосердія при двоихъ, или тріехъ свидѣ-*

телехъ умираетъ: колико мните горшія сподобится муки, иже Сына Божія поправый, и кровь заветную скверну возмнивъ, еюже освятися, и Духа благодати укоривый. Страшная казнь полагалась человѣку за отверженіе Моисеева закона: его побивали камнями. Еще большей мукой, но уже не отъ людей, а отъ Самого Бога, грозитъ апостолъ тому, кто отвергаетъ Христовъ законъ и попираетъ Сына Божія. Въ Сына Божія старовѣры вѣруютъ такъ же, какъ и мы; но кому же не извѣстно, какъ безпоповцы безчестятъ святую чашу съ пречистыми и животворящими дарами Христовыми? Развѣ не правда, что они, какъ и тѣ, о которыхъ апостолъ говоритъ, возмнили скверной кровъ Новаго Завета, еюже освящаются хрістіане? Не укоряютъ ли безпоповцы и Духа благодати, когда въ своемъ перекрещиваніи желаютъ смыть съ себя печать дара Духа Святаго, палагаемую при крещеніи на каждаго православнаго хрістіанина? Я боюсь, что угроза апостола прямо падаетъ на нихъ. А угроза эта поистинѣ должна смутить всякаго, у кого есть смыслъ и совѣсть. *Страшно, говоритъ онъ, нѣкое чаяніе суда и огня ревность, поести хотящаго сопротивныя... Вѣмы бо рекшаго: мнѣ отмщеніе, азъ воздамъ, глаголетъ Господь. И паки: яко судитъ Господь людемъ своимъ. Страшно есть еже впасти въ руцѣ Бога живаго. Господь отомститъ и отомщаетъ тѣмъ, кто отвергается отъ вѣры, считаетъ скверною Его пречистую кровь и ругается надъ печатью Святаго Духа... Слава Богу!*—Спасовщина не дерзаетъ такъ хулить святую церковь и совершаемыя въ ней Христовы таинства, какъ ваша филипповщина. А потому я считаю тѣхъ лучше васъ, и грѣхъ отступничества ихъ отъ церкви, думаю, не такъ великъ, какъ вашъ.

— А все же и они отступники? Но вѣдь у нихъ ваше крещеніе,—они не далеко ушли отъ васъ...

— Однако ушли... А надо быть вмѣстѣ, во единомъ стадѣ. *Се что добро, или что красно? но еже жити братіи вкупу,*—помните, какъ читается въ 132 псалмѣ! А тутъ братія раздѣлились, не захотѣли жить одной семьей. Не хорошо! Единъ Господь, едино крещеніе,—и вѣра должна быть едина. А они завели свою вѣру, собрались въ отдѣльное отъ насъ стадо безъ Христомъ поставлен-

ныхъ пастырей,—значить, отъ единства вѣры и церкви оторвались. Въ этомъ и есть ихъ грѣхъ, т.-е. въ отдѣленіи-то этомъ, въ расколѣ съ церковью,—и грѣха этого, по слову святыхъ отцовъ Кипріяна и Златоуста, даже мученическая смерть не можетъ загладить (Бес. Апост., 11 нравоуч. на посл. къ Ефес.). Они,—какъ я вчера говорилъ и Осипу Михайловичу,—дѣти нашей церкви, которая, чрезъ крещеніе и миропомазаніе, по благодати Христовой, породила ихъ водою и Духомъ; но эти дѣти не захотѣли жить подъ кровлей материнскаго дома, ушли изъ него вонъ! Вообразили, неразумные, что можно жить безъ матери, безъ дома, на улицѣ, во тьмѣ крошечной. гдѣ приходится терпѣть и холодъ и голодъ! И не имѣя пристанища, оставивъ соборную и апостольскую церковь, не желая войти въ это пристанище,—они, дѣйствительно умираютъ голодной смертью, потому что нѣтъ у нихъ трапезы Господней, отъ которой могли бы насытиться и насладиться хлѣбомъ небеснымъ и чашею жизни. Горе имъ!

— Это вѣрно!—сказалъ Лука. Если ваше крещеніе Осипъ признаетъ за истинное, то напрасно отошелъ отъ церкви,—отъ своей матери. Безъ матери ребенку на свѣтъ не родиться, да и жить на свѣтѣ безъ матери малому ребенку мудрено...

— Вотъ умудряются жъ! Говорятъ: проживемъ безъ матери!—мать наша заблуждается. Забыли они пятую заповѣдь, которая велитъ каждому чтить свою мать, а не учить ее, не осуждать. Спасовцы отошли отъ матери-церкви и погибаютъ безъ нея... Впрочемъ. въ этомъ у нихъ общая судьба и съ вами, филипповцами.

— А какъ же вы сказали, что спасовцы лучше насъ? Какая же, по-вашему, разница между ними и нами?

— Разница? Вотъ какая. Спасовцы, говорю я, непокорные, блудные сыны, ушедшіе изъ дома родной своей матери на страну далече и тамъ гиблющіе голодомъ; а вы, точно такъ же оставивъ мать-церковь, еще не довольствуетесь тѣмъ, что оставили ее и что вмѣстѣ со спасовцами произносите на нее хулы и осужденія,—вы еще вовсе отъ нея отрекаетесь. Вотъ что вы говорите матери-церкви: „Ты намъ не мать! Ты насъ не рождала“ (т.-е. вы

не считаете даже себя христіанами послѣ церковнаго крещенія)! Но такъ какъ и сами знаете, что нельзя быть христіаниномъ безъ крещенія, какъ нельзя быть человѣкомъ безъ рожденія, то вы и придумали: „мы сами себя окрестимъ!“ И, дѣйствительно, перекрещиваетесь. Но вѣдь это уже чистое безумство! Дѣти будто бы могутъ рождаться на свѣтъ безъ матери! Могутъ сами себя родить!—Разсуждайте же теперь: кто лучше—филипповщина, или спасовщина?.. По-моему, у спасовцевъ хоть то хорошо, что у нихъ истинное церковное крещеніе и мѣропомазаніе. А у васъ, филипповцевъ, церковнаго, т.-е. истиннаго, нѣтъ ничего; вы, вовсе отдѣлившись отъ церкви, незаконно, какъ говоритъ Осипъ, завели все свое, кромѣ, впрочемъ, брака; да и онъ у васъ, какъ и у спасовцевъ, ворованный.

— Какъ ворованный?

— Воръ ходитъ въ церковь зачѣмъ? Чтобы унести изъ нея деньги, сосуды, ризы съ иконъ. Укралъ и больше не пойдетъ въ церковь до новой кражи. Спасовцу понадобилось крещеніе: своего—нѣтъ: онъ идетъ въ церковь и крадетъ у нея крещеніе. Затѣмъ она ему не нужна, и онъ безъ нея обходится. Потомъ приходитъ пора и спасовцу, да и вамъ, филипповцамъ, жениться; своего брака у васъ и у нихъ нѣтъ: и опять идете въ церковь, крадете у нея бракъ, и больше ни ногой уже въ церковь. Выкрали бракъ, и рады! Спросите у любого старовѣра, былъ ли онъ въ церкви хоть разъ послѣ своей свадьбы!

— Это вѣрно, вѣрно!—засмѣялись мужики. — Спросите-ка у самого Луки Ивановича, давно ли онъ былъ въ храмъ Божіемъ!

— Нечего и спрашивать. Не одинъ онъ, всѣ они такіе же,—обокрадутъ мать-церковь, и прочь отъ нея! Судите же вы, старовѣры, какова вѣра ваша: приходится то похищать, что нужно, какъ грабителямъ, то побираться и попрошайничать, какъ нищимъ, то обходиться и совсѣмъ безъ необходимыхъ для христіанина таинствъ мѣропомазанія и причащенія, точно евреямъ или совсѣмъ невѣрующимъ.

— И съ кѣмъ только вы насъ не сравниваете?!—сказали съ упрекомъ мнѣ кое-кто изъ моихъ собесѣдниковъ.

— Не обижайтесь!—отвѣтилъ я.—Развѣ не правда то, что я говорю о старовѣрахъ? Сравните же вы себя съ

истиной Христовой церковью: у нея все свое, не краденое, не прошеное,—все въ дарованной Господомъ полнотѣ, а не въ скудости и умаленіи; и все совершается законными лицами и законнымъ порядкомъ, по установленію Христову, а не самочинно и самозванно. Настоящая Христова церковь есть истинная мать для вѣрующихъ въ нее; она не губитъ, но спасаетъ своихъ чадъ. Мы уже бесѣдовали объ отношеніяхъ этой матери къ ея дѣтямъ,—и вѣрно Лука Ивановичъ тогда сказалъ: какъ дѣтямъ жить безъ матери? Да, кто безъ матери будетъ ихъ поить, кормить, воспитывать? Спасовцы оставили свою мать; мать зоветъ ихъ обратно къ себѣ, они слышать ея голоса,—но не идутъ къ ней на ея призывъ, а все дальше и дальше убѣгаютъ отъ нея и умираютъ на глазахъ у своей матери, но вчуяѣ отъ нея... Лука Ивановичъ говорилъ, что и самъ не знаетъ, гдѣ ихъ мать нынѣ скрывается. Но отъ этого дѣтямъ не легче, что мать скрывается въ неизвестности! И что это за мать о которой говорятъ: скрылась, не сказавшись куда, а дѣтей бросила на произволъ судьбы!

— А можетъ, ея и совсѣмъ уже нѣтъ на свѣтѣ? — замѣтилъ кто-то.

— Да вѣдь объ этомъ уже была рѣчь. Но... если нынѣ нѣтъ на свѣтѣ церкви, которая основана Христомъ и существовала до Никона патріарха, то безпоповцамъ давно пора выбросить одинъ изъ 12 членовъ символа вѣры именно 9-й: „(вѣрую) во едину, святую, соборную и апостольскую церковь“. Мы, православные, признаемъ, что эта, существовавшая до Никона, церковь существуетъ донынѣ и будетъ существовать до скончанія вѣка, потому и вѣруемъ въ нее; безпоповцы говорятъ, что этой церкви уже нѣтъ теперь,—и остается имъ только плакать о ней, но вѣровать въ нее уже нельзя, потому что и вѣровать уже не по что. Вѣдь ся, говорятъ, нѣтъ на свѣтѣ! Какая вѣра въ мертвую церковь?! Если же не хотятъ они выбрасывать изъ символа 9-й членъ о церкви, то должны читать его такъ: „не вѣрую во едину, святую, соборную и апостольскую церковь“. Вѣрующій говоритъ: вѣрую въ Бога, есть Богъ; не вѣрующій говоритъ: не вѣрую въ Бога, нѣсть Богъ. Но мы знаемъ, что, какъ есть Богъ, такъ есть и церковь, и вѣруемъ вмѣстѣ со святыми от-

цами, что кому церковь не мать, тому Богъ не Отецъ. Есть церковь, мы вѣруемъ въ нее; а вы говорите: можетъ-быть, ея и нѣтъ!..

— Ну, какъ не вѣровать въ церковь!—есть она, и мы вѣруемъ въ нее! Кто это тамъ пустословить, что нѣтъ ея?!

— И слава Богу! Но у безпоповцевъ, по всѣмъ старымъ книгамъ выходитъ, церкви нѣтъ. Безъ церкви же невозможно никому спастись,—они сами знаютъ это и невольно исповѣдуютъ. Если не хотятъ погибнуть навѣки, они должны обратиться къ единой, святой, соборной и апостольской церкви, и она, чадолюбивая мать, приметъ ихъ со всепрощеніемъ и любовію. Случается, что среди бѣлаго дня вдругъ наступаетъ тьма, наступаетъ затменіе солнца; случается, что облака и туманы скрываютъ солнце отъ нашихъ глазъ, и его не видно. Но луна ли заслонила солнце, тучи ли его заволокли, оно все-таки есть, не уничтожилось, все попрежнему горитъ и свѣтитъ, и будетъ горѣть и свѣтить до тѣхъ поръ, пока судилъ Господь быть небу и земли. Такъ и церковь: она есть солнце для людей. Настоящее, истинное солнце не церковь, а Христосъ; но такъ какъ Христосъ въ церкви и церковь во Христѣ и въ Него облечена, какъ въ ризу, по написанному: *жена облечена въ солнце*, то и церковь чрезъ Христа есть солнце для міра людскаго. И легче на небѣ солнцу угаснуть, нежели церкви безъ вѣсти быть. Маловѣріе и невѣріе въ непреложность обѣтованій Господнихъ о церкви заслонили ее отъ старовѣровъ; разныя недоумѣнія, какъ облака, скрыли отъ нихъ ея свѣтлый ликъ,—и они не видятъ ее... Бѣдные старовѣры! Зачѣмъ же вы сами себя сдѣлали это затменіе? Образумьтесь, и снова для васъ возсіяетъ церковь, невѣста Христова и мать христіанъ, во всей ея Богомъ данной красѣ...

— Охъ!.. Сами плачемъ!.. Сами знаемъ, что церковь—невѣста Христова, что не спастись никому безъ нея!..

Это былъ невольный, очень трогательный вопль, вырвавшійся изъ чьей-то груди... И я началъ говорить, что если безъ церкви не спастись, то необходимо отыскать ее и что отыскать ее вовсе не трудно...

СОЧИНЕНІЯ

Прот. Іоанна Полянскаго. Москов. епархіальнаго міссіонера.

(Адресъ: Москва, 3 Троицкій, 4, 3).

1. Записки міссіонера.—Бесѣды съ старообрядцами. Изд. 3, въ 14

1. Въ моленной у филипповцевъ	— р.	30 к.
2. Единовѣріе и расколъ	— "	10 "
3. Старовѣрскіе страхи	— "	10 "
4. „Тянетъ къ старой вѣрѣ“	— "	10 "
5. Печать антихристовъ	— "	10 "
6. Дѣдушка Евсѣій, странническій наставникъ	— "	15 "
7. Грѣхи людскіе	— "	10 "
8. Спасова вѣра	— "	10 "
9. Воишь безпоповца	— "	10 "
10. Главный догматъ старовѣрія	— "	10 "
11. Старинныя книги обличаютъ старовѣровъ	— "	5 "
12. Бракоборы	— "	15 "
13. Притчи о мастерѣ и инструментѣ и о ключахъ	— "	10 "
14. „Ереси“ церковныя	— "	5 "
То же. Изд. 4, въ одной книгѣ	1 "	50 "

2. Церковныя бесѣды міссіонера или проповѣди противъ безпоповцевъ. Изд. 2, въ 6-ти книжкахъ:

1. Таинство священства	— "	10 "
2. Таинство крещенія и миропомазанія	— "	10 "
3. Таинство исповѣди	— "	10 "
4. Таинство причащенія	— "	10 "
5. О бракѣ	— "	5 "
6. Таинство елеосвященія	— "	5 "
То же. Изд. 3, въ одной книгѣ	— "	50 "
3. „Вѣчная правда“ (противъ Комиссарова)	— "	15 "
4. Весѣда о троестерстіи въ православной церкви до лѣтъ Никона патріарха. Изд. 3.	— "	20 "
5. Правда ли, что имя Спасителя должно произносить только <i>Исусъ</i> и никакъ нельзя произносить <i>Иисусъ</i> ? (Противъ Усова)	— "	30 "
6. Клевета старообрядца на о. Іоанна Кронштадтскаго	— "	7 "
7. Почему на міссіонерскихъ бесѣдахъ въ Москвѣ не позволяется начетчикамъ говорить рѣчей къ народу?	— "	10 "
8. О каноническомъ достоинствѣ Стоглаваго собора.— Бесѣда съ Д. С. Варакинымъ. Изд. 2.	— "	10 "
9. Нуженъ ли единовѣрческій епископъ?	— "	10 "
10. О священническомъ титулѣ (Изъ бесѣды съ австрій- цами).	— "	5 "

458
Протоіерей Іоаннъ Полянскій.

ЗАПИСКИ МИССИОНЕРА.

Бесѣды съ старообрядцами.

Книжка 10.

Главный догматъ старовѣрья.

Издание третье.

Первое изданіе Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ одобрено къ приобрѣтенію въ ученическія библіотеки духовныхъ семинарій и въ библіотеки церковныя, въ особенности въ библіотеки тѣхъ церквей, въ приходахъ коихъ имѣются раскольники.

Цѣна 10 коп.

Книгоиздательство „Вѣрность“.

МОСКВА.

„Русская Печатня“. Садовая-Триумфальная, д. № 14.

1912.

V. 1/102
Протоіерей Іоаннъ Полянскій.

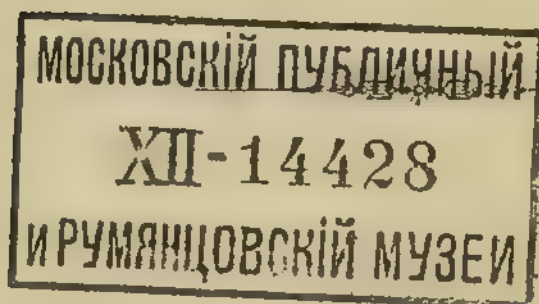
ЗАПИСКИ МИССИОНЕРА

Книжка 10.

Главный догматъ старообръря.

Издание третье.

Первое изданіе Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ одобрено къ
пріобрѣтенію въ ученическія библіотеки духовныхъ семинарій и въ
библіотеки церковныя, въ особенности въ библіотеки тѣхъ церквей,
въ приходахъ коихъ имѣются раскольники.

МОСКВА.

„Русская Печатня“, Садовая-Тріумфальная, д. № 14.
1912.

Главный догматъ старовѣрья.

I.

Разногласія старопечатныхъ книгъ въ ученіи о перстосложеніи.

На бесѣдѣ 5-го сентября 1890 года въ деревнѣ Курочкиной Флоровскаго прихода старообрядцы обвиняли православную церковь въ еретичествѣ за произношеніе имени Спасителя „Исусъ“, за чтеніе 8 члена символа безъ слова „истиннаго“. Окончивъ разборъ этихъ обвиненій, я сказалъ: „какое еще ваше обвиненіе? Ахъ, да: зачѣмъ у насъ не двуперстіе, а троеперстіе?!“ Едва я проговорилъ эти слова, какъ послышались голоса: давненько ждемъ, о. Іоаннъ!—намъ этотъ вопросъ важнѣе всѣхъ. У насъ у всѣхъ главное сомнѣніе о крестѣ.

— Ну, слушайте! Напередъ сдѣлаю одну оговорку: я много разъ замѣчалъ, что старовѣры при разговорахъ о перстосложеніи становятся какъ-то особенно раздражительны,—прошу не сердиться и быть поспокойнѣе. Еще, когда станемъ читать книги и сличать ихъ, прошу не смѣшивать, а различать то, что говорится въ разныхъ книгахъ.

— Во всѣхъ старыхъ книгахъ велѣно креститься по-нашему!—перебили мою рѣчь.

— Вотъ ужъ и начинается горячность. Успокойтесь! Почитаемъ книги—увидимъ, что въ нихъ напечатано.

— Ну, и давайте читать.

— Давайте!

И я сталъ читать по Кирилловой книгѣ наставленіе о томъ, какъ надобно слагать персты (гл. 14, л. 179 об.).

— Читайте по Псалтыри! мы по Псалтыри крестимся...

— Дайте мнѣ Псалтырь. Въ ней о перстосложеніи напечатано согласно съ Кирилловой, такъ что все равно, по чемъ ни читать.

Лука изъ-за народа, гдѣ онъ сидѣлъ, проговорилъ: „все едино, что по Псалтыри, что по Кирилловой!“ Народъ успокоился. Я сталъ читать: „...Три перста сложити въ мѣсто, великій, и малый, и третій, что подлѣ малаго, исповѣдуется тайна божественныхъ трехъ ипостасей, Отца и Сына и Святаго Духа, единого Бога въ трехъ лицахъ. Два же перста, вышній и средній великій, вмѣсто сложити и протянути, показуется тайна самого Господа нашего Иисуса Христа, иже есть совершенъ Богъ и совершенъ человекъ. Тойже средній великій перстъ мало преклонити, исповѣдуется тайна, иже есть Сынъ Божій преклонъ небеса и сниде на землю и бысть человекъ нашего ради спасенія. Тѣмже два перста сложивъ, первое кладемъ ихъ на главу, или на чело“ и т. д. Запомните же,—говорю,—въ Псалтыри и въ Кирилловой велѣно три перста (1-й, 4-й и 5-й) слагать вмѣстѣ во имя Святыя Троицы, а два перста (2-й и 3-й)—во имя двухъ естествъ во Христѣ—божескаго и человѣческаго, причемъ 3-й перстъ повелѣвается мало преклонить для показанія того, что Сынъ Божій „преклонъ небеса и сниде на землю“, и наконецъ—креститься велѣно этими двумя перстами.

— Мы такъ и крестимся!

— Хорошо. Возьмемъ третью книгу, печатанную тоже при патриархѣ Іосифѣ, и почитаемъ, что въ ней говорится о перстосложеніи. Я взялъ Малый Катихизисъ и въ 4 членѣ (л. 16 об. и 17) сталъ читать: „*Вопросъ*: Коимъ образомъ знаменіе святаго креста имамы на себѣ полагати? *Отвѣтъ*: Совокупити три перста правыя руки, сирѣчь великаго и малаго и третіяго, что подлѣ малаго, въ нихже исповѣдуемъ таинство божественныхъ тріехъ ипостасей, Отца и Сына и Святаго Духа, единого Бога въ тріехъ лицахъ. Два же перста *протянути* вышній и средній, и симъ показуемъ тайну самого Господа нашего Иисуса Христа, яко совершенъ Богъ и совершенъ человекъ бысть нашего ради спасенія, и тако сложивше персты, полагаемъ первое *руку* на чело...“ и т. д.

Точно такое наставленіе о перстосложеніи было прочитано и изъ книги О вѣрѣ (въ главѣ 9, на листу 74). Любопытно,—говорю,—что Малый Катихизисъ и книга О

вѣрѣ велятъ креститься „рукою“, а Кириллова и Псалтырь—„двумя перстами“.

— Это все равно!

— Ну, пусть будетъ все равно. Только вотъ еще разница: тамъ, во Псалтыри и Кирилловой, велѣно средній перстъ мало преклонить, а здѣсь, въ Катихизисѣ и Вѣрѣ, сказано: „два перста *протянути*, вышній и средній..“ Здѣсь даже не сказано, чтобы сложить ихъ вмѣстѣ, какъ тамъ велѣно. Смотрите, что здѣсь велѣно!

Я сложилъ 1-й, 4-й и 5-й персты вмѣстѣ, а 2-й и 3-й протянулъ, хотя для удобства и сложивши ихъ вмѣстѣ.

— Такъ ли,—спрашиваю,—вы слагаете персты?

— Неможно бы пригнуть середній-то!—посовѣтовали мнѣ.

— Это ты велишь; а Малый Катихизисъ съ книгой О вѣрѣ не велятъ.

— Во Псалтыри же велѣно преклонить великосредній. Ея и надобно слушать.

— А этихъ двухъ книгъ развѣ не надо слушать?

— Да тамъ... яснѣе написано.

— Такъ и запомнимъ, что по-вашему тамъ яснѣе написано. А теперь возьмемъ въ руки пятую книгу,—тоже Катихизисъ, но не Малый, а Великій, напечатанный при патриархѣ Фларетѣ. Прочитаемъ, что здѣсь написано о перстосложеніи: „*Вопросъ*. Како на себѣ достоятъ намъ честный крестъ полагати и знаменатися имъ? *Отвѣтъ*. Снце знаменаема имъ: сложивше убо три персты десныя руки, и возлагаемъ на чело, таже на животъ и на десное и на лѣвое рамо, глаголюще молитву Исусову: Господи Исусе Христе Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго. *Вопросъ*. Чесо ради таковымъ образомъ бываетъ знаменіе честнаго креста? *Отвѣтъ*. Того ради, понеже симъ показываетъ велию тайну вѣры Христіанскія. *Вопросъ*. Како сіе бываетъ? скажи ми. *Отвѣтъ*. Три перста равно имѣти: великій со двѣма малыми вкупѣ слагаеми. Симъ образуемъ Святую Троицу: Богъ Отецъ, Богъ Сынъ, Богъ Духъ Святый,—не три Боги, но единъ Богъ въ Троицѣ; имена раздѣляется и лица, а божество—едино. Отецъ не рожденъ, а Сынъ рожденъ, а не созданъ, Духъ же Святый не рожденъ, ни созданъ, но исходитъ. Три во единомъ божествѣ:

едина сила, едина честь, едино поклоняніе отъ всея твари, отъ ангель и человеѣкъ. Тако тѣмъ тремъ перстомъ указъ. А два перста имѣти наклонены, а не простерты. И тѣмъ указъ сице: то образуютъ двѣ естествѣ Христовѣ, божество и человеѣчество: Богъ по божеству, а человеѣкъ по вочеловеѣченію, а во обоємъ совершенъ. Вышнимъ убо перстомъ образуемъ божество, а нижнимъ человеѣчество, понеже сошедъ отъ вышнихъ и спасе нижняя. Согбеніе же персту толкуеть: преклонъ бо небеса и сице на землю нашего ради спасенія“. Вотъ,—говорю,—и въ этой книгѣ точно такъ же, какъ въ тѣхъ четырехъ, вѣрно слагать во имя Святыя Троицы 1-й, 4-й и 5-й персты, а во образъ двухъ естествъ во Христѣ 2-й и 3-й. Разница съ тѣми книгами только въ томъ, что здѣсь вѣрно эти два перста наклонить.

— Одинъ!—воскликнуло нѣсколько человеѣкъ.

— Я же нарочно просилъ васъ не смѣшивать того, что говорится въ разныхъ книгахъ. Одинъ-то перстъ наклонить вѣрно во Псалтыри и въ Кирилловой; а мы читаемъ теперь Большой Катихизисъ. Здѣсь, смотрите, что написано!

И я далъ смотрѣть книгу грамотнымъ изъ народа. Посмотрѣли,—очень ясно сказано: *а два перста имѣти наклонены, а не простерты*.

— Что же это такое?! Такъ нельзя креститься! Мы знаемъ Псалтырь и по ней молимся!—раздались голоса.

Я отвѣчалъ: Знаю, что вы креститесь по Псалтыри (и по Кирилловой); я никому и не говорю: перестанъ креститься, какъ крестился до сего дня, крестись по-моему! Я только желаю, чтобы вы знали, какъ вѣрно креститься въ старыхъ книгахъ. Для этого мы и читаемъ ихъ. А вотъ вы слушаете, да сами и начинаете удивляться разнорѣчію этихъ книгъ. Но не волнуйтесь; книги не я писалъ.

— Мы знаемъ, что книги не вы писали! Но почему же такое разнорѣчіе?..

Понятно, что говорили это не Лука и не Александръ. Это спрашивали православные и рядовые, такъ сказать, старообрядцы, не знакомые съ книгами.

— Подождите,—говорю,—сперва поймемъ, какъ надобно слагать персты по Большому Катихизису. Три нужно слагать такъ, какъ вы и слагаете; а два велѣно не простереть, не протянуть, а наклонить, пригнуть. Глядите, какъ (и я сложилъ персты по предписанію Большаго Катихизиса). Но вѣдь никто изъ старообрядцевъ, говорю, такъ не крестится? Значить, никто изъ нихъ не слушаетъ Большаго Катихизиса. А все увѣряютъ, что послушны всѣмъ стариннымъ книгамъ и во всемъ! И не въ этомъ только старообрядцы не слушаютъ Большаго Катихизиса, что не наклоняютъ двухъ перстовъ, а и въ томъ еще, что не крестятся тремя перстами.

— Какъ тремя перстами?—встрепенулись мои собесѣдники.

— Да вѣдь этотъ Катихизисъ тремя перстами велитъ креститься! Смотрите: „сложивше убо *три персты* десныя руки и *возлагаемъ* на чело“...

Хотя это слово было уже читано, однако его выслушали такъ, какъ бы никогда не слыхали. Нѣкоторые старовѣры сами стали смотрѣть по книгѣ на эти страшныя для нихъ слова о „трехъ перстахъ“, которые повелѣвается сложить и возлагать на чело, на животъ и на оба плеча. Книгу взяли въ руки даже и тѣ, которые раньше заявляли о себѣ, что не знаютъ грамоты. Таковъ былъ Николай Степановъ. Онъ сталъ снова перечитывать все, что я читалъ. Кончивъ чтеніе, онъ съ нескрываемымъ гнѣвомъ сказалъ мнѣ: „что же вы морочите людей, скрываете отъ нихъ истину!? Говорите, что здѣсь велѣно тремя перстами креститься!..“ И онъ еще разъ перечиталъ о трехъ и двухъ перстахъ. По его мнѣнію, старообрядцы такъ и слагаютъ персты, какъ здѣсь велѣно.

— Вы такъ и слагаете, — говорю, — три перста, какъ здѣсь велѣно; а два не такъ, не согласно съ предписаннымъ здѣсь.

— Какъ не согласно?! „А два перста *имѣти*...“

Видя, что съ Николаемъ Степановымъ мнѣ не сговориться, я попросилъ Алексѣя Леонтьева: поговори ты съ нимъ пожалуйста! Этотъ сталъ снова читать; разумѣется, прочиталъ то же самое, что и мы двое,—я и Николай

Степановъ. Но его чтеніе охладило горячность Николая Степанова и другихъ. Поняли наконецъ, что въ Большомъ Катихизисѣ наклонить требуется не одинъ, а два перста, и креститься не двумя, а тремя перстами. „Какъ же, по-вашему, надобно креститься?—уже спокойнѣе и какъ бы въ недоумѣніи спросилъ Николай Степановъ.

— Не по-моему, а по Большому Катихизису вотъ какъ...

И я перекрестился по предписанію этой книги тремя перстами (т. е. на челѣ, на животъ и на плечахъ я полагалъ 1-й, 4-й и 5-й персты, вмѣстѣ сложенные).

— Да такъ никто не крестится!

— Да, никто. Но не въ этомъ дѣло; намъ важно, что и въ старинной книгѣ есть повелѣніе креститься тремя перстами и что вы, старовѣры, не слушаетесь этой книги.

— Вѣдь и вы не слушаетесь!—сказалъ, кажется, Лука.

— Мы крестимся хотя не тѣми, какіе указаны здѣсь, но все же тремя, а не двумя, перстами. Мы только немножко не слушаемся Большого Катихизиса, а вы—совсѣмъ,—вы никакими *тремя* перстами не креститесь.

— Мы слушаемся Стоглаваго собора, бывшаго при царѣ Иванѣ Васильевичѣ.

— Ты, значить, признаешься, что старообрядцы не слушаютъ старопечатныхъ патріаршихъ книгъ, а слушаются Стоглаваго собора. Но слушаетесь ли вы и его?

— Онъ повелѣлъ креститься двуперстно.

Стали читать опредѣленіе Стоглава о перстосложеніи (гл. 31). Прочли: „Чтобы себя ограждать крестообразно и правую бы руку, сирѣчь десницу, уставляли ко крестному воображенію: большой палецъ да два нижніе перста во едино совокупивъ, а *верхній перстъ съ среднимъ совокупивъ, простеръ, и мало нагнувъ*“.—Вотъ, говорю, три перста старообрядцы слагаютъ такъ, какъ велитъ Стоглавъ; а это какъ понять, что говорится о двухъ перстахъ? Съ среднимъ, сказано, совокупивъ верхній перстъ. Какой это верхній? Конечно, указательный. Но какъ же миѣ держать его? „Простеръ и мало нагнувъ“. Слышите?—по Стоглаву, нагнуть надо не средній перстъ, а верхній, т. е. указательный. Значить, и Стоглавъ велитъ слагать

персты не совсѣмъ по-старообрядчески. А еще послушайте, какъ Стоглавъ велитъ полагать на себѣ крестъ: „первое на чело, *также на перси, сирѣчь на сердце*, и потомъ на правое плечо и на лѣвое“. Старовѣры же на перси никогда не кладутъ руку при крестномъ знаменіи, пожалуй считаютъ грѣхомъ класть ее на перси, а непременно требуютъ класть на животъ.

— Извѣстно, на животъ!

— А Стоглавый соборъ велѣлъ класть на перси!

— Это все равно.

— Въ старой Псалтыри и въ новой повелѣвается при крестномъ знаменіи полагать руку не на перси, а на животъ: значитъ, такъ нужно и по-вашему и по-нашему,— такъ дѣлается и у васъ и у насъ; а Стоглаваго собора и вы не слушаете такъ же, какъ не слушаемъ мы. Да и персты опять же ни у насъ, ни у васъ не слагаются по его предписанію. Посмотримъ, наконецъ, какой смыслъ перстосложенію усвоится въ Стоглавѣ. Вотъ что онъ говоритъ: *два дольніе, а третій верхній къ дольнымъ перстомъ, то же согбеніе персту толкуетъ: преклонь бо небеса и снуде нашего ради спасенія*. Здѣсь уже не Троица Святая означается соединеніемъ трехъ перстовъ, а преклоненіе небесъ и снитіе на землю Сына Божія. О двухъ же перстахъ Стоглавъ вотъ что говоритъ: *а два верхніе, и сими же двумя благословити божество и человечество*. Вотъ и этими двумя означается божество и человечество того же Сына Божія. О Святой Троицѣ нѣтъ и упоминанія. Видите, старовѣры не слѣдуютъ Стоглаву ни въ способъ сложенія перстовъ, ни въ толкованіи его значенія. Напрасно же они говорятъ, что слушаются этого собора.

Затѣмъ я сталъ говорить: Вотъ мы пересмотрѣли сейчасъ въ шести старинныхъ, уважаемыхъ старообрядцами, книгахъ, что въ нихъ говорится о перстосложеніи для крестнаго знаменія. Если бы я одному человѣку, наприкладъ, Андрею Колесову далъ въ руки Псалтырь Іосифа патріарха, другому—Андрею Короткову далъ Кириллову книгу, третьему—Николаю Степанову—Катихизисъ Малый, четвертому — Лаврентію — книгу О вѣрѣ, пятому—тебѣ,

Ивапъ,—Катихизисъ Большой, шестому, хотъ Ѳедору Павлову—Стоглавъ, и заставилъ бы каждаго креститься по той книгѣ, которая у него въ рукахъ, что бы вышло?

И я попросилъ поименованныхъ лицъ сложить персты по ученію этихъ шести книгъ. Они, при моей помощи, сложили персты, каждый какъ ему слѣдовало, и подняли правыя руки вверхъ, такъ что всѣмъ было видно ихъ перстосложеніе. — Смотрите, — говорю, — всѣ, что вышло! Вотъ они шестеро сложили персты по старымъ книгамъ; но, какъ видите, не совсѣмъ одинаково. Поймите же, что утверждать, будто во всѣхъ старыхъ книгахъ заповѣдуется одинаковое перстосложеніе, никакъ пельзя. Но представьте, что никто изъ этихъ шестерыхъ не видалъ никакой другой книги, кромѣ той, по которой онъ сложилъ сейчасъ персты, что всѣ они сошлись какъ-нибудь случайно и у нихъ зашелъ, какъ сейчасъ у насъ, разговоръ о перстосложеніи. Что было бы тогда? Вѣдь каждый изъ нихъ крестился бы по старой книгѣ и въ жизнь свою не повѣрилъ бы, что можно слагать персты иначе, чѣмъ онъ слагаетъ. Тогда, я думаю, у нихъ вышелъ бы такой любопытный споръ о томъ, какъ надобно креститься. Всѣ, кромѣ Ѳедора Павлова, стали бы говорить: „Крестъ надобно полагать на чело, на животъ и на оба плеча!“ А Ѳедоръ Павловъ сказалъ бы: „Нѣтъ, не на животъ, а на перси, сперѣчь на сердце!—такъ велитъ Стоглавый соборъ! Его должно слушаться!“ Николай Степановъ и Лаврентій Ивановъ сказали бы: „Креститься нужно рукой“; такъ велятъ Катихизисъ Малый и книга О вѣрѣ“. — „Нѣтъ не всей рукой, а двумя перстами надо креститься! такъ велятъ книга Кириллова, Псалтырь и Стоглавъ“, — поправили бы его два Андрея и Ѳедоръ Павловъ. — „Нельзя креститься ни рукой, ни двумя перстами, — нужно непременно креститься тремя перстами! такъ велитъ святѣйшій патріархъ Филаретъ въ своемъ Большомъ Катихизисѣ!“ — спорилъ бы со всѣми ими Иванъ. Дальше, всѣ, кромѣ Ѳедора Павлова, стали бы единогласно утверждать, что три перста, 1-й, 4-й и 5-й, надо слагать во имя трехъ лицъ Святой Троицы; а Ѳедоръ Павловъ сказалъ бы имъ: „Нѣтъ, — три перста слагать надо не во имя Святой Троицы, а во имя того, что Христосъ преклонъ небеса и спиде

на землю ради нашего спасенія! — такъ толкуетъ Стоглавый соборъ!“ Что два перста означаютъ божество и чело-вѣчество, это сказали бы все единогласно, но потомъ Фе-доръ Павловъ сталъ бы утверждать, что верхній перстъ, указательный, надобно преклонить, ибо такъ велитъ Сто-главъ, которому онъ слѣдуетъ.— „Нѣтъ, не верхній, не указательный, а средній надо преклонить!—такъ велятъ Псалтырь и Кириллова“, закричали бы два Андрея.— „Ни втораго, ни третьяго преклонять не надо; надо оба перста протянуть, имѣть простерты!—сказали бы Лаврентій и Николай Степановъ, ссылаясь на книгу О вѣрѣ и Малый Катихизисъ.— „Вотъ и не правда!—надо оба преклонить!“—перепили бы ихъ Иванъ—такъ велѣно въ Большомъ Ка-тихизисѣ. И каждый изъ этихъ спорщиковъ былъ бы по-своему правъ,—каждый стоялъ бы на томъ, что напеча-тано въ его старинной книгѣ. И если утверждать, что возможна только одна форма перстосложенія, то спорщи-ки никогда не сговорились бы между собою. Въ старыхъ книгахъ описаны четыре совершенно различныя формы двуперстія. Изъ нихъ старообрядцы возлюбили только одну,—именно ту, которая предписывается во Псалтыри и въ Кирилловой книгѣ, объ остальныхъ же трехъ и знать не хотятъ. Изъ шести чело-вѣкъ, сложившихъ пер-сты по старымъ книгамъ, только двое сложили ихъ по старовѣрческому обычаю, а четверо не согласно съ этимъ обычаемъ. Э! Да вы все еще держите руки, какъ сложи-ли персты! Довольно,—чай устали!

И шесть рукъ съ разнообразно сложенными перстами, поднятые вверхъ, опустились. А я прибавилъ:

— Либо вотъ что еще представьте себѣ: въ Блазняхъ крестятся по Псалтыри, въ Баранцевѣ—по Кирилловой, въ Копкинѣ по Стоглаву, здѣсь, въ Курочкинѣ, по книгѣ О вѣрѣ, въ Маломъ Заѣмищѣ—по Малому Катихи-зису, а въ Шемейкинѣ—по Большому Катихизису. И вый-детъ, что во всехъ этихъ шести деревняхъ крестятся по старымъ книгамъ, но собственно по-старовѣрчески только въ двухъ... Этотъ споръ можно бы было дополнить и уси-лить еще однимъ голосомъ. Положимъ, что Лука Ивановъ начитался бы по Кирилловой, какъ православный грекъ Константинъ Панагіотъ спорилъ съ латинникомъ Иваномъ

Азимитомъ, запомнилъ бы и усвоилъ мысли православнаго Панагіота о перстосложеніи. Услышавъ, что Иванъ Колесовъ говоритъ: надо креститься тремя перстами,—онъ сказалъ бы: „Да, непременно надо креститься тремя перстами. Такъ крестились православные греки еще въ XIII столѣтіи. А креститься двумя перстами никакъ нельзя, это—ересь, которая обличается въ Кирилловой, въ главѣ 26, на листу 236“.

II.

Правда ли, что св. отцы учатъ старообрядческому двуперстію?

Такъ какъ народъ съ интересомъ слушаетъ рѣчи о перстосложеніи, то я продолжалъ: „мы знаемъ, какъ старовѣры слагаютъ персты для крестнаго знаменія; знаемъ, какъ ревностно защищаютъ они свое перстосложеніе, которое, по ихъ словамъ, есть единственно правильное. Когда у нихъ спрашиваешь, почему они такъ именно крестятся, они ссылаются на старыя книги, которымъ будто бы слѣдуютъ. Но въ старыхъ книгахъ относительно перстосложенія оказывается разногласіе. Значитъ, на книгахъ этихъ имъ нельзя утверждаться...“

— Много вы говорите, а главное-то и забываете.—прервали мою рѣчь.—Забываете святыхъ отцевъ: Θεодорита, Мелетія и Максима Грека!

— Благодарю тебя, Лука Ивановичъ, что напомнилъ мнѣ о нихъ. Значитъ, вы такъ креститесь, какъ эти отцы велѣли?

— Да.

— Ну, давайте посмотримъ въ книгахъ, какъ велятъ креститься эти отцы. Посмотримъ сначала, какъ велитъ креститься Максимъ Грекъ. И я сталъ читать изъ конца 14-й главы въ Кирилловой книгѣ: „О томъ же крестномъ знаменіи, еже кладемъ на лица своя, Максимъ Грекъ пишетъ въ своей книгѣ сице: Совокупленіемъ же тріехъ перстовъ, сирѣчь пальца и еже отъ средняго и малаго, тайну исповѣдуемъ богочаальныхъ тріехъ ипостасей, Отца и Сына и Святаго Духа, единого Бога трое (въ

трієхъ лицѣхъ). Протяженіемъ же долгаго и средняго—спедшася два естества во Христѣ, сирѣчь самого Спаса Христа исповѣдуемъ, совершенна Бога и совершенна челоуѣка, во двою существу вѣруемаго и познаваемаго. Положеніемъ же перстъ на челѣ“... и т. д. Вы помните, что здѣсь же, въ этой самой книгѣ, даже въ этой самой главѣ, раньше мы читали, что надобно креститься *двумя* перстами; а въ Катихизисѣ Большомъ, помните, сказано: *тремя*; здѣсь же вотъ неясно говорится: „положеніемъ *перстъ*“, т.-е. *перстами*,—похоже на то, какъ въ Маломъ Катихизисѣ и въ книгѣ О вѣрѣ сказано: *рукой* креститься. Но вѣдь вы креститесь непременно двумя перстами?

— Какъ сказано раньше, такъ и надобно креститься: книга одна!

— Ну, хорошо. Пусть надобно креститься двумя перстами; но какими же?

— Вышнимъ да среднимъ.

— Такъ будто и Максимъ Грекъ учить? Смотрите,—у него не написано: „протяженіемъ *вышняго и средняго*“, а написано: „протяженіемъ *долгаго и средняго*“. Ну-те, кто изъ васъ сложитъ персты такъ, какъ велитъ Максимъ Грекъ?

Подошелъ къ столу мужичокъ и показалъ обычное двуперстіе.

— Знаю, что вы такъ креститесь; но у насъ рѣчь не о томъ, какъ кто крестится, а о томъ, какъ сложить персты по ученію Максима Грека. Онъ говоритъ: протяни два перста. Ты и протянулъ два, да еще кромѣ того совокупилъ ихъ. Максимъ-то не велитъ совокуплять, велитъ просто протянуть; но, конечно, совокупленіемъ перстовъ удобнѣе показать „спедшася два естества во Христѣ“, и ты сдѣлалъ даже лучше, чѣмъ велитъ Максимъ Грекъ. Но зачѣмъ ты одинъ перстъ преклонилъ?

— По Псалтырю: „преклонь небеса и снѣде на землю нашего ради спасенія“.

— Хорошо; но вѣдь Максимъ Грекъ ни слова не говоритъ о приклоненіи. Видишь, сколько разности между нимъ и тобой. Потомъ, ты совокупилъ вышній и средній. Какой у тебя вышній?

— Какой? Извѣстно—этотъ, указательный.

— А какой у тебя долгій?

— Извѣстно,—великосредній, третій.

— Такъ; а теперь ты протяни долгій и средній персты.

Мужикъ протянулъ долгій (третій) перстъ и... задумался... „Долгій и средній?“ переспросилъ онъ съ изумленіемъ.

— Да, Максимъ Грекъ велитъ протянуть долгій и средній. Что же ты?!

— Да какъ же это?!.. Вѣдь долже средняго пѣтъ. Что долгій, что средній—все едино! Какъ же мнѣ протянуть долгій и средній?!—Я не умѣю.

— И я не умѣю. А Максимъ Грекъ велитъ, и вы говорите, что слѣдуете Максиму Греку. Однако вотъ на дѣлѣ-то оказалось, что и не можете сложить два перста такъ, или такіе, какъ онъ велитъ. Попробуй теперь сложить и три перста такъ, какъ велитъ Максимъ. Совокупивъ, говоритъ онъ, три перста: палецъ, да „еже отъ средняго“, да малый. Палецъ — это большой или первый, великій перстъ. Малый—это послѣдній, пятый. А что это за перстъ „еже отъ средняго?“

— Четвертый.

— Конечно, и четвертый можно назвать перстомъ „еже отъ средняго“; но вѣдь такимъ перстомъ можно назвать и второй. Средній то одинъ, третій; а такихъ, что (еже) „отъ средняго“,—глядите!—два: не только четвертый, но и второй. Значитъ, можно сложить, по Максиму, 1, 2 и 3 персты во имя Святой Троицы, а для обозначенія двухъ естествъ во Христѣ останутся 3-й и 4-й (и я сложить такъ именно персты).

— Такъ никто не слагаетъ.

— Да вѣдь и такъ никто не слагаетъ, какъ велѣно въ Стоглавѣ, въ Большомъ Катихизисѣ, въ Книгѣ о вѣрѣ и въ Маломъ Катихизисѣ. Не о томъ рѣчь, слагаетъ ли кто такъ, а о томъ, какъ нужно слагать по наставленію Максима Грека. Надѣюсь, вы теперь и сами видите, что его слова о перстахъ очень не ясны. Не ясно, какой это перстъ названъ „еже отъ средняго“. Не ясно, что это за персты: „долгій и средній“. Значитъ, утверждаться на ученіи Максима Грека вамъ нельзя. Теперь будемъ читать о Мелетіи.

И я прочиталъ, что написано о немъ въ 14 главѣ книги Кирилловой и въ статьѣ при Псалтыри. Читаю: „показати перста и не бысть знаменія“;—слышу: „вотъ что значить щепоть-то!—ничего отъ ней и не было“.

— Такъ, по вашему, при Мелетіи было уже троеперстіе? Онъ уже слагалъ три перста по нашему? Но вѣдь Мелетій жилъ до насъ тысячи за полторы лѣтъ. Значить, не Никонъ выдумалъ троеперстіе.

— Да вѣдь отъ вашего троеперстія „не бысть знаменія“!

— Такъ, по вашему, Мелетій сложилъ вмѣстѣ 1-й, 2-й и 3-й персты, но сложеніе оказалось непригоднымъ, пришлось ему разжать эти персты?—Такъ?

— Такъ.

— Ну, будемъ смотрѣть, что дальше онъ сдѣлалъ: „Потомъ же два совокупилъ и единъ пригну, и благослови люди, и изыде отъ него огнь, яко молнія, и достохвальнѣйшій онъ испусти гласъ: тріе убо ипостаси разумѣваемъ, о единомъ существѣ бесѣдуемъ“.

— Вотъ что значитъ, какъ по-нашему-то перекрестился!

— Тутъ и не говорится совсѣмъ, чтобы онъ перекрестился; сказано напротивъ: благослови люди!

— Все же по нашему!

— А вы тоже благословляете?! Нигдѣ не видалъ, чтобы безпоповцы благословляли кого рукой—по-священнически.

— По нашему сложилъ персты!

— Посмотримъ, такъ ли. „Два совокупилъ и единъ пригну“,—о сколькихъ тутъ упоминается перстахъ?

— О трехъ, какіе мы слагаемъ, потому что это именно перстосложеніе онъ объяснилъ такъ: „тріе убо ипостаси разумѣваемъ, о единомъ же существѣ бесѣдуемъ“.

— Т.-е. онъ сложилъ три ваши перста во имя Троицы единосущной и нераздѣльной, и этимъ знаменіемъ благословилъ люди?

— Да!

— Значить, св. Мелетій не думалъ, какъ вы, что Троицей нельзя творить крестнаго знаменія... Но что же онъ сдѣлалъ съ двумя остальными перстами? Вѣдь они у васъ самые главные,—двумя именно, а не тремя, по вашему, надобно креститься и благословлять; а объ нихъ-то здѣсь и не поминается ни слова.

Собесѣдники удивились. Я продолжалъ: „если же мы слова сказанія о Мелетіи: „два совокупль и единъ пригнувъ“ поймемъ о двухъ вашихъ перстахъ, изъ которыхъ одинъ немного пригибается или наклоняется, тогда не будемъ знать, что дѣлать съ тремя перстами, ибо тогда уже объ нихъ не будетъ упоминанія; да къ двумъ вашимъ перстамъ и не подойдетъ толкованіе Мелетіево: „тріе убо разумѣваемъ, о единомъ же существѣ бесѣдуемъ“, ибо два ваши перста не Троицу означаютъ. Значитъ, какъ ни понимать сказанное о перстахъ у Мелетія, все же его перстосложеніе не есть ваше. Но такъ какъ въ сказаніи три перста точно не названы, то можно думать, что Мелетій сложилъ ихъ по нашему. Да такъ думать и правильнѣе.

— Почему же правильнѣе?

— Слушайте, почему. Здѣсь сказано: „Егда былъ Мелетій патріархъ Александрійскій. И притомъ соборъ бысть аріаномъ съ вѣрными въ лѣта его, и много глаголющимъ окаяннымъ аріаномъ о развращеніи православныя вѣры, паче же о самомъ божественномъ таинствѣ“. Аріане развращали православную вѣру, паче же „о самѣмъ божественнѣмъ таинствѣ“, т.-е. о таинствѣ Божества, о самой Пресвятой Троицѣ учили неправильно. Самъ Аріій говорилъ, что Сынъ Божій не есть Богъ, но только самое первое и лучшее изъ всѣхъ твореній Божіихъ.

— Да, онъ считалъ Сына тварію,—подтвердилъ мои слова Лука.

— Вѣрно. Не то, чтобы аріане не признавали Троицы,—они ее признавали; но только лица Святой Троицы почитали разными по существу,—учили, что Троица не единосущна. Они отдѣляли Сына отъ Отца,—говорили: Отецъ—Богъ, а Сынъ—тварь. Православные же и тогда, какъ теперь, вѣровали, что нераздѣленъ Сынъ отъ Отца и единосущенъ съ Нимъ; что едино естество во Отцѣ и Сынѣ и Святомъ Духѣ,—всѣ три лица—единый Богъ; единосущна и нераздѣльна Святая Троица. Такъ сказалъ и Мелетій: „тріе разумѣваемъ, о единомъ бесѣдуемъ“, т.-е. три лица и едино существо. Ему нужно было показать, что первое, второе и третье лица Святой Троицы нераздѣльны и единосущны, и что нельзя отдѣлять Сына отъ Отца. Какими же перстами ему удобнѣе было показать

пераздѣльность лицъ во Святой Троицѣ: первымъ ли, вторымъ и третьимъ, или же первымъ, четвертымъ и пятымъ? Мнѣ кажется, покажи онъ аріанамъ 1-й, 4-й и 5-й персты во имя Троицы, аріане немного бы стали съ нимъ спорить. Они бы, пожалуй, приняли это троеперстіе за выраженіе своей вѣры въ Троицу, потому что и они не поставляли рядомъ Сына со Отцомъ, а раздѣляли ихъ, какъ и персты первый, четвертый и пятый не по ряду слѣдуютъ, а раздѣлены вторымъ и третьимъ. Для выраженія вѣры въ нераздѣльную Троицу не такъ удобны первый, четвертый и пятый персты, какъ первый, второй и третій: ни четвертаго, ни пятаго лица въ Троицѣ нѣтъ; а второе и третье есть. Я такъ понимаю сказанное о Мелетіи въ Кирилловой книгѣ и въ Псалтыри: сначала онъ показалъ перстами аріанскую вѣру въ Троицу, будто въ ней лица не единосущны и раздѣльны, то есть показалъ три первые перста врозь, раздѣльно. Потомъ два изъ нихъ совокупилъ и къ нимъ одинъ еще пригнулъ, то-есть сложилъ всѣ три воедино, чтобы показать православную вѣру въ Троицу единосущную и нераздѣльную,—и бысть знаменіе.

— У васъ выходитъ, что вашимъ крестомъ (т.-е. троеперстіемъ) Мелетій благословилъ народъ!

— Вамъ это не нравится? Ну, покажите, какъ по-вашему надо понимать сказаніе о Мелетіи.

— Хитро съ вами толковать. Мы толкуемъ по-своему, вы—по-своему. Намъ не сговориться.

— Да вѣдь я и не спорю. Я только пробую понять то, что написано, и съ вами же вмѣстѣ разсматриваю, что написано. Покажите мнѣ, какъ, по-вашему, дѣло было на соборѣ у Мелетія съ аріанами. Я буду слушать.

Никто однако не сталъ говорить, и я продолжалъ: Теперь почитаемъ, что говорится о Мелетіи въ Стоглавѣ (въ 31 главѣ). Здѣсь написано: „показа три перста во Отецъ и Сынъ и Святыи Духъ, и не бысть знаменія“. Тамъ, во Псалтыри и Кирилловой, нѣтъ этихъ словъ: „во Отецъ, Сынъ и Святыи Духъ“. Значитъ, между книгами есть разница. Удивительно!—показалъ три перста во имя Святой Троицы,—и не бысть знаменія. Почему же не бысть? Вѣдь весь споръ былъ объ единосущіи лицъ во

Святой Троицѣ,—„о вѣрѣ единосущества“, какъ и раньше сказано? Не иначе это можно понять, какъ я объяснилъ, говоря о сказаніи по Кирилловой и Псалтыри, т.-е., что Мелетій показалъ тремя перстами сначала аріанскую вѣру во Отца и Сына и Святаго Духа; поэтому и не бысть знаменія. „Посемъ же Мелетій два перста совокупль, а три пригнута“ *). Помните,—тамъ, въ Кирилловой и Псалтыри, сказано: и *единъ* пригну; а здѣсь вмѣсто единъ—*три*. Не малая разница! И я не умѣю ее объяснить. Быть можетъ, здѣсь надо бы читать: а *третій* пригну,—и тогда было бы согласиѣ съ Псалтырью и Кирилловой. Смыслъ былъ бы таковъ: показалъ аріанскую вѣру во Святую Троицу тремя разрозненными, несложенными перстами—и не бысть знаменія; потомъ показалъ православную вѣру во Святую Троицу тремя сложенными вмѣстѣ перстами,—и бысть знаменіе. Или тутъ надобно бы читать такъ: два (не совокупль, а) пригнувъ, а три (не пригнувъ, а) совокупивъ,—вышло бы онять троеперстіе съ вполне православною мыслью о единосущіи Святыя Троицы.

— Да вѣдь не написано такъ-то!

— Я и не говорю, что такъ именно написано; я только догадываюсь, что такъ бы надо было написать. Тогда было бы понятно. А теперь,—попробуйте, покажите, что выйдетъ? Два совокупн, а три пригнн. Какіе два? какіе три? Вотъ я два совокуплю—1-й и 2-й, а три—3-й, 4-й и 5-й пригну къ ладони. Смотрите, что стало! Но на что же это похоже?

— И у насъ два совокуплены, а три пригнуты,—сказалъ Александръ Степановъ.

— Къ чему же они пригнуты?

— Другъ къ другу.

— Четвертый развѣ пригнуть къ пятому? Да ихъ и нельзя пригнуть одинъ къ другому. Они сложены и вмѣстѣ пригнуты къ первому. Потомъ,—у васъ большая важность придается пригбенію великосредняго перста; а здѣсь, въ Стоглавѣ, и тамъ, въ Псалтыри и Кирилловой, въ сказаніи о Мелетіѣ никакого даже упоминанія о семъ при-

*) Такъ въ изданіяхъ Кожанчикова и Казанскомъ, у Субботина: „пригну“.

гбеніи не сдѣлано. Оказывается, такимъ образомъ, что сказанія о томъ, какъ Мелетій сложилъ персты на соборѣ, разнорѣчивы и неудобопонятны; особенно же таково, какъ видите, сказаніе Стоглава. И если въ этихъ сказаніяхъ некая какого-либо перстосложенія, то скорѣе можно найти троеперстіе, чѣмъ двуперстіе.—Впрочемъ, я не настаиваю на этомъ рѣшительно; я только хочу уяснить, что на основаніи непонятныхъ и противорѣчивыхъ сказаній о Мелетіи нельзя вамъ утверждать, что вы креститесь по его примѣру.

— И Максимъ Грекъ не по-нашему, и Мелетій не по-нашему!.. Пожалуй, скажете, что и Феодоритъ не по-нашему! Къ тому идетъ!

— Я скажу только то, что прочиталъ въ книгахъ. Кто изъ васъ говоритъ про себя: „я слагаю персты такъ, какъ повелѣваетъ блаженный Феодоритъ, по написанному объ немъ въ предисловіи Псалтыри и Кирилловой“, тотъ говоритъ правду, потому что въ этихъ двухъ книгахъ слово Феодорита содержитъ наставленіе о вашемъ, старообрядческомъ, перстосложеніи. Но вотъ что любопытно: помните, мы читали о перстосложеніи по Филаретовскому Великому Катихизису и нашли, что тамъ велѣно наклонить два перста, а не одинъ, и креститься не двумя перстами, а тремя,—еще изъ-за этого перстосложенія такъ много спорилъ Николай Степановъ? Но мы тогда не обратили вниманія на одно словечко, которое напечатано тамъ на полѣ, на 5-мъ листѣ.

Раскрыли Великій Катихизисъ на 5-мъ листѣ и нашли, что противъ словъ: „а два перста имѣти наклонены, а не простерты“, на полѣ напечатано: *Феодоритово*. Что значитъ эта замѣтка: Феодоритово?—спросилъ я.

— Феодоритово слово,—не иначе!—отвѣтили мнѣ.

— Вѣрно. Значитъ, такое именно перстосложеніе узаконяетъ блаженный Феодоритъ. Значитъ, если кто наклонитъ не одинъ, а два перста, и станетъ креститься не двумя, а тремя перстами, тотъ будетъ креститься именно такъ, какъ велитъ блаженный Феодоритъ... А вотъ вы преклоняете не два, а одинъ перстъ, и креститесь не тремя, а двумя перстами, однако же думаете, что такъ креститься велитъ блаженный Феодоритъ! Вы указываете

при этомъ на слово Θεодорита въ Псалтыри и Кирилловой; но Катихизисъ Большой свидѣтельствуешь, что Θεодоритъ не такъ, какъ въ этихъ книгахъ, и не по-вашему, велить креститься. Какимъ же книгамъ вѣрить относительно Θεодорита,—Іосифовскимъ, или Филаретовской? Филаретъ старѣе Іосифа. Вы старицу любите: такъ не старѣйшаго ли вамъ и слушать?

— Мы по Псалтыри крестимся, а Псалтырь всеѣмъ книгамъ мать. Она велитъ на нашемъ креститься: ея и надобно слушаться. Нечего тутъ много толковать! А всеѣхъ книгъ не перечитаешь...

— Но теперь очень темного осталось: посмотримъ только, какъ о Θεодоритѣ написано въ Стоглавѣ, и тогда—конецъ долгимъ рѣчамъ о двуперстїи.

И я сталъ читать по Стоглавику о Θεодоритѣ (изъ 31-же главы): „Три перста равны имѣти вкупѣ, по образу Троицескому: Богъ Отецъ, Богъ Сынъ, Богъ Духъ Святой, не три бозїи, но единъ Богъ въ Троицы; имени раздѣляется, а Божество едино. Отецъ не рожденъ, а Сынъ рожденъ, а не созданъ, Святой Духъ не рожденъ, не созданъ, а исходя. Три во единомъ божествѣ, едина сила, едино божество. А два перста имѣти наклонена, а не простерта. То образуетъ божество и человѣчество: Богъ по божеству, а человѣкъ по вочеловѣченію, а въ обоимъ совершенъ“. Прочитавши это, я сказалъ: „Попытаемъ же сложить персты такъ, какъ здѣсь повелѣваетъ Θεодоритъ. Смотрите прежде всего, какъ онъ велитъ держать два перста: „два перста имѣти наклонена, а не простерта“. Точно такъ же, помните, написано про него и въ Большомъ Катихизисѣ. Но вѣдь вы не слѣдуете этому Θεодоритову наставленію,—наклоняете одинъ, а не два перста! Потомъ,—о какихъ же это двухъ перстахъ говорится здѣсь, въ Стоглавѣ?—вѣдь они не обозначены! Правда, и въ Большомъ Катихизисѣ они не обозначены же; но тамъ во имя Святой Троицы велѣно слагать 1-й, 4-й и 5-й персты: значитъ, тамъ приходится наклонять не иные два, какъ остальные изъ пяти, т.-е. 2-й и 3-й. А здѣсь, въ Стоглавѣ, не только два не обозначены, какъ и въ Большомъ Катихизисѣ, но не означены и три, такъ что и угадать нельзя, какіе это два нужно наклонять.

— Какъ не обозначены?—удивились мои собесѣдники.

— Вѣдь вотъ что написано въ Стоглавѣ: „три перста равно имѣти вкупѣ по образу Тройческому... а два наклонена, а не простерта“. Видите,—не обозначены ни три, ни два перста, которые Θεодоритъ велитъ слагать для крестнаго знаменія.

— Какъ же такъ? Какіе же персты слагать?

— Не знаю; на волю дано. Можно всяко слагать. Можно во имя Святой Троицы сложить персты 1-й, 2-й и 3-й.

— Тутъ не написано: 1-й, 2-й и 3-й!—закричали сразу нѣсколько голосовъ.

— Не написано; я и не говорю, что написано; я говорю только: можно и эти персты сложить. Вѣдь не написано же и того, чтобы слагать 1-й, 4-й и 5-й персты; однако вы слагаете ихъ, ссылаясь на Θεодорита. Значитъ, можно сложить во имя Святой Троицы 1-й, 2-й и 3-й персты (и я сложилъ эти три перста). „А два перста имѣти наклонена, а не простерта“. Остаются 4-й и 5-й персты, ихъ и надо не простирать,—да простирать ихъ и неудобно,—„а наклонить“. Смотрите, что выходитъ!—И я поднялъ вверхъ руку съ нашимъ троеперстіемъ. Опять заговорили въ нѣсколько голосовъ, опять поднялся сильный шумъ. Оно и понятно: оказалось, что тотъ самый Θεодоритъ, на которомъ главнымъ образомъ утверждаются старообрядцы, учитъ такому перстосложенію, одного вида котораго старообрядцы боятся и трепещутъ!—Когда наконецъ голоса нѣсколько утихли, я сказалъ: „Отчего же я не кричу, когда въ иной старой книгѣ приходится прочитать наставленіе креститься по-вашему, а вы кричали, лишь только я упомянулъ о нашемъ троеперстіи? Успокойтесь! Не говорю я, что слова Θεодорита, написанныя въ Стоглавѣ, надобно понимать впрямь за наставленіе о нашемъ троеперстіи. Говорю только одно: въ Стоглавѣ не обозначены, не названы персты, ни три, ни два; значитъ, можно ихъ сложить и такъ, какъ велѣно въ Большомъ Катихизисѣ, можно сложить и по-нашему, но только никакъ нельзя сложить по-вашему. Значитъ, вамъ и на Θεодоритъ тоже нельзя утверждаться... Вотъ, Лука Ивановичъ, ты указалъ на Максима Грека, Мелетія и Θεодорита. Мы и прочитали, что они говорятъ о персто-

сложеніи: по Максиму Греку невозможно сложить персты,—очень не ясно его наставленіе; о Мелетіи разпорѣчіе между Стоглавомъ и Псалтырью съ Кирилловой книгой; о Θεодоритѣ тоже разпорѣчіе: въ Псалтыри и въ Кирилловой Θεодоритъ велитъ слагать персты по-вашему, а въ Большомъ Катихизисѣ и Стоглавѣ несогласно вашему обычаю,—писанное въ Стоглавѣ даже можно понять такъ, что Θεодоритъ проповѣдуетъ наше троеперстіе.

Что же мы узнали о двуперстіи? Иногда старообрядцы говорятъ, будто ихъ перстосложеніе узаконено на вселенскихъ соборахъ. Но вчера, въ Маломъ Займищѣ, одинъ безноповскій наставникъ, Осипъ Михайловъ, самъ признался и сказалъ при всѣхъ, что во всей книгѣ Кормчей нѣтъ ни слова о перстосложеніи. И Осипъ правильно говоритъ: ни на вселенскихъ, ни на помѣстныхъ соборахъ о перстосложеніи не было даже и разсужденій, не то что узаконеній. Сегодня другой вашъ наставникъ, Лука Ивановъ, при васъ сказалъ, что старообрядцы слушаютъ Стоглаваго собора. Стоглавый соборъ, помѣстный соборъ нашей русской церкви, былъ въ Москвѣ въ 1551 году. Мы съ вами читали опредѣленія этого собора о перстосложеніи. Оказалось, что не слушаютъ его старовѣры, не такъ они крестятся, не такъ персты складываютъ и не съ тѣмъ смысломъ, какъ велитъ Стоглавый соборъ. Значитъ, ни вселенскаго, ни помѣстнаго собора, который бы узаконилъ старообрядческое перстосложеніе, не было.

Еще вы говорите: мы крестимся такъ, какъ велѣно въ старыхъ книгахъ. Но старыя книги не всѣ указываютъ именно ваше перстосложеніе. Мы съ вами сличали эти книги и сами слышали ихъ разногласію. Изъ всѣхъ старыхъ книгъ по какому-то капризу выбрали вы только двѣ, Кириллову и Псалтырь патріарха Іосифа, остальными же пренебрегли.

Вы говорите еще: мы крестимся такъ, какъ повелѣли всѣ патріархи, бывшіе до Никона. Но развѣ по-вашему велѣлъ слагать персты и креститься патріархъ Филаретъ? Помните, что мы читали въ его Большомъ Катихизисѣ? Скажете, что патріарха Филарета поправилъ Іосифъ, велѣвшій окончательно по-вашему креститься. Но чрезъ это вы сами признаетесь, что въ перстосложеніи и до Никона дѣлались поправки, что, слѣдовательно, перстосло-

женіе не догмать вѣры, въ которомъ поправокъ не могло быть, что, значить, патріархъ Никонъ могъ сдѣлать, по примѣру Іосифа, свою поправку,—патріаршая власть у нихъ была одинаковая. И ужъ тѣмъ болѣе нельзя вамъ послѣ этого цѣлый соборъ, на которомъ присутствовали три патріарха, осуждать за то, что онъ одобрилъ изданныя Никономъ книги съ учепіемъ о троеперстіи.

Но, хотя вы и говорите, что послѣдуете патріарху Іосифу, это однако же оказалось несправедливымъ. Кириллова книга и Псалтырь съ наставленіемъ о любимомъ вами перстосложеніи, правда, напечатаны при Іосифѣ; но имъ же напечатаны и книга О вѣрѣ и Малый Катихизисъ, а въ этихъ двухъ книгахъ не то перстосложеніе, какое вы исключительно приняли (Помните?—не велѣно преклонять великосредняго перста!). Любопытно еще и то, что книга О вѣрѣ и Малый Катихизисъ напечатаны позднѣе Кирилловой и Псалтыри; поэтому можно, пожалуй, сказать, что Іосифъ патріархъ сначала поправилъ Филарета патріарха и старовѣры приняли его поправку, а потомъ и самъ поправился, но старовѣры не захотѣли уже слушаться его. Значить, и на патріарха Іосифа нельзя вамъ ссылаться въ защиту своего перстосложенія.

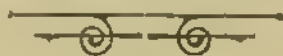
Еще говорите вы, что креститесь такъ, какъ велѣтъ креститься святые отцы: Θεодоритъ, Мелетій и Максимъ Грекъ. Но эти отцы, какъ мы съ вами видѣли, учатъ несогласно между собою; даже трудно узнать, какъ именно каждый изъ нихъ училъ, потому что объ нихъ разныя книги различно повѣствуютъ, и выходитъ, что напримѣръ одинъ и тотъ же Θεодоритъ учитъ несогласно самъ съ собою.

Вотъ мы обсудили съ вами все, что говорится въ старыхъ книгахъ о двуперстіи. Теперь можно всякому понять, что двуперстіе, и вообще перстосложеніе для крестнаго знаменія, не есть неизмѣнный догмать Христовой вѣры. Если бъ оно было догматомъ вѣры, какъ увѣряютъ старообрядцы, то всѣ святые учили бы одинаковому перстосложенію, всѣ патріархи узаконили бы одно перстосложеніе, всѣ книги содержали бы одно ученіе о перстосложеніи. А мы видимъ, что о перстосложеніи у отцовъ, у патріарховъ и въ книгахъ очень много разнорѣчій и несогласій. Явно, что двуперстіе, и вообще перстосложеніе, не было и не есть догмать вѣры.

III.

Было ли до патріарха Никона троеперстіе.

Когда мы кончили толковать о двуперстіи, старообрядцы спросили меня: было ли до патріарха Никона троеперстіе? Я сталъ приводить извѣстные свидѣтельства о древности этого перстосложенія, указанные въ Выпискахъ Озерскаго (ч. II, отд. 4, ст. 2). Не скажу, чтобы старовѣры слушали съ удовольствіемъ. Они съ малолѣтства такъ напуганы баснями объ еретичествѣ и паденіи нашей церкви, что имъ кажется сомнительнымъ, даже страшнымъ всякое слово въ ея защиту и оправданіе; но страшнѣе всего имъ слышать, какъ мы съ безспорными документами въ рукахъ оправдываемъ ее за содержаніе троеперстія,—самой главной, по ихъ мнѣнію, нашей ереси, даже будто бы печати антихристовой. Инымъ изъ нихъ со страху даже то приходитъ въ голову, что доказательства древности троеперстія чуть ли не нарочно выдуманы миссіонерами для обмана ихъ, бѣдныхъ старовѣровъ. Но нетрусливые и добросовѣстные старообрядцы имѣютъ полную возможность несомнѣнно убѣдиться въ томъ, что троеперстіе не есть изобрѣтеніе патріарха Никона, что оно существовало много ранѣе этого патріарха, и не у еретиковъ какихъ-нибудь, а у православныхъ, грековъ и русскихъ, что Никонъ, при которомъ въ Великороссіи было на ряду съ троеперстіемъ и двуперстіе, хотѣлъ только, чтобы всѣ русскіе употребляли для крестнаго знаменія одно перстосложеніе, и именно троеперстіе, котораго держались православные христіане на Востокѣ и по всему свѣту. Винить патріарха Никона, а тѣмъ болѣе всю Грекороссійскую церковь за троеперстіе есть только неосновательный, недобрый, неизвинительный, хотя и застарѣлый, обычай старообрядцевъ, отъ котораго давно пора бы имъ отстать. Троеперстіе—это очень старинная икона высокаго художественнаго письма, которою вполне вѣрно изображается святая, единосущная и нераздѣльная Троица. Церковь, хранящая и чтущая эту икону, не можетъ быть за нее даже и заподозрѣна въ какой-либо ереси: она совершенно православна!

СОЧИНЕНІЯ

Прот. Іоанна Полянского, Москов. епархіального миссіонера.

(Адресъ: Москва, 3 Троицкій, 4, 3).

1. Записки миссіонера.—Бесѣды съ старообрядцами. Изд. 3, въ 14 книжкахъ:

1. Въ моленной у филипповцевъ	— р.	20 к.
2. Единовѣріе и расколъ	— "	10 "
3. Старовѣрскіе страхи	— "	10 "
4. „Тянетъ къ старой вѣрѣ“	— "	10 "
5. Печать антихристовъ	— "	10 "
6. Дѣдушка Евсеій, странническій наставникъ	— "	15 "
7. Грѣхи людскіе	— "	10 "
8. Спасова вѣра	— "	10 "
9. Вопль безпоповца	— "	10 "
10. Главный догматъ старовѣрія	— "	10 "
11. Старинныя книги обличаютъ старовѣровъ	— "	5 "
12. Бракоборы	— "	15 "
13. Притчи о мастерѣ и инструментѣ и о ключахъ	— "	10 "
14. „Бреси“ церковныя	— "	5 "
То же. Изд. 4, въ одной книгѣ	1 "	50 "

2. Церковныя бесѣды миссіонера или проповѣди противъ безпоповцевъ. Изд. 2, въ 6-ти книжкахъ:

1. Таинство священства	— "	10 "
2. Таинство крещенія и муропомазанія	— "	10 "
3. Таинство исповѣди	— "	10 "
4. Таинство причащенія	— "	10 "
5. О бракѣ	— "	5 "
6. Таинство елеосвященія	— "	5 "
То же. Изд. 3, въ одной книгѣ	— "	50 "
3. „Вѣчная правда“ (противъ Комиссарова)	— "	15 "
4. Бесѣда о троеперстіи въ православной церкви до лѣтъ Никона патріарха. Изд. 3.	— "	20 "
5. Правда ли, что имя Спасителя должно произносить только <i>Исусъ</i> и никакъ нельзя произносить <i>Иисусъ</i> ? (Противъ Усова)	— "	30 "
6. Клевета старообрядца на о. Іоанна Кронштадтскаго	— "	7 "
7. Почему на миссіонерскихъ бесѣдахъ въ Москвѣ не позволено начетчикамъ говорить рѣчей къ народу?	— "	10 "
8. О каноническомъ достоинствѣ Стоглаваго собора.— Бесѣда съ Д. С. Варакинымъ. Изд. 2.	— "	10 "
9. Нуженъ ли единовѣрческій епископъ?	— "	10 "
10. О священническомъ титулѣ (Изъ бесѣды съ австрійцами).	— "	5 "

Протоіерей Іоаннъ Полянскій.

ЗАПИСКИ МИССИОНЕРА.

Бесѣды съ старообрядцами.

Книжка 11.

Старинныя книги обличаютъ старовѣровъ.

Изданіе третье.

Первое изданіе Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ одобрено къ приобрѣтенію въ ученическія библіотеки духовныхъ семинарій и въ библіотеки церковныя, въ особенности въ библіотеки тѣхъ церквей, въ приходахъ коихъ имѣются раскольники.

Цѣна 5 коп.

Книгоиздательство „Вѣрность“.

МОСКВА.

„Русская Печатня“. Садовая-Триумфальная, д. № 14.
1912.

Уч 1/152
Протоіерей Іоаннъ Полянскій.

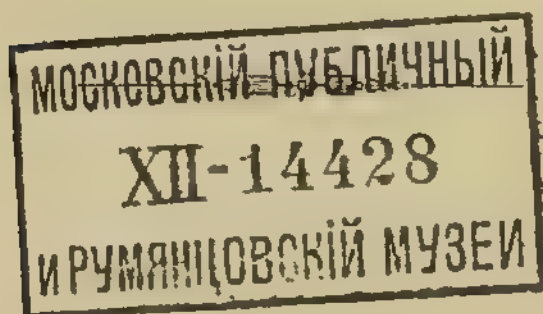
ЗАПИСКИ МИССИОНЕРА.

Книжка 11.

Старинныя книги обличаютъ старовѣровъ.

Изданіе третье.

Первое изданіе Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ одобрено къ приобрѣтенію въ ученическія библіотеки духовныхъ семинарій и въ библіотеки церковныя, въ особенности въ библіотеки тѣхъ церквей, въ приходахъ коихъ имѣются раскольники.

МОСКВА.

„Русская Печатня“, Садовая-Триумфальная, д. № 14.
1912.

Старинныя книги обличают старовѣровъ.

I.

Опечатка!

Когда непривычный и, кажется, мало пріятный для Флоровскихъ старообрядцевъ разговоръ о церкви окончился и отъ главнаго изъ моихъ собесѣдниковъ, отъ Луки Ивановича, я добился признанія, что они, старообрядцы, и сами не знаютъ, гдѣ въ настоящее время находится истинная церковь, я спросилъ у нихъ: „почему же нашу церковь вы не признаете за православную?—что въ ней по-вашему еретическаго?“ Въ отвѣтъ на это я услышалъ обычные обвиненія, что наша церковь измѣнила и имя Христово, и символъ вѣры, и крестъ, и число просфоровъ, и т. д. и т. д. Стали обсуждать сіи предметы.

— Вы думаете,—спросилъ я,—что только со времени Никона патріарха стали произносить имя Христово: Іисусъ, а встарину никогда такъ не произносили?

— Мы что-то нигдѣ въ старыхъ книгахъ не видали и не читали по-вашему.

— Ну, если не видали, посмотрите!—И я показалъ имъ юсовое Евангеліе, гдѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ стоятъ письма: ѿ хѣа. Грамотные старообрядцы внимательно осмотрѣли книгу и указанные въ ней мѣста. Было разъяснено, что читать эти буквы нельзя иначе, какъ: Іисусъ-Христова, т.-е. оказывалось, что и встарину произносили имя Христово и даже печатали такъ, какъ не хотятъ читать и выговаривать старовѣры. Я рассказалъ и о другихъ старинныхъ, рукописныхъ и печатныхъ книгахъ, гдѣ есть слово „Іисусъ“ (см. „Выписки Озерскаго“, 2 ч., отд. 2. ст. 1). Старовѣры удивлялись, говорили: „мы тѣхъ книгъ не видали“...

— Ну, положимъ, вы тѣхъ книгъ не видали, и потому вамъ сомнительно, есть ли въ нихъ имя Іисусъ. Но вѣдь мою-то книгу вы видите, она у васъ передъ глазами. А она старопечатная, и въ ней приходится волей-неволей чптать „Іисусъ“. Значитъ, не Никонъ выдумалъ это имя,—такъ говорили и раньше его.

Александръ Степановъ вдругъ нашелся. „Дѣйствительно,—сказалъ онъ,—въ вашемъ Евангеліи напечатано *і* да *ижица*, и приходится чптать *Іисусъ*, по-вашему. Но здѣсь явная ошибка, описка, то бишь—опечатка: надо бы *і* да *слово* (іс), а здѣсь напечатали: *і* да *ижица* (iv) Буква *ѵ* напечатана вмѣсто *с*“.

Этотъ Александръ бывалъ въ Москвѣ, даже жилъ тамъ лѣтъ пять,—говоритъ, что видалъ много старыхъ книгъ, хотя и не бывалъ ни въ одной изъ богатыхъ стариною московскихъ библіотекъ. И онъ явился судьей старины: „развѣ не бываетъ опечатокъ?—разсуждалъ онъ. Да и книга эта не патріаршей, а княжеченецкой печати. Когда бъ патріаршей, тогда бъ другое дѣло!“ Я замѣтилъ ему: по-твоему, Александръ, эта книга напечатана еще до патріарховъ; такъ значитъ, до перваго нашего патріарха, до Іова, уже печатали и выговаривали „Іисусъ“. Не говори же, что Никонъ выдумалъ это слово: оно древнее, а не новое. А чѣмъ старѣе, тѣмъ вѣрнѣе,—вы всегда на старины стоите. Согласенъ ли ты съ этимъ?

— Но вѣдь патріархи исправили это чтеніе: они велѣли писать Іеусъ! Потому-то я и говорю, что тутъ ошибка.

— Такъ патріархи сказали прямо: не пишете „Іисусъ“, такъ писать ошибка; пишете „Іеусъ“, такъ правильно? Какой же патріархъ и гдѣ это сказалъ? Я что-то нигдѣ не читалъ такого ихъ повелѣнія. Да и никогда его не было, потому что даже сами патріархи издавали книги съ именемъ Іисусъ.

И снова было говорено, гдѣ и въ какихъ патріаршнихъ книгахъ такъ печаталось это слово. Алексѣй Леонтьевъ подтвердилъ мои слова о томъ, что и встарину православные выговаривали Іисусъ.

На другой день на бесѣдѣ въ деревнѣ Баранцево филипповецъ Павелъ Ананьинъ говорилъ, что у него есть Евангеліе Филарета патріарха и что въ немъ дѣйстви-

тельно напечатано во 2 зачалѣ отъ Матѳея: ѲѢСЪ (Исусъ); къ сожалѣнію, онъ не принесъ на бесѣду этого Евангелія, и мнѣ не пришлось показать старовѣрамъ это имя уже въ такой старинной книгѣ, которая принадлежитъ самому старовѣру же. Въ мартѣ 1891 г. и въ сентябрѣ 1892 г. я ѣздилъ въ Тотемскій уѣздъ, въ Кокшенгскіе приходы. Тамъ очень много старовѣровъ. У одного изъ нихъ оказалась даже Острожская Библія, напечатанная въ 1581 г., т.-е. больше 300 лѣтъ назадъ. Въ этой Библии встрѣчается нѣсколько разъ имя Спасителя съ двумя гласными въ началѣ; напр., ѲѢС (Зах. гл. 3, Іоан. гл. 2), и даже полное, безъ титла—ѲѢСЪС (1 Езд. гл. 2). Но дороже всего то, что въ концѣ ея, въ послѣсловіи, напечатано по-гречески полнымъ складомъ: ѲѢСОУ ХРІСТОУ, т.-е. „Исуса Христа“. Такимъ образомъ, имя Исусъ, котораго старовѣры такъ боятся, находится въ самой древнѣйшей изъ всѣхъ напечатанныхъ въ Россіи Библий,—и эта Библія находится въ рукахъ старовѣра. Имя ему Яковъ Ѳедоровъ, онъ отставной солдатъ, живетъ въ деревнѣ Нижней, Долговицкаго прихода.—Въ этомъ приходѣ нѣсколько церквей: въ одной изъ нихъ на престолѣ Евангеліе Іосифа патріарха со словомъ ѲѢСЪ (Исусъ) во 2-мъ зачалѣ отъ Матѳея, а въ другой (въ Савватіевской) Евангеліе Филарета съ начертаніемъ ѲѢСЪ въ томъ же зачалѣ. Третье старопечатное Евангеліе, видѣнное мною въ Кокшенгѣ, находится въ библіотекѣ Подкой церкви. Оно—Филаретовское и въ немъ имя ѲѢСЪ. Я былъ очень радъ этимъ рѣдкимъ находкамъ, и даже старовѣрамъ другихъ приходовъ ссылался на эти книги, когда заходила рѣчь объ имени Исусъ.

II.

Пропускъ!

Потомъ перешли къ другому слову—„истиннаго“. Я говорилъ, что и до Никона патріарха 8-й членъ символа вѣры читался иногда такъ, какъ читается у насъ теперь въ церкви. Между прочими доказательствами я показалъ Малый Катихизисъ: въ немъ, на листѣ 20 на оборотѣ, напечатано: и въ Духа Святаго Господа животворящаго.

— Вы видите,—говорю,—книга древняя, а и въ ней опущено слово „истиннаго“.

— Этого быть не можетъ, чтобы въ древней книгѣ

„истиннаго“ было опущено!—вскричалъ все тотъ же Александръ.

— Я подаль ему книгу: „на, читай самъ!“. Читаетъ про себя, задумывается и, наконецъ, посмотрѣвъ на выходной листъ, говоритъ: а!.. это не Московское, а Почаевское изданіе! Тутъ дѣйствительно опущено слово „истиннаго“; но въ Московскомъ оно читается!

— Но вѣдь въ Почаевѣ,—говорю,—перепечатали Малый Катихизисъ съ Московскаго изданія сами старообрядцы, и притомъ—смотри предисловіе—„ни въ чемъ не отмѣнно“ противъ подлинника!

— Въ Московскомъ есть слово „истиннаго“,—упрямо твердилъ Александръ.

— Очень жаль, что я не захватилъ съ собою изъ Вологды подлинное Московское изданіе... Нѣтъ ли у васъ у кого хотя единовѣрческой печати?

— У насъ въ церковной библіотекѣ есть,—сказалъ батюшка о. Александръ. Можно послать, принесутъ.

— Вы вѣрите единовѣрческимъ книгамъ? спросилъ я у старовѣровъ.

— Вѣримъ. Мы сами ихъ покупаемъ.

— Да нѣтъ ли у васъ самихъ Малаго Катихизиса?

— Есть. Только въ нашемъ нѣтъ этого измѣненія, какое сдѣлано въ Почаевскомъ. Въ нашемъ читается: „и въ Духа Святаго Господа истиннаго и животворящаго“.

— А поди, пожалуйста, принеси свой Катихизисъ, посмотримъ,—попросилъ я Александра. Попросили и другіе. Александръ вышелъ изъ за стола и пошелъ къ себѣ на домъ за Малымъ Катихизисомъ Московской (единовѣрческой) печати, гдѣ, по его словамъ, въ 8 членѣ не опущено слово „истиннаго“.

Рядомъ со мной, съ правой стороны, сидѣлъ сѣдой старикъ Зоннъ. Я спросилъ у него: когда лѣтомъ проѣзжалъ архіерей, мы бесѣдовали, дѣдушка, съ тобою и ты просилъ меня написать на записочкѣ, гдѣ, на какихъ листахъ и въ какихъ книгахъ, читается восьмой членъ такъ же, какъ вотъ въ этомъ Катихизисѣ. И я написалъ тебѣ такую записочку. Ты хотѣлъ провѣрить ее по своимъ книгамъ,—говорилъ, что у васъ есть старыя книги. Что же, смотрѣлъ ты въ своихъ книгахъ указанныя мной мѣста?

— Смотрѣль.

— Правду ли я тебѣ написалъ? Есть и въ вашихъ книгахъ „Вѣрую“ безъ слова „истиннаго“?

— Есть. Нельзя спорить, что нѣтъ.

Пришелъ Александръ и принесъ какія-то книги.

— Ну, давай читать твой Малый Катихизисъ.

— Нѣту дома его, отданъ кому-то для чтенія...

Я не удержался и замѣтилъ:

— Это не первый случай, что старовѣрческіе грамотен не несутъ на бесѣду и своихъ книгъ, если знаютъ и видятъ, что въ ихъ же книгахъ да не по-ихнему напечатано. Значить, они знаютъ правду, да скрываютъ ее отъ неграмотнаго народа.

Лука, стоявшій заодно съ Александромъ, обидѣлся этимъ моимъ словомъ о старовѣрческихъ учителяхъ, вышелъ изъ-за стола и усѣлся за народомъ въ дальній уголъ.

Малаго Катихизиса не оказалось дома у Александра, зато оказались дома, никому не отданы „Поморскіе Отвѣты“, и онъ принесъ ихъ на бесѣду. Въ Поморскихъ Отвѣтахъ все вѣрно! Какъ въ Евангеліи! Вотъ книга,—говорилъ Александръ,—тутъ вся наша защита. Тутъ все вѣрно, нѣтъ ни одного слова лживаго...

— Смотри, не скажи лишняго. Мы знаемъ, что „Поморскіе Отвѣты“ сочинилъ поморянинъ Андрей Денисовъ,—не великъ святъ мужъ, какъ мнѣ про него говорилъ даже изъ вашихъ одинъ; а ты увѣряешь, что въ его книгѣ нѣтъ ни одного слова неправильнаго.

— Какъ въ Евангеліи, такъ и тутъ—въ Поморскихъ Отвѣтахъ все вѣрно!..

— Вотъ какъ! Вотъ до чего договорились! Книгу простого человѣка сравняли съ богодухновенной книгой святыхъ апостоловъ и евангелистовъ! Для насъ же нѣтъ книги, равной святому Писанію. Ты говоришь, что въ Поморскихъ Отвѣтахъ все, какъ въ Евангеліи, вѣрно. Но вотъ тебѣ одинъ для примѣра вопросъ. Въ Поморскихъ Отвѣтахъ (въ 104) говорится, что и безъ причащенія тѣла и крови Христовы можно спастись, а въ Евангеліи (въ 23 зач. отъ Іоанна) сказано, что безъ причащенія тѣла и крови Христовы не возможно спастись. Ты сравнилъ По-

морскіе Отвѣты съ Евангеліемъ; но что же выходитъ? Если вѣрить Евангелію, то необходимо причащаться; если вѣрить Поморскимъ, то можно обойтись и безъ причастія. Мы вѣруемъ по Евангелію, и причащаемся; вы вѣруете по Поморскимъ, и не причащаетесь... Гдѣ же правда?.. Впрочемъ, я не буду теперь спорить съ вами о томъ, все ли не все вѣрно въ вашихъ любимыхъ Отвѣтахъ,—объ этомъ долго пришлось бы говорить.. ¹⁾ Вы припесли книгу Андрея Денисова, своего защитника; я могу достать книги своихъ защитниковъ: Димитрія Ростовскаго, Теофилакта Тверскаго, Филарета Московскаго, Григорія Казанскаго, Павла Прусскаго и другихъ... Начнется чтеніе, которому не будетъ конца. Но я, ѣдучи къ вамъ, разсудилъ не знать у васъ никакихъ книгъ, кромѣ старопечатныхъ. Старопечатныя книги!—на нихъ мы должны стоять, потому что вы постоянно твердите объ этихъ книгахъ: мы вѣруемъ всему въ нихъ написанному. И вотъ теперь мы повѣряемъ вашу вѣру по этимъ книгамъ и видимъ, что во многомъ она не согласна съ этими книгами. Вспомните, что читали по книгамъ о церкви и таинствахъ: книги обвиняютъ васъ, а насъ онѣ, старыя книги, оправдываютъ въ томъ, въ чемъ вы насъ обвиняете: имя *Иисусъ* въ нихъ есть, символъ вѣры безъ слова „истиннаго“ есть... Какое еще ваше обвиненіе? Ахъ, да: зачѣмъ у насъ не двуперстіе, а троеперстіе! И началась долгая рѣчь о перстосложеніи.

III.

Старовѣръ и его книги—союзники миссіонера.

На другой день, 6 сентября, мы съ о. Александромъ, взявши по мѣшку съ книгами, ходили пѣшкомъ въ деревню Баранцево, версты за 4 отъ села. Бесѣда была здѣсь въ домѣ крестьянина Лавра, у котораго обыкновенно останавливается батюшка. Продолжалась она съ часу до десяти вечера. Изъ этой бесѣды я передамъ только нѣсколько подробностей. Первымъ пришелъ молодой, лѣтъ 25-ти,

¹⁾ Да и лучше нашего сказано уже въ „Обличеніи неправды раскольническія“ (Теофилакта) и въ „Замѣчаніяхъ на книгу Поморскихъ Отвѣтовъ“ (Павла архимандрита).

бѣлокурый, не большого роста крестьянинъ, упомянутый уже Павелъ Анаѣинъ. Онъ—мельникъ, и пришелъ прямо со своей мельницы, весь, конечно, запыленный мукой. Оказался онъ человѣкомъ довольно знакомымъ съ книгами. Покойный отецъ его, Анаѣй, былъ содержатель моленной и очень нажилъ отъ нея. Моленная по смерти отца перешла къ Павлу Анаѣеву. У него поэтому много книгъ; между прочимъ, онъ приносилъ на бесѣду старопечатную Цвѣтную Тріодь (7112 года), которую въ нужныхъ мѣстахъ я и показывалъ народу, доказывая собственной книгой старовѣра, какъ неправы старовѣры, не принимая имени „Исусъ“, молитвы Исусовой со словомъ „Боже нашъ“, наименованія Богородицы „благодатною“, и т. п. Всѣ эти наши, по мнѣнію старовѣровъ, заблужденія оказались въ очень древней книгѣ, по которой въ Баранцевской моленной служатъ и молятся. Это обстоятельство, что мнимыя Никоновы ереси паходятся въ дониконовскихъ книгахъ, сначала многимъ казалось невѣроятнымъ, и они съ большимъ недовѣріемъ внимали моимъ доказательствамъ. Но книга была на столѣ. Книга заграждала уста хотѣвшимъ спорить.

Конечно, не обходилось безъ смѣшныхъ случаевъ. Я показываю въ своемъ Канонникѣ (Петербургской печати) молитву Исусову со словомъ „Сыне Божій“,—старовѣры удивляются. Одинъ даже высказалъ предположеніе, что этой молитвѣ мы научились у нихъ, т. е. у безпоповцевъ. Когда же надъ нимъ многіе даже изъ своихъ засмѣялись, понявши всю невозможность этого предположенія, другой (именно Алексѣй, переплетчикъ) выдумалъ иное объясненіе, почему ихъ молитва оказалась въ нашемъ Канонникѣ: нарочно, говоритъ,—напечатали книгу съ этимъ словомъ для бесѣдъ съ нами!..

— Да вѣдь по всей епархіи я одинъ бесѣдую съ вами, а точно такіе же Канонники у всѣхъ священниковъ!

Алексѣй собрался провѣрить, справедливо ли это: спрощу у Иннокентіевскаго священника, есть ли у него въ Канонникѣ „Сыне Божій“.

— Спроси! да и самъ погляди хорошенько.

Разсуждали объ имени Исусъ. Я объяснилъ, что выгодаривать лучше Исусъ, чѣмъ Исусъ: „Говоримъ иногда

Иванъ, но лучше Іоаннъ; говоримъ Осипъ, но лучше Іосифъ; говоримъ Акимъ, но лучше Іоакимъ“. Но этотъ правильный, протяжный выговоръ словъ настолько неупотребителенъ въ деревняхъ, что многимъ показался очень страннымъ. Крестьянинъ Іоаннъ, котораго, конечно, всѣ зовутъ по просту Иванъ, когда услышалъ вмѣсто Акимъ—Іоакимъ, въ недоумѣніи спросилъ: Іоакимъ... Это что же, по турецки что-ль?..

Когда говорили о чтеніи 8 члена символа вѣры и я показалъ въ бывшихъ у меня подъ руками книгахъ нѣсколько мѣстъ, гдѣ въ этомъ членѣ опущено слово „истиннаго“, Павелъ Апанъинъ поддержалъ меня: У меня—ска-залъ онъ,—было рукописное Око церковное (Уставъ). Теперь его нѣтъ у меня, продалъ за 45 рублей.

— Кому же?

— Да пріѣзжали изъ Москвы покупатели древностей.

— Не дешево продалъ!

— Да,—вѣдь я знаю цѣну въ книгахъ, и иногда по-торговываю ими! А это была древняя, 16-го вѣка. Вѣдь это рѣдкость! И въ ней было написано „Вѣрую“ въ одномъ мѣстѣ безъ слова „истиннаго“, какъ нынѣ читается въ церкви, а въ другомъ съ „истиннымъ“, но безъ „Господа“.

— Слышите ли,—говорю я,—что рассказываетъ Павелъ Апанъинъ? У него была въ рукахъ книга, онъ самъ ее читалъ—и въ ней своими глазами видѣлъ Вѣрую безъ „истиннаго“; а книгъ той почти 400 лѣтъ. Не новшество, значитъ, у насъ въ церкви, а самая старая старина.

Этотъ Павелъ и при другихъ случаяхъ помогалъ мнѣ подобными же рассказами о видѣнныхъ имъ въ старыхъ книгахъ ненавистныхъ старовѣрамъ вашихъ съ ними раз-постяхъ.

Постоянные ссылки на старыя книги, которыя во всемъ оправдывали нашу церковь, очень не нравились одной старухѣ, имѣющей не малое значеніе, особенно между раскольниками. Долго она, скрѣпя сердце, слушала; наконецъ не вытерпѣла: Да что же ты?—привезъ наши книги, да насъ же и учишь!—ты намъ покажи свою вѣру по Розыску и Обличенію!

— Вотъ то-то и удивительно,—отвѣчаю ей,—что ваши же книги, да свидѣлствуютъ противъ васъ. Если бъ я

тебѣ сталъ говорить отъ новыхъ церковныхъ книгъ, ты бы могла не повѣрить; теперь же, когда говорю отъ старыхъ книгъ, ты не можешь ничего сказать противъ ихъ показаній. Сами старыя книги обличаютъ старовѣровъ въ томъ, что они неправо отдѣлились отъ церкви. А о Розыскѣ и Обличеніи ты напрасно сказала, чтобы по нимъ я показалъ тебѣ нашу вѣру. Въ этихъ книгахъ только оправданіе нашей церкви противъ вашихъ старовѣрскихъ обвиненій на нее; а самая наша вѣра не въ этихъ книгахъ, а въ тѣхъ, которыя читаются въ храмахъ Божіихъ, за службами, т.е. въ Евангеліи, Апостолѣ и вообще въ Библии, въ Тріодяхъ и Минеяхъ, въ Требникѣ и Служебникахъ,—вотъ гдѣ наша вѣра! Эту вѣру нашу вы хулите,—говорите, что въ ней и то не хорошо, и это не хорошо. Вотъ въ тѣхъ книгахъ, которыя ты, старушка, назвала,—въ Розыскѣ, въ Обличеніи, и разбираются ваши обвиненія на насъ. Книгъ этихъ со мной нѣтъ теперь; но я, пожалуй, привезу ихъ, когда пріѣду другой разъ къ вамъ во Флоровщину бесѣдовать. А вы хорошенько поразсмотрите свои книги: въ нихъ найдете и то, что вамъ такъ не нравится въ нашихъ новыхъ книгахъ. Тогда и пужно будетъ вамъ или осудить свои старыя книги, или же, признавая старыя вѣрными, оправдать и наши, новыя,—а потомъ ходить и въ церковь, гдѣ служба совершается по этимъ книгамъ.

IV.

„Щепоти боюсь“.

— Сейчасъ бы пошла въ церковь! все бы ничего, да „щепоти“ боюсь!.. Кабы не эта щепоть, пошла бы въ церковь!—не одинъ разъ, перебивая наши рѣчи, выкрикивала Глиkerія, жена того Ивана, которому показалось, что я умѣю говорить по-турецки, потому что сумѣлъ выговорить „Іоакимъ“ вмѣсто „Акимъ“. Понятно, что пришлось говорить о перстосложеніи, о двуперстіи и троеперстіи. Говорили очень долго. Опять неожиданнымъ союзникомъ былъ мнѣ все тотъ же Павелъ Ананьевъ. Особенно пригодился онъ при сличеніи написаннаго въ разныхъ книгахъ о

перстосложеніи,—онъ пояснялъ народу, чѣмъ одна книга разнится отъ другой. Онъ призналъ, что въ Большомъ Катихизисѣ двѣ, одна съ другой не согласныя, статьи о перстахъ и что креститься по требованію этой книги необходимо тремя перстами, а не двумя. Онъ призналъ, что и въ Кприловой книгѣ (на л. 236) находится очень важное извѣстіе о древности троеперстія у православныхъ грековъ. Онъ внимательно выслушалъ и другія извѣстія объ этомъ перстосложеніи...

Но тутъ понадобилось ему на нѣсколько минутъ выйти изъ избы, гдѣ мы бесѣдовали. За нимъ вышли нѣсколько человѣкъ. Должно быть, они, и особенно женщины, тамъ, на улицѣ, набросились на него съ упреками, зачѣмъ онъ такъ уступчивъ въ бесѣдѣ со мной, зачѣмъ все больше соглашается и совсѣмъ мало бранится; должно быть, они успѣли пробудить въ немъ, казалось, замиравшую вражду къ церкви, потому что съ улицы пришелъ онъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ: сталъ спорить и горячиться; его же собственныя слова, какія онъ раньше при всѣхъ говорилъ, пришлось ему же напоминать и повторять. Кончили о троеперстіи.

— А все-таки троеперстіе не крестъ, а печать антихриста!—вскрикнулъ онъ не своимъ голосомъ. Я взглянулъ на него,—на немъ не было лица: бѣлый, какъ полотно, глаза не бѣгали, а прыгали, губы тряслись. Господи! не узнать человѣка! Тотъ ли это Павелъ, покладистый, тихій, самъ вразумлявшій другихъ старовѣровъ? Я сказалъ ему: „ты, Павелъ Ананьичъ, видалъ довольно старыхъ книгъ: скажи, въ какой именно вычиталъ ты это страшное слово, которымъ обозвалъ древнее православное перстосложеніе?“ Но Павелъ Ананьевъ только повторилъ еще нѣсколько разъ свою хулу, отвѣта же и не подумалъ дать на мой вопросъ: гдѣ написано, что троеперстіе есть печать антихриста?

— Смотри ты, Павелъ!—вдругъ заговорилъ почти все время молчавшій о. Александръ — отомститъ тебѣ самъ Господь за твое нестерпимое сквернословіе на Его возлюбленную невѣсту—святую церковь. Помяни ты мое слово: не сдобровать тебѣ! Будешь и на этомъ свѣтѣ наказанъ, еще раньше, чѣмъ на томъ...

Разговоръ этотъ происходилъ 6-го сентября; а въ ноябрѣ Павелъ Ананьевъ, какъ истый бракоборъ, преданный развратной жизни, подговоривъ пьяныхъ гулякъ, убилъ вмѣстѣ съ ними человѣка, который защищалъ отъ его наглыхъ приставаній свою родственницу. За это убійство онъ былъ судимъ и приговоренъ къ ссылке на Сахалинъ. И вотъ теперь Павелъ Ананьевъ уже не въ Баранцевѣ, гдѣ мы съ нимъ бесѣдовали. А слово къ нему о. Александра о наказаніи за страшныя хулы на церковь оказалось пророческимъ...

7-го сентября я уѣхалъ изъ села Флоровскаго, прощившись съ о. Александромъ. Недѣля совместной жизни сроднила насъ, и мнѣ было грустно разставаться съ нимъ. Великая забота ему со старовѣрами, которыхъ много въ его приходѣ,—несчастные бродятъ во тьмѣ и страшатся выйти на свѣтъ Божій. Господи! Ты Самъ просвѣти мысленныя очи ихъ!

СОЧИНЕНІЯ

Прот. Іоанна Полянскаго, Москов. епархіальнаго міссіонера.

(Адресъ: Москва, 3 Троицкій, 4, 3).

1. Записки міссіонера.—Бесѣды съ старообрядцами. Изд. 3, въ 14 книжкахъ:

1. Въ моленной у филипповцевъ.	— р.	20 к.
2. Единовѣріе и расколъ.	— "	10 "
3. Старовѣрскіе страхи	— "	10 "
4. "Тянетъ къ старой вѣрѣ"	— "	10 "
5. Печать антихристовъ	— "	10 "
6. Дѣдушка Евсеѣй, странническій наставникъ	— "	15 "
7. Грѣхи людскіе.	— "	10 "
8. Спасова вѣра	— "	10 "
9. Вопль безпоповца	— "	10 "
10. Главный догматъ старовѣрія	— "	10 "
11. Старинныя книги обличаютъ старовѣровъ	— "	5 "
12. Бракоборы	— "	15 "
13. Притчи о мастерѣ и инструментѣ и о ключахъ	— "	10 "
14. "Ереси" церковныя	— "	5 "
То же. Изд. 4, въ одной книгѣ	1	50 "

2. Церковныя бесѣды міссіонера или проповѣди противъ безпоповцевъ. Изд. 2, въ 6-ти книжкахъ:

1. Таинство священства	— "	10 "
2. Таинство крещенія и миропомазанія	— "	10 "
3. Таинство исповѣди	— "	10 "
4. Таинство причащенія	— "	10 "
5. О бракѣ	— "	5 "
6. Таинство елеосвященія	— "	5 "
То же. Изд. 3, въ одной книгѣ	— "	50 "
3. "Вѣчная правда" (противъ Комиссарова)	— "	15 "
4. Бесѣда о троеперстіи въ православной церкви до лѣтъ Никона патріарха. Изд. 3.	— "	20 "
5. Правда ли, что имя Спасителя должно произносить только <i>Исусъ</i> и никакъ нельзя произносить <i>Иисусъ</i> ? (Противъ Усова)	— "	30 "
6. Клевета старообрядца на о. Іоанна Кронштадтскаго	— "	7 "
7. Почему на міссіонерскихъ бесѣдахъ въ Москвѣ не позволено начетчикамъ говорить рѣчей къ народу?	— "	10 "
8. О каноническомъ достоинствѣ Стоглаваго собора.— Бесѣда съ Д. С. Варакинымъ. Изд. 2.	— "	10 "
9. Нуженъ ли единовѣрческій епископъ?	— "	10 "
10. О священническомъ титулѣ (Изъ бесѣды съ австрійцами).	— "	5 "

Протоіерей Іоаннъ Полянскій.

ЗАПИСКИ МИССИОНЕРА.

Бесѣды съ старообрядцами.

Книжка 12.

БРАКОБОРЫ.

Издание третье.

Первое издание Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ одобрено къ приобрѣтенію въ ученическія бібліотеки духовныхъ семинарій и въ бібліотеки церковныя, въ особенности въ бібліотеки тѣхъ церквей, въ приходахъ коихъ имѣются раскольники.

Цѣна 15 коп.

Книгоиздательство „Вѣрность“.

МОСКВА.

„Русская Печатня“. Садовая-Триумфальная, д. № 14.
1912.

Ум/157
Протоіерей Іоаннъ Полянскій.

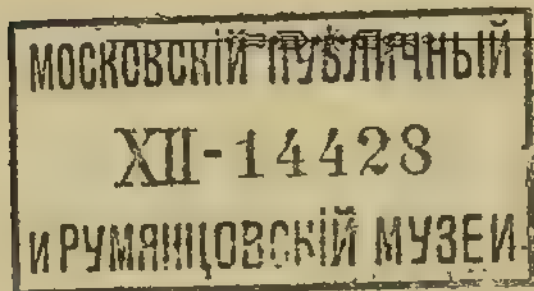
ЗАПИСКИ МИССИОНЕРА.

Книжка 12.

БРАКОБОРЫ.

Издание третье.

Первое издание Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ одобрено къ
приобрѣтенію въ ученическія библіотеки духовныхъ семинарій и въ
библіотеки церковныя, въ особенности въ библіотеки тѣхъ церквей,
въ приходахъ коихъ имѣются раскольники.

МОСКВА.

„Русская Печатня“, Садовая-Триумфальная, д. № 14.
1912.

Бракоборы.

I.

Безполощинское бракоборство и ереси, отрицающія бракъ.

Я сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и занимался (21 января 1894 г.) Прислуга доложила, что пришелъ Кирилль. Кирилль Ивановичъ Цвѣтковъ—чтець въ Филипповской молельной въ Вологдѣ. Онъ иногда бываетъ у меня,—большею частію для того, чтобы попросить для чтенія какую-нибудь старопечатную, учительную или богослужебную, книгу. Иногда при этомъ мы съ нимъ и поговоримъ о спорныхъ предметахъ, изъ-за которыхъ старообрядцы отдѣляются отъ нашей церкви. Я велѣлъ позвать его въ кабинетъ. Онъ явился не одинъ: за нимъ я увидѣлъ Луку Ивановича, крестьянина изъ деревни Шемейкина, Флоро-Лаврскаго прихода, Грязовецкаго уѣзда, моего давнишняго знакомаго. Лука Ивановичъ считается въ своей мѣстности первымъ пачетчикомъ и паставщикомъ филипповскаго согласія. Я видалъ его не разъ на собесѣдованіяхъ, гдѣ онъ постоянно занималъ первое мѣсто между филипповскими грамотеями. Я имѣю обычай—при окончаніи собесѣдованій въ какой-либо деревнѣ приглашать къ себѣ въ Вологду, если кому случится тамъ быть, желающихъ со мною побесѣдовать. Луку Ивановича тоже не разъ приглашалъ, и онъ отвѣчалъ, что при случаѣ зайдетъ. Увидавъ его у себя въ кабинетѣ, я и подумать, что наконецъ для Луки выпалъ такой удобный случай и онъ пришелъ ко мнѣ побесѣдовать.

— А, Лука Ивановичъ!—сказалъ я, вставая навстрѣчу гостямъ,—очень радъ видѣть тебя. А тебя, Кирилль Ивановичъ, благодарю, что привелъ ко мнѣ такого дорогого гостя. Прошу покорнѣйше, садитесь.—И я предложилъ имъ стулья.

— Благодаримъ на привѣтливомъ словѣ,—отвѣтилъ Лука Ивановичъ, — мы и стоимъ предъ вашей милостію.

— Садитесь, садитесь, пожалуйста, безъ церемоній. Радъ очень васъ видѣть. Садитесь.

Они наконецъ сѣли. Лука Ивановичъ объяснилъ, что, прибывши по своимъ дѣламъ на ярмарку, онъ вспомнилъ мое приглашеніе заходить побесѣдовать, „и вотъ съ Кирилломъ Ивановичемъ осмѣлились побеспокоить васъ“. Повторивъ еще разъ, что очень радъ ихъ посѣщенію, я сталъ спрашивать, какъ они тамъ проживаютъ во Флоровскомъ, здоровъ ли о. Александръ, ихъ приходскій священникъ. Лука, конечно, не много сообщилъ мнѣ о житѣ-бытѣ священника, съ которымъ не входитъ ни въ какія сношенія, по обычаю всѣхъ безпоповцевъ. Скоро, однако, разговоръ нашъ перешелъ въ собесѣдованіе о вѣрѣ.

Когда вышла изъ кабинета моя жена, которая нѣкоторое время была тамъ съ нами, онъ спросилъ: „это кто же вамъ будетъ? ужели дочь?“

— Нѣтъ, она мнѣ не дочь; вѣдь я не такой старикъ, чтобы двадцатичетырехлѣтняя женщина могла быть моею дочерью,—она дочери моей четырехлѣтней мать. Догадался теперь, кто она мнѣ доводится?

— Вотъ поневолѣ позавидуешь вамъ, что у васъ есть бракъ и можно жить съ женой. А у насъ—этого нельзя.

— Какъ нельзя? Вѣдь ты же самъ женатый? У тебя есть сыръ-женихъ и дочь, уже вышедшая замужъ.

Оказалось, что Лука овдовѣлъ недавно и не прочь бы жениться вторично. Поэтому онъ и выразилъ сожалѣніе, что не можетъ этого сдѣлать по своей вѣрѣ, — что брака у нихъ нѣтъ.

— Ты говоришь, что у васъ нѣтъ брака,—замѣтилъ я,—а откуда же у тебя взялись дѣти?

— Я былъ вѣнчанъ въ церкви, у Флора.

— Ну, и опять иди туда же.

— Нельзя! Тогда я былъ мірекимъ и числился вашимъ; а теперь, рѣшивъ я вѣнчаться, о. Александръ непременно потребуетъ отъ меня подписки объ отреченіи отъ нашей вѣры и объ обязательствѣ содержать вѣру

вашу, церковную. Но я не могу согласиться на эти условия. Придется, видно, въ одиночествѣ коротать жизнь.

— Ну, а если бы ты жилъ не теперь, а до Никона патріарха, могъ ли бы ты, овдовѣвши, жениться снова?

— Могъ бы; потому что законы церковные разрѣшаютъ мірянину второй, а по нуждѣ даже и третій бракъ.

— Это законы православной церкви?

— Православной.

— А какая же церковь запрещала второй и третій бракъ?

— Церковь еретическая; еретики, глаголемые чистые, не допускали второбрачія: объ этомъ писано въ книгѣ Кормчей ¹⁾.

— Такъ пеужели и у васъ содержится эта ересь, не позволяющая второбрачія, и ты боишься, что тебя именно за вступленіе во второй бракъ отлучать твои единовѣрцы?

— Ну, зачѣмъ вы, ваше смиреніе, говорите это? (Лука постоянно такъ титузуетъ меня). Развѣ вамъ не извѣстно, что у насъ нѣтъ не только второго, но и перваго брака?

— Какъ не извѣстно, Лука Ивановичъ! Знаю я эту вашу безбрачную вѣру. Но я желать бы знать: встарину-то, до патріарха Никона, когда, по вашему мнѣнію, въ церкви была вѣра совершенно та же самая, какая нынѣ у васъ,—тогда-то вотъ запрещалось ли вступать въ бракъ, даже въ первый бракъ, какъ нынѣ запрещается у васъ?

— Нѣтъ, не запрещалось.

— Ну, слава Богу! А я, повѣришь ли, все боялся, что вы станете Никона патріарха обвинять въ томъ, что онъ, какъ новость какую, завелъ и бракъ.

Лука пѣсколько усмѣхнулся.

— Ты чего это улыбаешься?—спросилъ я.

— Вы все шутите надъ нами!

¹⁾ Во главѣ 5, въ толкованіи 8-го правила 1-го вселенскаго собора, пишется, между прочимъ: „Сіи же глаголеміи чистіи прельщени бывше въ таковую ересь отъ Новата, презвитера римскія церкви, отъ негоже и чистіи наречени быша, того ради, понеже не приѣмлютъ покаянія обращающихся отъ грѣхъ, и второе женитися возбраняють. двоеженца же отнюдь не приѣмлюще на общеніе“...

— Нисколько не шучу. Вѣдь вы сами постоянно твердите, что вся разнища между вами и нами пошла отъ Никона. Вотъ разнища: у насъ есть бракъ, у васъ его нѣтъ; значить, по - вашему, Никонъ завелъ и бракъ. Такъ именно вы должны бы разсуждать, если правильно, что всѣ разности между нами и вами пошли отъ Никона.

— Бракъ въ православной церкви совершался отъ временъ Спасителя до лѣтъ патріарха Никона.

— Значить, не Никонъ установилъ бракъ?

— Полно вамъ!...

— А кто же?

— Кто же, какъ не Христосъ!

— Почему же у васъ, христіанъ, нѣтъ этого Христова установленія?

— У насъ священства нѣтъ; вѣнчать некому стало...

— Да! А не знаете ли вы, въ древности не было ли такихъ христіанъ, которые запрещали бракъ не только второй, какъ новатіане, а и первый, — бракъ вообще?

— Вы сами это знаете!

— Правда, знаю, и скажу, какіе это были христіане: монтаписты (иначе называемые пепузины, или фригги), манихей, маркіонитяне, мессалиане и другіе, впрочемъ, не многіе. И замѣть, что всѣхъ этихъ бракоборовъ правила повелѣваютъ крестить при переходѣ ихъ въ православную вѣру ¹⁾. И нынѣ есть такіе же еретики, запрещающіе бракъ; это—хлысты и скопцы. Очень грустно, что и вы, подобно всѣмъ этимъ еретикамъ, возбраняете вступать въ бракъ. Самъ же ты говоришь, Лука Ивановичъ, что тебѣ можно было жениться только тогда, когда числился членомъ нашей церкви; теперь же вѣра твоя не дозволяетъ брака. Вотъ и Кириллъ Ивановичъ холостой, — онъ и не женился совсѣмъ, все потому же, надобно полагать, что общія ваша вѣра не дозволяетъ ему этого. Обратите вы вниманіе на это дѣло и подумайте. Насъ вы называете никоніанами, считаете за страшныхъ еретиковъ, даже за слугъ антихристовыхъ, а себя считаете самыми православными

¹⁾ См. въ Кормчей 1-е и 47-е правила Василія Великаго во главѣ 21, и 7-е правило Лаодикійскаго собора во главѣ 10, и 95-е прав. VI всел. соб. во главѣ 17.

христіанами, у которыхъ вѣра совершенно та самая, какая была въ російской церкви до лѣтъ Никона патріарха. А вотъ при разсужденіи о бракѣ, оказалось, что у насъ ученіе о немъ то же самое, какое было до Никона въ православной церкви, а у васъ то самое, какое было только у отлученныхъ отъ церкви и проклятыхъ еретиковъ. Подумайте!

— У насъ, ваше смиреніе, нѣтъ никакого сходства съ тѣми еретиками: тѣ хулили бракъ, считали сквернымъ, бѣсовскимъ самое супружеское сожитіе; мы же считаемъ бракъ дѣломъ Божиимъ, а дозволеніе и благословеніе на брачную жизнь — великой тайной, по апостолу, рекшему: *тайна сія велика есть, азъ же глаголю во Христа и во церковь* (Ефес. V, 32). Но горе наше въ томъ, что у насъ нѣтъ священства, безъ котораго не можетъ быть законнаго, истинно христіанскаго брака. Мы бракомъ не гнушаемся, мы бы рады имѣть его; да некому у насъ стало вѣнчать, потому что, по нашему пониманію, „рука освященныхъ людей разсыпая“, и „законныхъ совершителей брака не стало“.

— Постои, постои, Лука Ивановичъ! Вы не гнушаетесь бракомъ? Вѣрно ли это? Не лучше ли тебѣ такъ сказать: мы не гнушались бы бракомъ, если бы намъ Богъ судилъ жить не теперь, а до Никона патріарха, когда было истинное священство? Или такъ: мы не гнушались бы бракомъ, если бы и въ настоящее время было истинное священство?

— Да это самое я и говорю: бракъ есть тайна, которую совершить можетъ только православный священникъ; и такимъ бракомъ, который совершаетъ православный священникъ, мы не гнушаемся.

— Но вѣдь его, священника-то православнаго, по вашей вѣрѣ, пынѣ нѣтъ! Какимъ же бракомъ въ настоящее время не гнушаетесь? Оказывается, что тѣмъ, который совершался болѣе 200 лѣтъ тому назадъ.

— Ну, да... По-нашему, извините, отъ лѣтъ патріарха Никона нѣтъ брака.

— И съ тѣхъ поръ вы бракомъ гнушаетесь не меньше тѣхъ еретиковъ. Во всякомъ случаѣ вы не можете отрицать нѣкотораго сходства своего съ ними: именно вы похожи на нихъ пеимѣніемъ брака у себя.

— Но вѣдь это случилось у насъ по нуждѣ, а не по вѣрѣ: у тѣхъ же брака не было по вѣрѣ, а не по нуждѣ.

— Однако, и у васъ, какъ у тѣхъ, нѣтъ дозволенія вступать въ бракъ?

— Это вѣрно.

— Значить, то сходство, на которое я указываю, действительно существуетъ между вами и тѣми еретиками.

— Да вѣдь по разнымъ причинамъ!

— Не отрицаю, даже вполне согласенъ съ тобой, что по разнымъ причинамъ. Это вотъ на что похоже: жида, татары, турки, идолопоклонники, безбожники — не причащаются святыхъ Христовыхъ таинъ, и вы, безпоповцы, тоже не причащаетесь. Конечно, вы не причащаетесь не потому же, почему они: они вовсе не вѣруютъ во Христа и въ Его церковь, владѣющую спасительными таинствами, потому и не причащаются; вы же во Христа вѣруете и въ церковь вѣруете, только полагаете, что нынѣ нѣтъ въ Христовой церкви (каковою признаете ваше согласіе) законныхъ совершителей таинствъ, а потому и живете и умираете безъ причастія. Понятно, что нельзя про васъ сказать: старо-вѣры не причащаются потому же, почему и жида, татары и прочіе. Это будетъ ложь; но вотъ это уже истинная правда, и сказать такъ вполне можно: старо-вѣры не причащаются точно такъ же, какъ жида, татары и прочіе. Причины-то, правда, разные, но стѣдствіе—одно. Такъ и тамъ,—въ вопросѣ о бракѣ: вы для послѣдователей своей вѣры запрещаете бракъ и предписываете безбрачіе; и тѣ, упомянутые еретики, поступали точно такъ же. Сходство есть; а причины къ отрицанію брака у тѣхъ и у васъ разные,—противъ этого не спорю.

II.

Междоусобицы раскола, какъ оправданіе церкви.

— Вы все насъ браните. Что же намъ дѣлать, если у насъ священниковъ нѣтъ? Не самимъ же заключать браки?

— Извольте, похвалю. Это у васъ хорошо, что вы, простецы, не дерзаете сами совершать браки, какъ нѣкоторые другіе безпоповцы.

— Какъ вотъ наши монастырскіе! Въ Волосатовъ-то вы бывали? Знаете ихъ?

— Знаю немного.

Волосатово—деревня Ишюкентіевскаго прихода, Грязовецкаго же уѣзда, знакомая и мнѣ и Лукѣ Ивановичу: тамъ есть даніловцы—брачные, называемые иначе монастырскими. Извѣстно, что между разными сектами старообрядцевъ идутъ безконечныя споры. Филипповецъ Лука, бывая въ Волосатовѣ, обличаетъ монастырскихъ за ихъ безсвященнословные браки.

— Я и говорю имъ, — сталъ рассказывать онъ мнѣ о своихъ спорахъ съ монастырскими, — гдѣ вы нашли въ книгахъ, что бракъ можетъ состояться и безъ священника? А они мнѣ показываютъ на Большой Катихизисъ, гдѣ пишется, что для силы брака нужна любовь жениха и невесты, и гдѣ на вопросъ: „Кто есть дѣйствительный сея тайны?“ дается отвѣтъ: „Первое убо Самъ Господь Богъ... посемъ сами брачующіися сію себѣ тайну дѣйствуютъ“... (гл. 70, л. 392).

— Ну и намъ, мнѣ да Савицу ¹⁾, когда мы осенью 1891 года были у нихъ, это же самое мѣсто въ Катихизисѣ они указывали. Любопытно слышать, что ты отвѣтилъ имъ на это.

— Я спросилъ у нихъ: бракъ тайна, или нѣтъ? Они отвѣчали: тайна. — Одна изъ семи? — Да. — И я показалъ имъ въ томъ же Катихизисѣ: „Вопросъ: кто можетъ сія тайны строить? Отвѣтъ: никтоже развѣ святителей хиротонисанныхъ, имже дана есть отъ Бога власть повелѣніемъ послѣдниковъ апостольскихъ“ (л. 358, гл. 72). Значитъ, — говорю, — любовь-то между женихомъ и невестою нужна и благословеніе родителей нужно, но сила таинства все же въ святительскомъ, или священническомъ благословеніи. Безъ священника некому совершать тайну брака, и значитъ, гдѣ нѣтъ священства, нѣтъ тамъ и брака. Да еще указалъ, что въ книгѣ Кормчей бракъ, заключенный помимо священника, называется блудническимъ союпитіемъ, грѣхомъ, незаконнымъ, паче же и беззаконнымъ ²⁾.

¹⁾ Александру Савельевичу Цвѣткову, моему помощнику по должности.

²⁾ Изъ новой заповѣди Алексія царя Комнина: „Еликоже аще безъ священныхъ молитвъ своя рабы на сочетаніе брака (господіе) совоку-

— Вѣрно ты отвѣчалъ имъ. И какъ вотъ не похвалить тебя за такой отвѣтъ? Ты въ одно слово съ нами говорилъ объ ихъ самочинномъ, безсвященнословномъ бракѣ. А случилось это потому, что отвѣтъ ты взялъ изъ Писанія, какъ и мы дѣлаемъ. Что же они отвѣчали тебѣ?

— Да что! Толкуютъ, что нужда заставила ихъ обходиться при бракѣ безъ священника, что они рады бы имѣть священника, да негдѣ его взять!

— То-есть, ты доказывать имъ, что правила церковныя требуютъ священника при совершеніи брака, а они, не споря съ тобою объ этомъ, въ оправданіе своего беззаконія, сослались на свою нужду?

— Да, да, да!

— И тебѣ это удивительно?

— Еще бы не удивительно!

— А мнѣ такъ нисколько! Не то ли же самое и всѣ вы всегда говорите, напр., о вашемъ крещеніи, о вашей исповѣди: „по правиламъ, точно, нуженъ бы священникъ, чтобы крестить и исповѣдывать, да нѣту его, по нуждѣ обойдемся и такъ,—пусть протѣцъ крестить и исповѣдуетъ! Богъ видитъ нашу нужду!“ Что вы говорите объ этихъ двухъ таинствахъ, то самое монастырскіе ваши говорятъ о таинствѣ брака.

— Что же, по-вашему, они правы, и вы ихъ объяете?

— Нисколько! Вѣдь я же только сію минуту хвалить тебя за то, что ты вѣрно доказалъ изъ Писанія этимъ брачникамъ ихъ неправоту и беззаконіе. А теперь я хочу сказать другое: какъ неправы эти брачные, старающіеся оправдать нуждою свои безсвященнословные браки, такъ же точно и всѣ вы неправы, когда нуждой оправдываете

плююще, не боголюбивъ бракъ составляютъ имі, но блудническое смѣшеніе утверждаютъ. Ихже бо не совокупи Богъ священными молитвами призываемі, тѣи вси сходятся на грѣхъ“ (гл. 43, л. 336).

Изъ статьи „О тайнѣ супружества“: „Нарядиже же да вѣсть іерей, яко супружества между восхищающимъ и восхищенною, егда сама восхищенная во власти восхитившаго ю пребываетъ такожде и по-таенныя и вся прочія супружества, яже не съ благословеніемъ церковнымъ и чиннымъ отъ своего си пастыря, сіестъ отъ епископа, или отъ тѣхъ парохій священника вѣнчаніемъ при двухъ или тріехъ поно свидѣтелей совершаемая, по соборному установленію и святыхъ отецъ учевію, незаконна, паче же беззаконнаи вичтоже суть“ (гл. 51, л. 522).

свое безъ священника крещеніе и исповѣдь,—оправданіе и у васъ одно съ монастырскими: нужда! Если вы правы въ этомъ, что не священникамъ позволяете крестить и исповѣдывать, то и они правы, безъ священника благославляя браки. Къ браку они примѣнили общія всѣмъ вамъ, безпоповцамъ, мысли о совершеніи таинствъ безъ священника — по нуждѣ, которая будто бы оправдываетъ нарушеніе прямыхъ законовъ церкви о совершеніи таинствъ только священниками. Вотъ что я хочу сказать. И если я говорю невѣрно, докажите; я послушаю.

— Да вѣдь въ Кормчей прямо сказано, что бракъ, заключенный безъ священника, есть блудническое житіе.

— Противъ этого я не спорю, но указываю вамъ совѣмъ на другое. Не вѣруя въ существованіе на землѣ въ настоящее время Христова священства, которое одно поставлено „строить тайны Божіи“, въ числѣ ихъ и бракъ, вы напрасно вычитываете брачнымъ законы объ этомъ священствѣ: они, какъ и вы, не не хотятъ, а не могутъ ихъ выполнять. Судя ихъ этими законами, вы забываете объ общей у васъ съ ними безпоповщинской вашей природѣ, возстаете на свою кровь, даже на самихъ себя. Вѣдь ихъ грѣхъ, и по вашему обвиненію, не въ томъ, что у нихъ есть бракъ, а въ томъ, что совершается онъ безъ священника. Но въ этомъ своемъ грѣхѣ они легко оправдываются противъ васъ той же самой нуждой—неимѣніемъ священства, какой и вы вмѣстѣ съ ними мечтаете оправдаться противъ церкви въ простоянскомъ вашемъ крещеніи и такой же исповѣди, и вамъ, съ вашей безпоповщинской точки зрѣнія, нечего въ сущности возразить противъ такого ихъ самооправданія.—Я не защищаю ихъ, а только хочу выяснитъ, что вы не имѣете права обвинять ихъ и что, обвиняя ихъ, вы обвиняете самихъ себя, какъ и, оправдывая себя, оправдываете ихъ. Они виноваты не противъ безпоповщины, а противъ церкви, соблюдающей всѣ законы Христовы. Она и можетъ ихъ судить, а не вы. Къ этому я прибавлю, что какъ вы, бракоборы, справедливо и согласно съ нашею церковію доказываете брачникамъ, что у христіанъ не должно быть совершаемаго брака безъ священника, такъ и они, брачники, справедливо и вполне согласно съ нашею церковію доказываютъ вамъ,

что вашъ законъ о всеобщемъ дѣвствѣ противенъ Евангелію, что бракъ нуженъ и необходимъ для цѣлаго общества вѣрующихъ, т.-е. для церкви, и что онъ пребудетъ въ ней до конца міра. Такимъ образомъ вы, споря другъ съ другомъ, хотя и врозь и по частямъ, но оправдываете не свои согласія, а нашу церковь и если свести въ одно то, что вы говорите одни противъ другихъ, то получите именно наше православное ученіе: бракъ необходимъ для церкви, будетъ вѣчно пребывать въ ней, и совершать таинство его должны не простецы, но священники.

— По-вашему, не правы ни мы, ни они, правы только вы одни?

— Да, мы правы, потому что мы согласны вполнѣ съ древнею православною церковію: а вы не правы, потому что уклонились отъ ея ученія. А если въ чемъ не уклонились отъ нея, въ томъ являетесь согласны съ нами и защищаете усердно нашу вѣру противъ своихъ же старовѣровъ. Это я перѣдко говорю на соборѣдованіяхъ, что у насъ по любому вопросу найдутся защитники изъ старовѣровъ же. Напримѣръ, истину нашего крещенія противъ покрещивающъ доказываютъ и защищаютъ поповцы и спасовцы; истину нашего ученія о вѣчности церкви и всѣхъ ея таинствъ противъ безпоповцевъ защищаютъ поповцы; истину нашего ученія о необходимости брака противъ бракоборовъ защищаютъ поповцы и брачные безпоповцы; истину того, что бракъ долженъ быть совершаемъ лицомъ священнымъ, а не простымъ, защищаютъ вмѣстѣ съ поповцами вы, филипповцы, да и вообще все бракоборы разныхъ согласій; истину того, что въ нашей церкви нѣтъ ни единой ереси защищаютъ окружники и т. д. И все это, говорю, наши защитники самые искренніе и, такъ сказать, невольные, потому что все они ненавидятъ нашу церковь, все ей враги, и однакоже защищаютъ ее, сами того не подозревая, когда, вовсе не думая про нее, взаимно обвиняютъ другъ друга. И вы, повторяю еще, правы тѣмъ, что не позволяете простецу совершать браки; но не правы тѣмъ, что у васъ совершенно нѣтъ брака. Эта ваша проповѣдь о прекращеніи брака ставитъ васъ въ противорѣчіе не съ нами только и съ брачными безпоповцами, но съ Самимъ Христомъ.

— Чѣмъ же?—спросилъ Лука Ивановичъ.

III.

Безбрачная повинность.

— А вотъ чѣмъ,—слушай. Однажды апостолы, услышавъ изъ устъ Христа, что мужъ и жена—одно тѣло и, значить, жить должны, какъ одинъ человѣкъ, неразлучно, въ совершенной любви и полномъ согласіи, и зная, какъ это трудно, воскликнули: „Господи, если такъ, лучше не жениться!“ Поймите: не осудили апостолы бракъ, а только признали трудность его для людей самолюбивыхъ, гордыхъ и властолюбивыхъ. Что же отвѣтилъ имъ Господь? Сказать ли: „не женитесь?“ „повелѣваю вамъ не жить съ жепами“? Нѣтъ; Онъ вотъ что сказать: *Не вси вмощаютъ словесе сего, но имже дано есть... Могій вмѣстити, да вмѣститъ* (Матѣ. 19, 11—12). Этотъ отвѣтъ Господа можно понять и передать такъ: „Вы думаете, что безъ жены, холостому, или вообще одинокому, легче жить, чѣмъ женатому,—по-вашему, лучше не жениться; а Я говорю: не всѣмъ дано столько силъ, чтобы жить дѣвственною жизнью, не всѣ могутъ вмѣстить, т.-е. принять и исполнить, то слово, какое вы сказали, т.-е. что лучше не жепиться. Не легка, и даже гораздо труднѣе безбрачная жизнь. Но кто можетъ, пусть не женится. Я позволяю и даже одобряю“. И апостоль Христовъ св. Павелъ пишетъ: *кто выдаетъ замужъ дочь, тотъ хорошо творитъ, а кто не выдаетъ, тотъ лучше творитъ* (I Кор. VII, 38). Такимъ образомъ и Христосъ и Его апостоль даютъ предпочтеніе безбрачію, но не съ порицаніемъ брака. И бракъ хорошъ: а безбрачіе лучше. Одно добро добрѣе другого добра, какъ золото лучше и дороже серебра. Но и золото и серебро благородные и драгоценные металлы. Не безчестіе серебру, что золото лучше его. Блаженный Теофилактъ говоритъ: „Изволеніемъ же нашимъ хотя насъ Господь дѣлаетъ добродѣтель (т.-е. желая, чтобы мы творили добродѣтель по произволенію, а не по повелѣ), глаголетъ: *могій вмѣстити да вмѣститъ*; не понуждаетъ бо дѣвствовати, ни бракъ разоряетъ, обаче же дѣвство почитаетъ“ (Благовѣстникъ, толкованіе на 78-е зач. Матѣ.). А вы какъ будто и не слыхали, что Христосъ говоритъ: *не вси вмощаютъ сло-*

весе сего, но имже дано... могій вмѣстити, да вмѣститъ. Это „слово“, т.-е. безбрачіе, вы сдѣлали, въ противность ученію Господа, для *всѣхъ* обязательнымъ закономъ, узаконили безбрачную, или дѣвственную повинность, отъ исполненія которой у васъ никто не смѣетъ и не можетъ уклониться. Есть въ государствѣ воинская повинность. Пришла до кого очередь, плачетъ, а идетъ въ солдаты. Но ваша безбрачная повинность еще тяжелѣе той, воинской, потому что той повинности подлежатъ одни мужчины, женщины свободны отъ нея, а вашей повинности подлежатъ равно оба пола—весь родъ человѣческій. Да и для мужчинъ тамъ, въ воинской повинности, льготы разныхъ разрядовъ, такъ что не всѣ граждане дѣлаются солдатами, и огромное большинство освобождается отъ военной службы; а у васъ никому никакихъ льготъ нѣтъ; всѣ безъ исключенія должны быть безбрачными! Хочешь, или не хочешь, а, по вашей вѣрѣ, каждый парень долженъ оставаться холостымъ, и каждая дѣвица вѣкъ оставаться дѣвицей,—никто не смѣетъ жениться и выходить замужъ, всѣ дѣлайтесь монахами!

— Ну, какъ насильно удержатъ человѣка? Кто захочетъ, тотъ женится и изъ нашихъ!—сказалъ Лука.

— Кто захочетъ, убѣжитъ и отъ рекрутскаго набора и даже изъ самой военной службы. Но что будетъ за это? Такъ точно и у васъ, что будетъ этому смѣльчаку за его бѣгство отъ вашей безбрачной повинности, т.-е. за бракъ? Не отлучать ли его отъ общества вашихъ христіанъ? Блудницу, у которой за разъ можетъ быть пять, или даже больше мужей, вы принимаете на покаяніе и не отлучаете отъ своей церкви, и дѣтей у ней ваши пасторы крестятъ. Тайно, говорятъ, сдѣланное тайно и судится. А женщину, которая знаетъ одного законнаго мужа и живетъ съ нимъ открыто, вы отлучаете, и дѣтей у ней не крестите, если она не разоидется съ мужемъ своимъ. По вашей вѣрѣ бракъ считается за грѣхъ, „хуже блуда и тайнаго убійства“!—Вспомни-ка Поморскую статью, за которую вы всѣ, бракоборы, такъ цѣпко держитесь.

— Вы и статьи-то наши знаете?

— А ты думалъ, что онъ секретъ! Не потому ли и говорилъ, будто вы не хулите брака? Знаемъ и Поморскія ваши статьи, и Углицкія, и о недавнемъ Московскомъ соборѣ слышали, на которомъ въ числѣ отцовъ и учителей филипповской церкви засѣдалъ и мой дорогой гость—Лука Ивановичъ Астраханцевъ... Такъ, значить, я суную правду сказалъ, когда ваше требованіе ото всѣхъ безбрачія, отъ котораго никому изъ васъ нельзя уклониться, сравнилъ съ воинской повинностью. Пожалуй, это ваше требованіе можно сравнить и съ другою повинностью, именно съ податной. Но только опять окажется, что и податная повинность легче вашей безбрачной. Въ государствѣ есть люди, и даже цѣлыя сословія, которыя освобождены отъ податей; въ вашей же церкви никто не освобожденъ отъ безбрачной повинности,—она на всѣхъ васъ падаетъ. Тамъ иногда прощаютъ недоимку; но у васъ никому и ни за что не простятъ брака! Скорѣе простятъ, да и дѣйствительно прощаютъ блудъ; но за бракъ прямо отлучаютъ отъ церкви (т.-е. отъ вашей). И никогда-то у православныхъ ничего подобнаго не было! Безбрачіе было не припудительной податью, но добровольно приносимымъ даромъ Царю небесному.

— Это авва Доросей говорить о дарѣхъ,—сказалъ Лука.

— Ну вотъ, ты и самъ знаешь; значить, я не отъ себя выдумалъ то, что говорю. По словамъ аввы Доросея, ученіе Христово раздѣляется на заповѣди и совѣты. Заповѣди исполнять обязаны всѣ люди, а совѣты могутъ исполнять лишь тѣ, кто хочетъ и кто можетъ. Не исполнилъ заповѣдь, согрѣшилъ: не исполнилъ совѣта, не согрѣшилъ. Только, если кто исполнитъ совѣтъ, тому похвала отъ Бога. Тотъ, кто исполняетъ кромѣ заповѣдей и совѣты, подобенъ богатому подданному, который своему царю не только подати, дани платитъ, но и приноситъ дары, за которые царь изалуетъ его своими наградами. Нестыжаніе и дѣвство—подобны именно дарамъ ¹⁾. Такъ ли я передаю то, что говоритъ авва Доросей?

¹⁾ Вотъ подлинное ученіе этого отца: „Отшельники и пустынники поразумѣша, яко, въ міръ суще, не удобъ могутъ исправити добродѣтель и умыслиша себѣ странное житіе, странное нѣкое пребываніе; глаголю же, монашеское житіе: и начаша бѣгати міра и жити въ пу-

— Такъ. Что говорите отъ книгъ, все вѣрно.

— Благодарю, что вѣришь. Итакъ, безбрачіе есть даръ, добровольно приносимый Богу отъ нѣкоторыхъ особенныхъ людей, отшельниковъ и подвижниковъ. А вы узаконили, чтобы безбрачіе приносили Богу не нѣкоторые только, а все люди. Теперь этотъ даръ, который прежде приносили Богу только нѣкоторые избранные люди, вы заставляете приносить всехъ, могущихъ и не могущихъ. Но какъ же я могу царю принести въ даръ миллионъ, когда у меня и подати-то не все уплачены? Или у васъ теперь все стали миллионеры, — все въ состояніи принести этотъ даръ Богу? Да и Самъ Богъ какъ будто бы уже настоячиво требуетъ теперь отъ всехъ этого дара, требуетъ обязательно, какъ дань, и казнить погибелью тѣхъ, кто не приноситъ его, тогда какъ прежде ожидалъ его только отъ „могущихъ вмѣстить“ и принималъ его отъ нихъ, какъ произвольный даръ, съ особымъ благоволеніемъ... Вѣдь вотъ до какого безразсудства вы додумались! По-вашему нынѣ, постѣ Никона, не только вѣра перемѣнилась, но и Богъ Самъ перемѣнился!

— Нѣтъ, что вы говорите! Богъ не перемѣнился.

— Какъ не перемѣнился? Вѣдь Онъ прежде православнымъ христіанамъ разрѣшалъ вступать въ бракъ, а нынѣ, по-вашему, запрещаетъ это прежде безгрѣшное и Имъ самимъ дозволенное дѣло? Выходитъ, что и Богъ перемѣнился.

— Нѣтъ, Богъ не перемѣнился; но такова уже, видно, Его воля, чтобы въ нынѣшнее горько-плачевное время не было законнаго брака.

— стыняхъ,—въ постѣхъ и низу леганіяхъ и бдѣніяхъ и въ прочемъ злостраданіи, и отреченіи всякомъ отечества и сродниковъ, имѣній же и стяжаній, и просто рещи, распяша себе мірови, и не токмо заповѣди сохраниша, но и дары принесоша Богу, и глаголю како: заповѣди Христовы всемъ христіаномъ дашася, и подлежитъ всякъ христіанинъ хранить ихъ, дани суть, якоже бы кто реклъ, царю должны. Кто убо глаголя: не дамъ даней царю, убѣгль бы муки? Суть же въ мірѣ велицы человецы, и свѣтли, иже не токмо дани даютъ царю, но и дары приносятъ ему; и сподобяются таковыи великія чести, великихъ даровъ и сановъ. Сиде убо и отцы, не токмо заповѣди сохраниша, но и дары принесоша Богу. Дары же суть дѣвство и нестяжаніе. Сія не суть заповѣди, но дарове суть: нигдѣже бо писано есть, да не поймешь жены, да не твориши дѣтей. Ниже паки даде запо-

— Но гдѣ же вы вычитали о такой волѣ Божіей? Гдѣ написано, что бракъ уставленъ на срокъ и теперь этотъ срокъ прошелъ, такъ что вы, какъ читается въ вашихъ статьяхъ, „грѣхъ ради вашихъ опоздали женитися?“

— Да вѣдь безъ священника и по-вашему не можетъ совершиться бракъ; у насъ же нѣтъ священника.

— И выходитъ, что вы „опоздали женитися?“ Былъ священникъ въ вашей церкви, да васъ не было; пришли вы со своими свадьбами, да уже священника нѣтъ! Но вѣдь священство Христово никогда не переведется; никогда, значить, изъ истинной церкви не уйдетъ священникъ, и всегда имѣющіе въ немъ пужду для брака и для всякой другой требы найдутъ его. Объ этомъ можно бы привести много свидѣтельствъ отъ старопечатныхъ книгъ; но такъ какъ у насъ рѣчь не о священствѣ, а о бракѣ, то я напомню вамъ только одно свидѣтельство изъ книги Кирилловой (гл. 77), которое должно быть вамъ знакомо: „якоже Самъ (Христосъ) никогда не умираетъ, такоже и іерейство Его по чину Мелхиседекову не престае... Престало тогда архіерейство Аароново, яко временное, возстало же Христово вѣчное“. Слышите? Несомнѣнно, что Христово священство вѣчно и пребудетъ на землѣ до второго Его пришествія: значить, никогда истинные хрістіане не останутся безъ законныхъ совершителей брака и другихъ таинствъ, и никогда не прекратится бракъ. Такъ мы сами вѣруемъ, и такъ невѣрующимъ и невѣдущимъ проповѣдуемъ.

вѣдь Христосъ: продаждь имѣнія твоя. Но егда приступи къ нему законникъ, глаголя: Учителю благій, что сотворю, да животь вѣчный наследую (Мѣ. гл. 19), отвѣща: заповѣди вѣси: не убій, не прелюбы сотвори, не укради, не лжесвидѣтельствуй на ближняго своего и прочія. Оному же рекшу, яко вся сія сохранихъ отъ юности моея, навѣдѣть, еже аще хочещи совершенъ быти, продаждь имѣнія твоя и даждь нищимъ и прочая. Се не рече: продаждь имѣнія твоя не аки заповѣдуя, но аки совѣтуя. Еже бо рещи: аще хочещи, нѣсть заповѣдуемаго, но совѣтующаго, якоже убо рекохомъ: принесомъ отцы Богу къ инымъ добродѣтелямъ и дары, дѣвство и нестяжаніе, якоже предварше рѣхомъ: распяша себе мірови“... (Первое поученіе аввы Дорофея „() отверженія міра“, при концѣ книги словъ св. Ефрема Сирина).

IV.

Дѣвство, бракъ и чадородіе.

— Вы, ваше смиреніе, напрасно привязались къ этимъ словамъ: „опоздали жениться!“ — возразилъ мнѣ Лука Ивановичъ.—Они означаютъ только, что мы живемъ не въ то время, когда можно заключать законные браки.

— Значить, у васъ со времени патріарха Никона, вотъ уже слишкомъ два столѣтія, продолжается время, когда нельзя вѣнчать браки. Два столѣтія нѣтъ браковъ; а дѣти рождались и рождаются! Какъ же это?—спросилъ я.

— Рожденіе дѣтей не во власти человѣка!—отвѣчала Лука.—Нельзя его приравнивать къ браку.

— Нѣтъ, можно; потому что бракъ уставленъ именно для дѣторожденія, для размноженія людей въ мірѣ. Еще въ раю, благословляя Адама и Еву, эту первую чету, первыхъ мужа и жену, Богъ сказалъ имъ: *раститесь и множитесь* (Быт. I, 28). Это былъ первый бракъ, и совершилъ его не священникъ, а самъ Богъ (и теперь Богъ же совершаетъ бракъ, но черезъ Своего слугу, священника). Значить, Богъ установилъ бракъ, Богъ же узаконилъ и дѣторожденіе. Чадородіе есть цѣль и слѣдствіе брака: для христіанина рожденіе и бракъ нераздѣльные понятія. Если, по-вашему, нынѣ не то уже время, чтобы христіане могли вступать въ бракъ, то уже теперь не время и дѣторожденія. И если бы было такъ, — если бы всѣ люди по совѣсти стали исполнять предписаніе вашей вѣры, тогда христіанство, еще раньше второго пришествія Христова, должно бы прекратиться, именно вслѣдствіе невозможности рожденій при безбрачїи, — вымерло бы все.

— Мудрено.

— Да я и не говорю, чтобы ваша вѣра была проста: напротивъ, даже черезъ край льется ваша бракоборная премудрость: люди для продолженія на землѣ вѣры Христовой пужны (потому что церковь Христова не можетъ же быть безнародною, безлюдною); а то, чѣмъ условливается рожденіе дѣтей, брачное сожитіе, по-вашему, не нужно! Плоды пужны, а древо, на которомъ они растутъ,

не нужно! Припомни притчу моего сотрудника Саввича. Какъ были мы у васъ въ послѣдній разъ, онъ на одной бесѣдѣ говорилъ: „Если бы вы, филипчане, да и вообще всѣ отрицатели брака, считающіе себя на иномъ положеніи, для избѣжанія грѣха, для удобства въ исполненіи вашего подвига монашескаго, не жили совмѣстно съ женищинами въ однѣхъ деревняхъ и даже въ однихъ домахъ, а жили бы раздѣльно, иноки — въ одномъ монастырѣ, а инокини — въ другомъ, какъ и подобаетъ истиннымъ монахамъ, и между ними прекратилось бы всякое общеніе, тогда не стало бы у васъ больше никакихъ паденій, ни повоженскихъ браковъ, не было бы и дѣтей, вообще ни на единую іоту не нарушалась бы ваша вѣра, что нынѣ не должно быть браковъ и чадородія; но вмѣстѣ съ этимъ давно бы, давно прекратился и вашъ христіанскій родъ и погибла бы вся ваша вѣра — погибла бы не отъ гоненія антихристова, а отъ точнаго исполненія вами вашего бракоборнаго ученія, — въ 50, много въ 60 лѣтъ, совершенно перевелась бы вся ваша филипповщина“. — Помнишь ли ты эту притчу?

— Помню. Вы съ нимъ на притчи горазды.

— А ты укажи, чѣмъ не вѣрна эта притча.

— Да вѣдь родятся же люди! И мы безъ людей никогда не останемся.

— Потому что постоянно нарушаете свою вѣру. Вотъ ты, слышно, выдать замужъ свою дочку. Это развѣ законно, по вашему?

— Да какъ ее удержишь? Сама ушла.

— Не у тебя одного, у всѣхъ бракоборовъ все самі уходятъ. Но вѣдь это одно лицемѣріе; вы только дѣлаете видъ, что не знаете о предстоящемъ бракѣ сына или дочери, а между тѣмъ давно уже все слажено между сватами. И бракъ совершается. И живете послѣ, какъ родные. Кого же вы хотите обмануть? — Людей? Но люди давно знаютъ эту вашу хитрость. Бога? — Но Господь видитъ всѣ наши помышленія, и лукавство ваше Ему вѣдомо. И забываете вы, что еще въ раю, въ лицѣ Адама и Евы, Богъ далъ всѣмъ людямъ благословеніе на брачную жизнь и что безсилеи челоуѣкъ перестроить положенныя Богомъ требованія его природы. Поэтому-то, на зло

вамъ и наперекоръ вашей вѣрѣ, у васъ есть и брачное сожитіе и чадородіе. Это сама жизнь ваша прежде насъ доказываетъ вамъ, что ученіе ваше не исполнимо.

— Грѣхи есть и у васъ.

— Позволь, позволь! Я говорю не въ осужденіе кого-либо лично, а о правилахъ и порядкахъ вашей вѣры.

V.

Инокъ и мірянинъ.

— Кстати, я не понимаю: зачѣмъ у васъ существуютъ особые иноки, если вы всѣ на иноческомъ положеніи?

— Какъ зачѣмъ? Зачѣмъ же, зачѣмъ и у васъ.

— У насъ иннокъ отличается отъ мірянина. Мірянинъ — обыкновенно женатый; иннокъ же далѣе обѣтъ безбрачія. Какъ и всякій христіанинъ, онъ до своего постриженія имѣлъ полное право жениться: но онъ не захотѣлъ воспользоваться этимъ своимъ законнымъ правомъ, отрекся отъ него и принесъ его въ жертву Богу. А ваша иннокъ? развѣ онъ по вашей вѣрѣ, по вашему филипповскому христіанству, до своего постриженія имѣлъ право и могъ жениться? Нѣтъ, такого права онъ не имѣлъ, какъ и никто изъ васъ не имѣетъ, по вашему ученію. Что же онъ принесъ въ жертву Богу? то, чего и самъ не имѣлъ? Не похоже ли это отреченіе отъ брака вашихъ иноковъ на то, какъ если бы какой пиццій, у котораго въ карманѣ всего одинъ мѣдный грошъ, вздумалъ отречься отъ тѣхъ тысячъ, какими владѣютъ богатые, и сказать бы: „Господи! я отдаю тебѣ въ даръ ихъ капиталы“? Право, похоже. Отречься можно только отъ своего и давать только то, что имѣешь. Какой былъ у него собственно иноческій обѣтъ, отличный отъ обѣтовъ прочихъ вашихъ христіанъ? Тотъ, что онъ не будетъ жить съ женой? — Да вѣдь и тѣ всѣ обязаны и обречены къ безбрачію съ самаго своего крещенія. Для всѣхъ васъ, бракоборныхъ старообрядцевъ, крещеніе ваше есть вмѣстѣ и постриженіе. Вы никогда не бываете мірянами: у васъ повсемѣстно монастырь, и всѣ вы бракоборной вашей вѣрой заперты въ немъ навсегда. Въ какой же еще особыи монастырь вступаютъ при постриженіи ваши иноки? Да и для чего имъ пере-

ходить въ этотъ другой монастырь изъ перваго, когда у васъ и тамъ и здѣсь равно безбрачное общество и обще-обязательная дѣвственная жизнь и чистое, именно иноческое житіе? Вашъ инокъ и до постриженія — инокъ. Для чего же ему понадобилось еще особое иночество и это формальное постриженіе, и куколь, и параманъ?

— Да вѣдь и въ древности было постриженіе! Въ старопечатныхъ книгахъ положень особій на это чинъ.

— Но въ древности не было запрещенія брака. Чинъ постриженія положень въ томъ же Потребникѣ, въ какомъ положень и чинъ браковѣчанія. А вы одно берете, другое оставляете! Древность — не за васъ, а на васъ. И зачѣмъ вы все на нее сбиваетесь, — развѣ она вамъ мила и любя?

— Еще бы! Кому же столь мила она, какъ не намъ?

— Но если она вамъ дѣйствительно мила, тогда зачѣмъ же у васъ столько разности съ нею?

— Что у васъ точно много разности со стариной, повѣствъ много; а у насъ все по старинѣ.

— Развѣ встарину запрещали мірянамъ вступать въ бракъ, какъ нынѣ вы запрещаете?

— Да и мы не запрещаемъ!

— Значить, повашему, брачное сожитіе не есть грѣхъ? Скажи по совѣсти.

Молчить.

— А если оно грѣхъ, то всеужели вы его, грѣхъ-то, позволяете? Развѣ вы дадите благословеніе на бракъ своимъ дѣтямъ и развѣ одобрительно смотрите на наши браки?

— Мы никакаго отношенія не имѣемъ къ мірскимъ. Мы только своимъ, христіанамъ, не благословляемъ вступать въ бракъ, потому что у насъ нѣтъ священника своего, могущаго повѣнчать, и мы паходимся на иноческомъ положеніи, какъ я вамъ уже не разъ говорилъ.

VI.

Старожены и новожены.

— Да вѣдь и я тебѣ не разъ говорилъ, что хоть вы и не одобряете брака, но только больше на словахъ; а на дѣлѣ оказывается, что ваше отношеніе къ браку фальшивое. То

вы отрекаетесь всячески отъ брака и считаете его самымъ тяжкимъ грѣхомъ, то среди васъ самихъ появляются старожены и новожены. Семейная жизнь у отрпцающихъ бракъ! Вѣдь это противорѣчіе.

— Да развѣ мы ихъ хвалимъ? Развѣ позволяемъ имъ жить супружескою жизнью? Опп, по нашему, грѣшники, явно падшіе. И никакого противорѣчія нашему ученію здѣсь нѣтъ.

— Это твои слова; а вотъ посмотримъ на дѣла. Ты самъ природный филипповецъ; а между тѣмъ у тебя есть дѣти: не безъ брака же они появились на бѣломъ свѣтѣ! Дѣти твои опять природные филипповцы, т.-е. бракоборы; но дочь уже замужемъ, а сынъ собирается жениться, т.-е. вступить въ бракъ и разорить твою и свою бракоборную вѣру. Зная, что безъ брака мудрою молодымъ людямъ прожить въ цѣломудріи и въ чистотѣ, и въ то же время сами не имѣя своего брака и считая его для христіанина самымъ страшнымъ грѣхомъ, вы что дѣлаете со своими дѣтьми? Оставляете ихъ, ради отвергнутаго вами брака, съ однимъ только нашимъ церковнымъ крещеніемъ, т.-е. по-вашему разумѣнію, вовсе не крещенными, или паче оскверненными, слугами антихристовыми. Когда же они приходятъ въ возрастъ, то, будто бы секретно отъ васъ, вѣнчаются въ нашихъ церквахъ, какъ и ты былъ, говоришь, вѣнчавъ у Флора, какъ вѣнчалась тамъ же твоя дочка и какъ хочетъ вѣнчаться сынъ. Перевѣнчавшись, эти дѣти ваши живутъ, какъ никоііане (я говорю на вашемъ старовѣрскомъ языкѣ, чтобы быть больше вамъ понятнымъ). А когда, наконецъ, вы примите ихъ въ свою вѣру, перекрестивши по-своему, то берете съ нихъ слово не жить, какъ мужъ и жена, а какъ братъ и сестра: это ваши старожены! Не меньше церемоній и печали у васъ и съ новоженами. Эти — уже прямые измѣнники вашей вѣры. Какъ же! Христіане, т.-е. живущіе, какъ ты говоришь, на иноческомъ положеніи, они подумали жить брачною жизнью! Несмысленные, они не приняли въ расчетъ, что не въ то время живутъ, когда можно было жить и не на иноческомъ положеніи, когда были у христіанъ браки. Они не захотѣли распутничать, а предпочли честно и открыто жить законнымъ супружествомъ; но вы за такую

страшную ересь, за принятіе брака, отлучаете ихъ отъ церкви. Если они опять пожелаютъ быть вашими, вы ихъ принимаете, но съ непремѣннымъ требованіемъ отъ нихъ чистаго житія. И въ то же время позволяете имъ единомовное сожитіе, какъ и староженамъ. Боже мой! какое юродство эта ваша бракоборная мудрость!

Лука слушалъ и покрехтывалъ. А я продолжалъ: „И когда родится у такихъ разведенныхъ, но оставленныхъ на единомовное сожитіе, супруговъ дитя, вы его даже и въ смертной опасности не станете крестить, пока родители не произнесутъ своего не исполнимаго обѣта о чистомъ житіи. Но чѣмъ виноватъ невпный ребенокъ? Жестокосердые у васъ наставники и отцы!

— А чѣмъ же иначе заставите вы ихъ прекратить беззаконіе?

— Значитъ, казните дитя за грѣхи родителей!.. Но такого нѣтъ нигдѣ правила, чтобы у грѣшныхъ родителей не крестить дѣтей. Это — тоже выдумка вашихъ мудрецовъ. Да это и жестокость страшная: требовать, чтобы мужъ и жена развелись. Въ Благовѣстномъ Евангеліи писано: „Якоже бо не подобно есть плоть свою разсѣкати, тако и совокупленныхъ законно растерзати“ (Матѣ., гл. 19, зач. 78). А вы это неподобное дѣло и творите.

— Да вѣдь мы не считаемъ законнымъ совокупленіемъ нынѣшніе браки и потому, какъ беззаконные, и разрушаемъ ихъ.

— И замѣняете законными?

— У насъ нѣтъ брака.

— Значитъ, вы мастера только на разрушеніе, но нѣтъ васъ на созиданіе. Не такъ было въ древней церкви: тамъ, если какой бракъ былъ признаваемъ церковною властію (а не простецами безвластными, какъ у васъ) за незаконный, онъ точно былъ разрушаемъ. Но за разрушеніемъ беззаконнаго оставался бракъ законный, и имъ пользовались имѣющіе на него право. А вы всѣхъ безправными подѣлали. Св. апостолъ Павелъ пишетъ: *Аще который братъ (т.-е. христіанинъ) жену имать невѣрну (т.-е. язычницу, или вообще не христіанку), и та благоволитъ жити съ нимъ, да не оставляетъ ея. И жена, аще имать мужа*

невѣрна, и той благоволитъ жити съ нею, да не оставляетъ его. Святится бо мужъ невѣренъ о женѣ вѣрнѣ, и святится жена невѣрна о мужѣ вѣрнѣ: иначе бо чада ваша нечиста были бы, нынѣ же свята суть (1 Кор. VII, 12—14). Вотъ, апостолъ Христовъ не узаконилъ непремѣнный разводъ даже для такихъ супруговъ, изъ которыхъ одна половина вѣрная, а другая невѣрная: значить, признавалъ законнымъ ихъ бракъ. И дѣтей отъ такихъ браковъ не запретилъ крестить безъ развода ихъ родителей, не называя нечистымъ порожденіемъ, но святымъ. Совеѣмъ, значить, не повашему разсуждать и законоплагать апостолъ. А онъ о себѣ имѣлъ дерзновение сказать: *мнюся и азъ Духа Божіа имѣти* (1 Кор. VII, 40). Апостолъ не разводилъ супруговъ, соединившихся до принятія ими христіанства: а вы разводите вѣнчанныхъ въ христіанской церкви.

— Вы все не то говорите. Если въ вашъ монастырь придутъ мужъ и жена, да пожелаютъ въ немъ остаться, ужели вы не потребуете отъ нихъ развода?

— Точно, потребуемъ; мы пострижемъ ихъ, да и распредѣлимъ ихъ по разнымъ обителямъ, а не сдѣлаемъ такъ, какъ вы дѣлаете: вѣдь вы, обязуя дѣйствительныхъ супруговъ стать на иноческое положеніе, и не постригаете ихъ, и не разводите по разнымъ обителямъ, но позволяете имъ, этимъ минимъ вашимъ иноку и инокинь, жить не только въ одной деревнѣ, но и въ одномъ домѣ. Хорошо монастырь! Вы утѣшаетесь тѣмъ, что все же вы требуете отъ принимаемыхъ въ вашу вѣру супруговъ чистаго житія. И какъ легко и просто вы все порѣшили: „Холостые, не женитесь! Желатые, разведите! Постриженные и непостриженные, будьте иноками!“ Вы забыли, что истинные иноки, не только отказавшіеся отъ брачной жизни, но и дѣйствительно ведущіе цѣломудренную жизнь, весьма рѣдкое явленіе въ мірѣ. „Малыхъ (числомъ) есть, (самъ Господь) рече, исправленіе се дѣвства“, написано въ Благовѣстникъ (Матѣ. гл. 19, зач. 78). Какъ же вы требуете, чтобы все были дѣвственники?

VII.

Вѣчность брака.

— Мы вѣруемъ, что теперь на свѣтѣ не можетъ быть христіанскаго брака, и потому все должны жить безбрачно, дѣвственною жизнью.

— А мы вѣруемъ, что пока будутъ на землѣ люди, будетъ и бракъ для нихъ, и для христіанъ именно бракъ христіанскій, т.-е. благословляемый самимъ Богомъ черезъ Его священниковъ въ таинствѣ. Только на томъ свѣтѣ, когда воскреснемъ изъ мертвыхъ, прекратится бракъ, потому что тогда не будетъ въ немъ никакой нужды: въ будущей жизни, по слову Спасителя, *ни женятся, ни посягаютъ* (т.-е. не выходятъ замужъ), *но суть, яко ангели на небесахъ* (Мрк. XII, 25). Святые отцы объясняютъ намъ, почему тамъ, въ будущей жизни, не будетъ брака: потому, во-первыхъ, что и самое тѣло наше тогда измѣнится, а во-вторыхъ, потому, что тамъ не будетъ уже смерти, и люди не будутъ уменьшаться въ числѣ, а потому и не потребуется черезъ бракъ и рожденіе восполнять число умирающихъ. Вотъ когда только прекратится бракъ ¹⁾. А вы что сдѣтали? Вы хотите, чтобы люди, состоящіе изъ плоти и крови, жили какъ безплотные ангелы, чтобы люди,

1) Благовѣстникъ, Мрк. зач. 55: „Будетъ бо воскресеніе не тѣлеснѣ, но божественнѣ устроеніе житія и ангельско, понеже не хотимъ тлѣти, но присно пребывать, и сего ради бракъ погибнетъ. Нынѣ же бракъ продолженія ради родовъ бываетъ, да преемники роду составляюще не погибнемъ. Тогда же яко ангели кромѣ пріимства брачнаго сами суть и николиже умалются. Тако и возставляеми безъ брака, не умаляющесе пребываютъ“.

Лук. зач. 102: „Сынове бо вѣка сего, иже въ мірѣ семъ раждающе и раждаеми, женятся и посягаютъ. Вѣка же онаго сынове ничтоже таковаго имѣти не могутъ, ни умерти къ тому могутъ, лишени брака тамо, но ангельско и божественно житіе. Здѣ бо, понеже смерть браковъ ради, бракъ же смерти ради; тамо же, смерти упражненъ, что треба браку? Бракъ бо помощь смертву и исполненіе недостатку, а идѣже нѣсть недостатка, что требѣ полнити? Равни бо ангеломъ суть. И сынове же Божіи суть почто? Зане воскресенія сынове суть: еже глаголетъ, се есть рекъ ихъ сыны Божіи, зане ничтоже плотское въ житіи ихъ видится, но вся божественна, ни сочтанія, ни сѣмєи, ни ложєснѣ, ни въ воскресеніе“.

которымъ еще въ раю дапа заповѣдь „раститися и множитися“, прекратили продолженіе своего рода и чтобы здѣсь, на землѣ, они жили такъ, какъ будутъ жить только послѣ воскресенія изъ мертвыхъ! Ошибка вашихъ бракорешныхъ законодателей была въ томъ, что они забыли два эти обстоятельства великой важности: первое — что человѣкъ не ангелъ и живетъ не на небѣ, а на землѣ: второе — что еще не было всеобщаго воскресенія мертвыхъ, послѣ котораго, безъ всякихъ вашихъ статей и правилъ, а уже дѣйствительно по волѣ Божіей, само собою введется всеобщее безбрачіе, равно-ангельное житіе.

— Все это мы знаемъ, читывая, — сказали Лука; да вѣдь какъ же намъ заключать браки, когда у насъ священства нѣтъ? Не самимъ же, какъ монастырскимъ? Такой бракъ противенъ христіанской совѣсти.

— А новоженскій вашъ бракъ развѣ не противенъ вашей совѣсти? По моему, при вашей вѣрѣ, что нѣтъ священства, всякій бракъ будетъ противенъ совѣсти, всякій бракъ будетъ дѣйствительно грѣхомъ, потому что все, что не по совѣсти, грѣхъ. Надо увѣрять въ неодолимую отвратъ адовыхъ церковь, пойти ея и принимать отъ нея съ вѣрою христіанскій бракъ. Уже по одному вопросу о бракѣ видно, что не истинна ваша вѣра.

— Наша вѣра истинная; мы, кажется, ничего ложнаго не проповѣдуемъ, потому что проповѣдуемъ чистоту и святое цѣломудріе.

— Чистоту и святое цѣломудріе проповѣдывать дѣло хорошее. Но худо то, что вы не проповѣдуете ихъ только, но и припеволиваете къ нимъ всѣхъ, даже не способныхъ къ сохраненію чистоты и цѣломудрія. Объ этомъ уже довольно было говорено. Но, если вамъ еще не ясно, чѣмъ неистинно ваше общеобязательное безбрачіе, я готовъ еще поговорить о немъ. Вы любите, чтобы все было такъ, какъ въ древности; поэтому и будемъ сравнивать, такъ ли у васъ, какъ было у древнихъ христіанъ. Въ древности, до патріарха Никона, какъ и у насъ теперь, не все были инокъ: были и міряне православные. Были монастыри и пустыни; были деревни, села и города. Монастырь былъ православный; да и міръ былъ православный же. Было въ великомъ почтеніи дѣвство и цѣломудріе; но и супру-

жество благословенное не было въ презрѣніи: напротивъ, твердо помнилось слово апостола: *бракъ честенъ и ложе не скверно* (Евр. XIII, 4). Въ монастырѣ и въ міру была одна вѣра: ни міряне не считали монаховъ еретиками, ни монахи — мірянъ; и тѣ и другіе были чада единой матери — церкви. Такъ ли дѣйствительно было въ древности?

— Такъ.

— А у васъ нынѣ совсѣмъ не такъ: супружества, по вашему, болѣе нѣтъ, бракъ похуленъ и считается помѣхой для спасенія; брачные, т.-е. не хотящіе развестись на чистое житіе, по вашему, потеряли всякую надежду на спасеніе, и вы безъ жалости требуете отъ нихъ, чтобы они разлучились другъ отъ друга.

VIII.

Бракоборы разорили заповѣдь Божію своимъ преда- ніемъ.

— А вамъ, должно-быть, жалъ ихъ?

— Еще бы не жалъ! Я только удивляюсь, какъ вамъ-то самимъ ихъ не жалъ. Кажется, если бы звѣри могли разсуждать, и они бы назвали васъ жестокими за требованіе разрыва между мужемъ и женой. Вспоминается мнѣ: въ мартѣ 1891 г. былъ я въ Тотемскомъ уѣздѣ, въ Ромашевскомъ приходѣ, въ деревнѣ Веригинѣ; одинъ мужичокъ — эхъ, забыть, какъ его зовутъ, едва ли не Арсеній — жалуется мнѣ, что его отлучили отъ моленной за то, что у него родилась дочь. Онъ, видите, староженъ, по-вашему. Ему строго-настрого предписали ваши настоятели быть своей женѣ только братомъ по вѣрѣ, а у него не стало силы исполнить это предписаніе, и у нихъ родилась дочь, — и вотъ его отлучили. Онъ тогда новичокъ былъ въ вашей вѣрѣ; можете судить: мнѣ, православному священнику, жалуется на своихъ жестокихъ единовѣрцевъ и допытывается все отъ меня: гдѣ это писано, что грѣхъ дѣтей родить? По-вашему, нельзя нынѣ тому и христіаниномъ быть, кто сдѣлался отцомъ; думаете, что супружескія и родительскія обязанности не совмѣстимы съ христіанскими.

Но такихъ мыслей ни у кого изъ св. отцовъ не найти вамъ. Конечно, я сказалъ ему, что надо.

— Что же?

— То же, что и вамъ сейчасъ. За что вы отлучаете?

— За чадородіе.

— Да развѣ чадородіе есть грѣхъ? Св. апостолъ говоритъ о женѣ, т.-е. о замужней женицѣ: *спасется чадородія ради* (1 Тим. II, 15). А вы говорите: погубнѣтъ чадородія ради! Такъ вы во всемъ противорѣчите апостолу.

— Да вѣдь брака законнаго нѣтъ!

— Это я отъ васъ слышать не разъ. Но разсудите: если брака нѣтъ, то, значить, мужа и жены нѣтъ; а нѣтъ мужа и жены, нѣтъ и отца и матери, нѣтъ и дѣтей, нѣтъ и прочаго родства. Значить, все заповѣди Божіи, которыя касаются семейной жизни, по-вашему, на пылѣвшій вѣкъ уже не годятся. И разорили вы заповѣди Божіи изъ-за преданій вашихъ (Мате. 15, 6)! Всему строю общественной и государственной жизни основа—семья, семья же основа бракъ. А вы поколебали и разрушили это основаніе. Не даромъ же васъ и сами безпоповцы другихъ толковъ называютъ бракоборами. И вполнѣ вѣрно.

— Вы опять насъ начинаете бранить!

— Развѣ это брань? Вы покажите, что несправедливаго въ моихъ словахъ, тогда и упрекайте меня въ несправедливомъ, ошибочномъ сужденіи о васъ. Я похвалить васъ за то, что у васъ нѣтъ безвѣщностныхъ браковъ. Это и все, что у васъ есть хорошаго; а больше—ничего, т.-е. по вопросу о бракѣ. Но возмутительнѣе всего ваше мнѣніе, что супружеское сожитіе, бракъ, есть такой грѣхъ, что даже хуже блуда и тайнаго убійства.

— Опять за прежнее принимаетесь! Вѣдь ужъ объ этомъ говорили, и мы вамъ объяснили, почему у насъ браковъ нѣтъ; да вы слушать не хотите о томъ, что у насъ нѣтъ священства.

IX.

Какъ жить?

— О томъ, что священство вѣчно и не прекратится до скончанія вѣка, я вамъ, хоть и кратко, но уже сказалъ. Не о священствѣ у насъ теперь слово; вы мнѣ дайте от-

вѣтъ: какъ жить?... Бракъ, по вашему, есть грѣхъ: что же не грѣхъ?

— Цѣломудріе, чистое житіе.

— Пьянство и обжорство—грѣхъ; что же не грѣхъ?

— Вы къ чему это спрашиваете?

— Нужно мнѣ; отвѣчайте.

— Что не грѣхъ?—Умѣренность, воздержаніе.

— Воздержаніе можетъ быть или временное, или постоянное. Постоянное воздержаніе можетъ быть не во всемъ, напримѣръ, вина можно совсѣмъ не пить никогда, и лакомаго совсѣмъ не ѣсть: но отъ хлѣба и вообще отъ пищи можно отказаться на день, на два и болыше, смотря по силамъ постящагося, а жить постоянно безъ пищи нельзя. Такъ ли я говорю?

— Такъ.

— А что бы вы подумали про человѣка, который сталъ бы проповѣдывать, что даже и въ мѣру употреблять пищу и питіе есть грѣхъ и что нужно совсѣмъ не ѣсть хлѣба и воды не пить,—что тогда только можно получить спасеніе?

— Такъ никто не проповѣдуетъ!—сказали мои посѣтителѣ, не знаю, догадываясь ли еще о томъ, къ чему это я говорю.

— Ну, а если бы кто сталъ это проповѣдывать, какъ бы его назвать за такую нелѣпую и неисполнимую проповѣдь? Вѣдь, если поступать, какъ онъ учитъ, то всѣ бы съ голоду померли... Но, слава Богу, такихъ сумасбродовъ еще не слыхать.

— Ну, и толковать, значить, ничего о тѣхъ, кого и на свѣтѣ пѣть.

— Нѣтъ, потолковать-то объ нихъ не мѣшаетъ,—потому что, не обидьтесъ, вы на нихъ очень похожи.

— Это чѣмъ же?

— А вотъ чѣмъ. Какъ эти воображаемые странные учителя, желая спасти людей отъ грѣха объяденія и пьянства, предписываютъ всѣмъ совершеннѣйшій постъ, запрещаютъ даже ѣсть и пить: такъ и вы, желая спасти людей отъ разврата, предписываете всѣмъ чистое житіе, совсѣмъ запрещаете бракъ. И для огромнаго большинства людей исполнить вашу заповѣдь, запрещающую супру-

жество, нпсколько не легче, какъ исполнить и ту заповѣдь о совершенномъ воздержаніи отъ пищи и питія... Вотъ чѣмъ вы на нихъ, на этихъ странныхъ людей, похожи.

— Это опять ваша притча. Нигдѣ этого не писано!—загорячились мои гости.—И зачѣмъ говорить отъ себя? Надобно говорить отъ Писанія, а не отъ себя!

— А развѣ вамъ мало было говорено отъ Писанія? Самп то вы что отъ Писанія мнѣ сказали? — Ничего. Да и то я не вскакиваю съ мѣста отъ вашихъ доказательствъ... Ну, если притчи мои вамъ такъ не по праву, давайте разсуждать безъ нихъ. Будемъ говорить отъ Писанія. Апостоль Павелъ пишетъ: *аще ли и оженишися, не согрѣшишь еси; и аще посягнетъ дѣва, не согрѣшила есть* (I Коринѣ. VII, 28). Вотъ, апостоль только предпочитаетъ браку дѣвство за его сравнительную безпечальность (ст. 32) и безболѣзненность (ст. 28), и никому насильно навязать не хочетъ безбрачія (ст. 35). Видите, и здѣсь совершенно не по вашему разсуждать апостоль: явно, что у васъ вѣра не апостольская.

— Да тогда было, или не было священство?

— Конечно, было.

— То-то и есть!

— То-то и есть, что въ апостольской церкви было священство, и былъ бракъ; а въ вашей ни того, ни другого нѣтъ. Явно, что ваша вѣра не апостольская. По апостольскому ученію, и бракъ и безбрачіе—добро, и слѣдуя ему, христіанинъ имѣетъ полное право находиться въ какомъ ему угодно изъ этихъ двухъ состояній. Тоже самое, что проповѣдывалъ апостоль, проповѣдывали и святые отцы ¹⁾; тоже самое проповѣдуемъ и мы, хотя и грѣшные,

¹⁾ Вотъ, напримѣръ, что говоритъ св. Златоустъ, въ книгѣ Маргаритъ, въ 10 словѣ „О еже предста царица“: „Предста царица одесную тебе въ ризѣхъ позлащенныхъ. Не рече: златѣ. Внимай, и сія бо рѣчь много имать благородства разумѣнемъ. Не рече: златѣ, но созлатичнѣ. Ино есть златна риза, вся злата. Созлатична же части убо имать златы, части же брачинны. Чего ради не рече злату ризу носити невѣстѣ, но созлатну? Внимай опасно: жителство церковное глаголетъ различное, понеже бо не вси житія единого есмы, но овѣ убо дѣвство, овѣ же вдовство, овѣ же благоговѣнство проходить. Риза

но все же отцы, т.-е. Богомъ поставленные пастыри и учителя Христовой (а не какой-либо другой) церкви. Но не такъ проповѣдуютъ ваши наставники, не такъ вѣруете и вы. Наша вѣра и проповѣдь согласна съ апостольской и святоотеческой; ваша несогласна. Ужели васъ это не удивляетъ, что у тѣхъ, кого вы считаете за еретиковъ, проповѣдуется Христово, апостольское и святоотеческое ученіе, а у васъ, считающихъ себя православными, проповѣдуется ученіе не Христово, не апостольское и не святоотеческое?

— Чье же у насъ ученіе?

церковная есть жительство церковное. Понеже бо вѣдаяше Владыки нашъ, яко аще единъ путь повелѣть, мнози имутъ облѣнитися: сего ради различны повелѣ пути. Не можеша ли, рече, дѣвствомъ внити, вниди бракомъ; не можеша ли единобрачіемъ, поне второбрачіемъ; не можеша ли цѣломудріемъ, вниди милостынею, вниди постомъ. Не можеша симъ, гряди онѣмъ, гряди симъ. Сего ради не показа ризу злату, но созлатву: или брачинна есть, или багряна есть, или злата есть. Не можеша ли быти златъ, буди багрянь, буди брачинень, приѣмлю тя, точію на ризѣ. Сего ради и Павелъ рече: аще кто назидаетъ на основаніи семъ, злато, серебро, каменіе честное (1 Кор., гл. 3). Не можеша быти камень, буди злато; не можеша быти злато, буди серебро, точію во основаніи. И паки индѣ: ина слава солнцу, и ина слава лунѣ, ина слава звѣздамъ (1 Кор., гл. 15). Не можеша быти солнце, буди луна; не можеша быти луна, буди звѣзда; не можеша великая быти звѣзда, буди малая, точію на небеси. Не можеша ли быти дѣвственники, брачися съ цѣломудріемъ, точію въ церкви, точію на ризѣ, точію подъ царицею. Созлатная риза не затворяетъ путь. Изобиліе добродѣтелямъ удобно сотвори смотрѣніе цареву. Въ ризахъ позлащенныхъ одѣяна и преиспещрена. Пестрое (многообразное) есть одѣяніе. Разгни прочее реченное и узриши сіе созлатично. Здѣ бо ови иночествующе суть, ови же честно житіе живутъ, не много отъ нихъ отстающе; ови единобрачны, ови вдовствомъ цвѣтуще. Рай чесо ради? Занеже различны имать цвѣты, различна дрeвеса и мнози бисеры. И мнози звѣзды, но едино небо; многа житія, но едино существо; многа зданія, но едино основаніе; мнози цвѣты, но единъ рай; мнози храмы, но единая мати; многа чада, но единая утроба. Овъ убо тѣло, ово же око, ово же переть; но вся тоже, малое и великое и худшее. Дѣва есть корень браку. Дѣвы брачившаяся требуетъ, ибо дѣва отъ брака, дѣва корень браку. Вся сосвязуются, малыя великимъ а великая малымъ...“ Такъ о бракѣ и безбрачїи учитъ св. отецъ. Сличи, читатель, съ его ученіемъ ученіе бракоборовъ. Найдешь ли хоть малѣйшее сходство?

— Чье? Это я сейчасъ скажу. А сперва сдѣлаемъ еще сравненіе между вашимъ и апостольскимъ ученіемъ. Скажите, что нужно по вашему для избѣжанія грѣха?

— Нужно жить въ чистотѣ.

— Хорошо: но вотъ юноша, жившій доселѣ въ чистотѣ, испытываетъ тяжкіе соблазны; чѣмъ ему спастись отъ грѣха?

— Надо терпѣть, молиться и поститься.

— Таковъ вашъ судъ; но послушайте, что говоритъ объ этомъ апостолъ. Похваливъ совершенное цѣломудріе, сказавъ: *добро человеку не прикасаться жене*, онъ продолжаетъ: *блудодѣянія же ради кійждо свою жену да имать, и каяждо жена своего мужа да имать* (I Кор. VII, 1—2), т.-е. ради того, чтобы не было блудодѣянія, во избѣжаніе этого грѣха, пусть будетъ брачное сожитіе: у каждаго своя жена и у каждой—свой мужъ. И св. Златоустъ пишетъ: „бракъ соблюдаетъ юже отъ вѣры святыню, не оставляя блудницъ вшматн“ (Бес. 30 на посл. къ Евр., столб. 3078). Вотъ какой способъ нашли св. апостолы и св. отцы для спасенія, для избѣжанія блуда. Не сказали: терпите, молитесь и поститесь, какъ говорите вы; но сказали: во избѣжаніе блудодѣянія вступайте въ бракъ. Тотъ же апостолъ пишетъ: *честна женитва во всѣхъ и ложе не скверно, блудникомъ же и прелюбодѣемъ судитъ Богъ* (Евр. XIII, 4). Слышите: бракъ есть законъ, блудъ и прелюбодѣяніе—преступленіе или нарушеніе этого закона, грѣхъ. А чистота или совершенное цѣломудріе, о которомъ вы столь хлопочете, выше закона, выше естества, потому-то оно плотскаго человѣка ангелу уподобляетъ. Грѣхъ—запрещенъ: бракъ—узаконенъ: дѣвство совѣтуется, но не предписывается: вотъ разниа. А вы никакой разности не хотите признать и предписываете всѣмъ безбрачіе,—вспомните теперь давешнія наши рѣчи о безбрачнѣи повинности. И у васъ нѣтъ никакого средства для спасенія отъ блуда тому, кто не можетъ долѣе оставаться дѣтеки цѣломудреннымъ. Онъ не въ силахъ быть безъ брака: а вы, не считая брака дозволильнымъ, ввергаете его въ пропасть грѣха. Еще скажите мнѣ: что дѣлать человѣку, который сначала жилъ распутно, но потомъ пришелъ въ себя, раскаялся и хочетъ жить по-христіански? Быть

иномомъ онъ однако не можетъ: какъ же ему устроить свою жизнь?

— Надо жить цѣломудренно.

— Да вѣдь я сказалъ, что онъ не можетъ жить иномомъ, т.-е. цѣломудренно... Какъ же ему жить? Опять вѣра ваша не дастъ отвѣта. И опять даетъ отвѣтъ вѣра наша и вѣра древней церкви: если не можешь цѣломудренно жить, женись.

— Безъ священника-то какъ жениться?

— Въ той вѣрѣ, которая называетъ себя старою, должны быть священники, какъ они и встарину были. Очевидно, не старая и не прежняя у васъ вѣра. Та вѣра знала два пути жизни богоугодной: дѣвство и бракъ, и каждый изъ этихъ путей предоставляла вѣрующимъ на выборъ, никакого не узаконяла, какъ общеобязательнаго, и никакого не запрещала; запрещала она только третій путь жизни, угодный сатанѣ, — путь блуда и прелюбодѣйства. Не въ первый разъ уже я это вамъ говорю, такъ что боюсь даже наскучить повтореніемъ одного и того же. Но я еще не отвѣтилъ на вопросъ: чьимъ слѣдуетъ называть ваше ученіе о бракѣ? Правда, я показалъ, что оно не согласно ученію Христову, апостольскому и святоотеческому, и отсюда вы сами должны понять, что, значить, ваше ученіе не христіанское.

Х.

Кто запрещаетъ бракъ и законополагаетъ дѣвство?

— Какъ не христіанское?! Чье же, если не христіанское?—спросили заразъ оба мои собесѣдника.

— Опять и это вы сами должны бы знать. Но если не знаете, я скажу вамъ. Быть можетъ, слова мои покажутся тяжкими и жестокими для слышанія, но прошу вспомнить, что не виновата правда, если она кому-либо колетъ глаза. И я долженъ высказать вамъ въ глаза такую правду, — не для того, однако, чтобы выколоть и ослѣпить очи ума вашего, но чтобы освѣтить ихъ отъ тяжелой слѣпоты.

— Ужели мы слѣпы?

— Если бы не были слѣпы, то не были бы увѣрены, что ваше ученіе о бракѣ—христіанское, когда оно по всѣмъ

пунктамъ, или по всѣмъ статьямъ, противорѣчитъ ученію Христову, апостольскому и святоотеческому.

— Это вы опять насчетъ нашего ученія, что нынѣ, въ немѣшіе истиннаго священства, нѣсть истиннаго брака, и потому всѣ должны жить дѣвственною жизнью?

— Да, именно насчетъ этого ученія. На немъ сразу замѣтно рѣшительное противорѣчіе ваше съ Евангеліемъ Христовымъ. О безбрачїи Христосъ прямо сказалъ, что „не вси вмѣщаютъ словесе сего, но имже дано есть“; а вы приневоливаете всѣхъ своихъ послѣдователей къ безбрачїю. Это вамъ было вѣдь сказано. И ужели вы не разглядите до сихъ поръ, что иное говоритъ Сыръ Божій, и иное говорите вы, сынове безбрачниковъ? А св. Златоустъ свидѣтельствуешь, что постъ и дѣвство законополагаетъ, т.-е. возводитъ въ законъ, отъ котораго никто не въ правѣ уклониться,—какъ именно и есть у васъ, бракоборовъ,—что постъ и дѣвство законополагаетъ не Христосъ, но діаволь¹⁾. Вотъ не я, а вселенскій учитель св. Златоустъ объявлялъ, кто учитъ о поголовномъ и общеобязательномъ дѣвствѣ: не Христосъ, а діаволь!

— И у насъ, по вашему, его и есть ученіе?

— Судите сами. Только это не „по моему“: я привелъ вамъ слова святого Златоуста. Если у васъ не въ законъ возведено дѣвство, то на васъ слово его не падаетъ; но если въ законъ, то оно падаетъ прямо на васъ. Читаемъ и въ Апостолѣ: *Духъ же явственнѣ глаголетъ, яко въ послѣдняя времена отступятъ нѣцыи отъ вѣры, внемяюще духовомъ лестнымъ и ученіемъ бѣсовскимъ, въ лицемерїи лжесловесникъ, соизсужденныхъ своею совѣстію, возбраняющихъ женитися, удалятися отъ брашенъ, яже Богъ сотвори въ снѣденіе со благодареніемъ вѣрнымъ и познавшимъ истину. Зане всякое созданіе Божіе добро, и ничтоже отменно, со благодареніемъ приеменно: освя-*

¹⁾ Вторая бесѣда на посл. къ Филип., столб. 1867: „Ничтоже діавола сквернѣйшее. Сиче вездѣ труды неполезными своихъ си облагаетъ и растерзаетъ и не токмо натриженїи не оставляетъ получитьи, но и муцѣ повинныхъ творити вѣсть. Не точію бо проповѣдь, но и постъ сицевый и дѣвство имъ законополагаетъ, еже не точію мады лишитъ, но и веліе зло наведетъ то проходящимъ: о нихже глаголетъ (апостоль) инде: съжжени своею совѣстію“ (I Тим. 4.)

щается бо словомъ Божиимъ и молитвою (I Тим. 4, 1—4). Вотъ, и св. апостолъ Христовъ (опять нѣ я) отвѣчаетъ на тотъ же вашъ вопросъ: чье же, если не Христово, бракорборное ваше ученіе? Вы, старовѣры, часто толкуете о всемірномъ отступленіи отъ вѣры въ послѣднія времена,—по вашему, весь міръ отступитъ отъ истинной вѣры; но апостолъ имѣлъ откровеніе отъ Духа Святаго объ отступленіи не всего міра, но только нѣкоторыхъ людей. Замѣчаете разницу? Вы теперь толкуете, что церковь со всѣмъ священноначаліемъ отступила отъ вѣры, въ вѣрѣ же осталась маленькая горсть людей, именно ваше филипповское братство. Но кто суть *нѣцыи*, о которыхъ говоритъ апостолъ?—вы, какихъ-нибудь пять—десять тысячъ, или весь остальной многомилліонный православный міръ? Кого изъ этихъ двухъ сторонъ приличнѣе называть *нѣкіими*?—судите. Впрочемъ, не будемъ спорить о словѣ. Важно для насъ знать причину отступленія отъ вѣры этихъ нѣкихъ людей. *Отступятъ*, сказано, *внемлюще духовомъ лестчимъ и ученіемъ бѣсовскимъ*,—потому, что станутъ внимать духамъ лести и ученіямъ бѣсовскимъ. Вотъ виновники сего отступленія: духи лести и бѣсы. Это, конечно, главные, хотя и невидимые, виновники; но черезъ кого же они произведутъ отступленіе? кто же второстепенные его виновники, въ которыхъ будутъ дѣйствовать главные? Отвѣтъ: *лицемѣрные лжесловесники, сожженные своею совѣстію*,—значитъ, люди, говорящіе не истину, но одну только ложь, у которыхъ совѣсть сторѣла, да и сами они сожжены ею, иначе сказать—люди совершенно безсовѣстные. Что же будутъ говорить эти лицемѣры и лжесловесники? въ чемъ будетъ состоять ихъ проповѣдь?—Они будутъ *возбранять жениться*, требовать удаленія отъ брашенъ, созданныхъ Богомъ для пищи вѣрнымъ и познавшимъ истину (какъ запрещаютъ нѣкоторые, напр., картофель и мясо).

— Но развѣ апостолъ про насъ говоритъ? Св. Іоаннъ Златоустый толкуетъ это мѣсто такъ, что апостолъ предрекъ Духомъ Святымъ о манихеяхъ, егкратитахъ и маркіонистахъ, а не о насъ!

— Св. Златоустъ, дѣйствительно, прилагалъ сіи слова къ этимъ, въ его время существовавшимъ, еретикамъ,

которые проповѣдывали бракоборное ученіе ¹⁾. И св. цѣльковъ въ защиту брака противъ нападеній этихъ же еретиковъ составляла на соборахъ правила ²⁾. Но несомнѣнно, что слова апостола и эти правила лежатъ не на однихъ древнихъ еретикахъ, но и на тѣхъ, кто, по ихъ примѣру, будетъ и впредь хулить законный бракъ. Я слыхалъ отъ васъ, что нынѣ послѣднее время. Вѣдь вы это говорите?

— Говоримъ.

— Вы счетъ этому послѣднему времени ведете отъ лѣтъ Никона патріарха. Апостолъ и говоритъ, что въ послѣднія времена, т.-е., если понимать по вашему, именно теперь, послѣ патріарха Никона, нѣкоторые *отступятъ отъ вѣры, немлюще духовомъ лестчимъ и ученіемъ бѣсовскимъ, въ лицемѣріи лжесловесникъ, сожженныхъ своею совѣстію, возбраняющихъ жениться...* Кто же послѣ Никона возбраняетъ жениться? Не филипповцы ли, не едосеевцы ли, не странники ли, вообще не всѣ ли бракоборы? Апостольскій отвѣтъ очень ясенъ и не щадитъ этого ученія, потому что называетъ его бѣсовскимъ. Вотъ чѣмъ оказывается, по словамъ св. Іоанна Златоустаго и Павла апостола, ученіе о всеобщемъ дѣвствѣ, а вовсе не Христовымъ.

¹⁾ Бесѣды Апост., столб. 2460.

²⁾ Кормчая, глава 8 (собора Гангрскаго):

Пр. 1. Аще кто законный бракъ порокуетъ и вѣрну сущу жену и благочестиву и говѣйну, смѣшающуюся съ мужемъ своимъ, поречетъ, глаголя, яко сія не можетъ внити въ царствіе небесное, да будетъ проклятъ.

Пр. 4. Аще кто разсуждаетъ и не хочетъ пріяти причащенія отъ пресвитера, имуща жену законную, и глаголетъ, яко служившу тому не достойтъ отъ него причащенія пріяти, да будетъ проклятъ.

Пр. 9. Аще кто дѣвствуетъ, или воздержится, якоже се мерзокъ творя бракъ, и яко гнуса отшедъ и не доброты ради и святого дѣвственнаго пребыванія, да будетъ проклятъ.

Пр. 12. Аще которая жена оставляетъ мужа своего и отъити хочетъ, гнушающихся брака, да будетъ проклята.

СОЧИНЕНІЯ

Прот. Іоанна Полянскаго, Москов. епархіальнаго міссіонера.

(Адресъ: Москва, 3 Троицкій, 4, 3).

1. Записки міссіонера.—Весѣды съ старообрядцами. Изд. 3, въ 14 книжкахъ:

1. Въ моленной у филипповцевъ	— р.	20 к.
2. Единовѣріе и расколъ	— „	10 „
3. Старовѣрскіе страхи	— „	10 „
4. „Тянетъ къ старой вѣрѣ“	— „	10 „
5. Печать антихристовъ	— „	10 „
6. Дѣдушка Евсеѣй, странническій наставникъ	— „	15 „
7. Грѣхи людскіе	— „	10 „
8. Спасова вѣра	— „	10 „
9. Вопль безпоповца	— „	10 „
10. Главный догматъ старовѣрья	— „	10 „
11. Старинныя книги обличаютъ старовѣровъ	— „	5 „
12. Бракоборы	— „	15 „
13. Притчи о мастерѣ и инструментѣ и о ключахъ	— „	10 „
14. „Ереси“ церковныя	— „	5 „
То же. Изд. 4, въ одной книгѣ	1 „	50 „

2. Церковныя бесѣды міссіонера или проповѣди противъ безпоповцевъ. Изд. 2, въ 6-ти книжкахъ:

1. Таинство священства	— „	10 „
2. Таинство крещенія и муропомазанія	— „	10 „
3. Таинство исповѣди	— „	10 „
4. Таинство причащенія	— „	10 „
5. О бракѣ	— „	5 „
6. Таинство елеосвященія	— „	5 „
То же. Изд. 3, въ одной книгѣ	— „	50 „
3. „Вѣчная правда“ (противъ Комиссарова)	— „	15 „
4. Бесѣда о троеперстіи въ православной церкви до лѣтъ Никона патріарха. Изд. 3.	— „	20 „
5. Правда ли, что имя Спасителя должно произносить только <i>Исусъ</i> и никакъ нельзя произносить <i>Иисусъ</i> ? (Противъ Усова)	— „	30 „
6. Клевета старообрядца на о. Іоанна Кронштадтскаго	— „	7 „
7. Почему на міссіонерскихъ бесѣдахъ въ Москвѣ не позволено начетчикамъ говорить рѣчей къ народу?	— „	10 „
8. О каноническомъ достоинствѣ Стоглаваго собора.— Бесѣда съ Д. С. Варакинымъ. Изд. 2.	— „	10 „
9. Нуженъ ли единовѣрческій епископъ?	— „	10 „
10. О священническомъ титулѣ (Изъ бесѣды съ австрійцами).	— „	5 „

У 111
152

Протоіерей Іоаннъ Полянскій.

ЗАПИСКИ МИССИОНЕРА.

Бесѣды съ старообрядцами.

Книжка 13.

П Р И Т Ч И

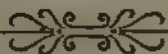
о мастерѣ и инструментѣ и о ключахъ.

Изданіе третье.

Первое изданіе Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ одобрено къ приобрѣтенію въ ученическія бібліотеки духовныхъ семинарій и въ бібліотеки церковныя, въ особенности въ бібліотеки тѣхъ церквей, въ приходахъ коихъ имѣются раскольники.

Цѣна 10 коп.

Книгоиздательство „Вѣрность“.

МОСКВА.

„Русская Печатня“. Садовая-Триумфальная, д. № 14.

1912.

7411/159
Протоіерей Іоаннъ Полянскій.

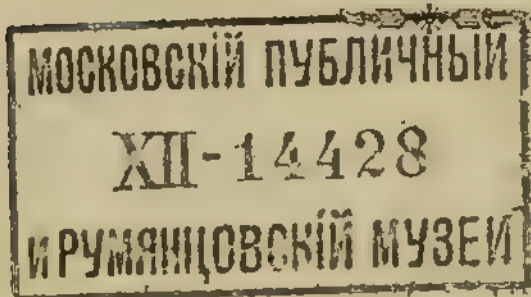
ЗАПИСКИ МИССИОНЕРА.

Книжка 13.

П Р И Т Ч И о мастерѣ и инструментѣ и о ключахъ.

Изданіе третье.

Первое изданіе Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ одобрено къ пріобрѣтенію въ ученическія бібліотеки духовныхъ семинарій и въ бібліотеки церковныя, въ особенности въ бібліотеки тѣхъ церквей, въ приходахъ коихъ имѣются раскольники.

МОСКВА.

„Русская Печатня“, Садовая-Триумфальная, д. № 14.
1912.

ПРИТЧИ

О мастерѣ и инструментѣ и о ключахъ.

I.

О священникѣ и перстосложеніи.

Когда мы покончили разговоръ о бракѣ съ бракобромъ Лукой Ивановичемъ, онъ сказалъ: Ваше смиреніе! мы бы рады имѣть не только бракъ, но и всѣ тайны. Мы не запрещали бы брака, если бы у насъ было священство. Все дѣло вѣдь въ священникѣ; а у насъ его нѣтъ!

— Помню я, Лука Ивановичъ, что когда я былъ у васъ въ Шемейкинѣ, ты на бесѣдѣ не разъ повторялъ слова: „мастера нѣтъ!“

— Говорилъ, да и теперь скажу.

— Т.-е. ты священника уподоблялъ мастеру, а таинства дѣлу мастера?

— Да. Развѣ не ладно?

— О, нѣтъ! очень даже ладно! Не ты первый такое сравненіе употребить. Святой апостолъ Павелъ говоритъ о себѣ и о другихъ апостолахъ: *такъ насъ да нещуетъ человекъ, яко слугъ Христовыхъ и строителей таинъ Божіихъ* (1 Кор. 4, 1). Строитель все равно, что мастеръ. Потому-то мнѣ и поправилось твое слово, и я его запомнилъ.

— Какъ это вы всякое слово запоминаете? Удивляетъ это насъ очень!

— Какъ запоминаю? Да вѣдь и ты, вѣроятно, запомнишь, что мы здѣсь говоримъ, а, пожалуй, сможешь кому-

нибудь и передать нашъ разговоръ. Такъ и я. Впрочемъ, не все же и я запомню, а только самыя интересныя ваши словечки, въ родѣ вотъ этого твоего: „мастера нѣту“. Я люблю ихъ: вѣдь этими мѣткими словами вы и безъ насъ сами себя побиваете.

— Какъ такъ?

— А вотъ какъ. Мастера нѣтъ, говоришь ты: ну, а матеріаль-то есть?

— Матеріаль?.. есть.

— А инструментъ?

— Это вы о крестѣ?

— Да. Вы говорите, что безъ вашего перстосложенія не можетъ совершиться никакая тайна.

— Говоримъ. Развѣ не правда?

— По-моему, не правда. А если считать и по вашему, что это правда, какая вамъ отъ этого польза? Развѣ самъ инструментъ безъ мастера можетъ что-нибудь сдѣлать?

— Не можетъ.

— Вѣрно. И бревна наготовлены, навезены къ-мѣ-сто изъ лѣсу, и топоры лежатъ острые: да плотниковъ нѣтъ,—и изба безъ плотниковъ не строится: негдѣ людямъ жить,—приходится и въ январѣ дрожать на улицѣ, подъ открытымъ небомъ. Холодно! — вѣдь вы замерзнете?—спрашиваютъ у нихъ прохожіе. Нѣтъ, отвѣчаютъ, по нуждѣ мы и безъ дома, на морозѣ проживемъ...

— Опять притча!..

— Такъ и у васъ: неизвѣстно откуда, какъ выкраденныя изъ чужого лѣса бревна,—потому что ваши дѣти родятся отъ нашихъ церковныхъ браковъ, — появляются у васъ молодые люди обоихъ половъ, женихи и невесты: значить, матеріаль для устройства дома и семьи есть. Есть и инструментъ, которымъ, по вашему, можно изъ этого матеріала построить домъ, т.-е. ваше любимое сложеніе перстовъ. Да нѣтъ строителя,—„мастера нѣтъ“,—какъ ты говоришь. И изба все сама собой, съ одними топорами, не строится. И мерзнуть и гибнуть люди на морозѣ... Ну, скажи: можно ли на морозѣ жить безъ домовъ?

— Холодно!..—проговорилъ Лука.

— И несколько не согрѣваетъ васъ ваше перстосложеніе, инструментъ-то этотъ. А нѣе, надрогнувшись на морозѣ и разсудивъ, что, пожалуй, и впрямь замерзнешь, если вѣрить, что по пуждѣ и безъ дома на морозѣ проявившись, идутъ въ нашу церковь и просятъ нашихъ мастеровъ, т. - е. священниковъ, устроить имъ домъ, — перевѣчатъ ихъ. Вотъ тутъ-то и оказывается, что все дѣло, какъ и ты говоришь, именно въ мастерѣ, а не въ инструментѣ: вашимъ ли, или своимъ, нѣсколько отличнымъ, отъ вашего, перстосложеніемъ, благословить нашъ священникъ молодыхъ, и бракъ составитъ. То обстоятельство, что инструментъ у него нѣсколько другой формы, не мѣшаетъ нашему мастеру устроить и для васъ дома. Если бы не мы, вѣдь вы бы перемерзли всѣ! Такъ, или не такъ, Лука Ивановичъ?

— У насъ, точно, своего брака нѣтъ; мы вѣнчаемся у вашего священника.

— И какъ оплачиваете за наши труды по построенію вамъ домовъ? Браните беспощадно мастеровъ, зачѣмъ они не тѣмъ, какимъ вамъ хотѣлось, инструментомъ строили вамъ дома. Какъ будто не все равно, чѣмъ бы ни строить, только бы хорошо построить?!

— Какъ вы равнодушно разсуждаете!

— Не равнодушно, а только просто: по моему, писецъ дороже бумаги и пера, и плотникъ дороже топора, а священникъ дороже перстовъ.—Надо же видѣть это различіе.

— Чѣмъ же онъ можетъ совершать таинства безъ истиннаго креста?

— По-нашему, таинства совершаетъ Самъ Богъ черезъ Своего служителя—священника; священникъ же употребляетъ такое перстосложеніе, какое дозволяетъ и одобряетъ святая церковь. Поэтому мы вѣруемъ въ одинаковую силу таинствъ, несмотря на разные виды перстосложенія, какъ въ древнія, такъ и въ наши времена. Въ перстосложеніи мы ищемъ только одного—православности соединяемой съ нимъ мысли, да еще того, дозволено ли оно церковію чтобы не оказаться виновными въ грѣхѣ непослушанія и противленія ей. У насъ есть священники, крестящіеся и благословляющіе вашимъ перстосложеніемъ, и мы ихъ не считаемъ раскольниками, но своими единовѣрцами. По

нашему, сила таинства состоитъ въ благодати Христовой, которую сообщаетъ законный совершитель таинства, а не въ перстахъ. Вы же вѣруете не въ силу Божіей благодати, а въ силу вашего перстосложенія...

— Неужели, по вашему, можетъ совершиться хоть единая тайна безъ креста?

— Развѣ я это говорю? Я говорю, что перстосложенія, какими творится крестъ, бывали и есть разныя: ты, напр., слагаешь руку двуперстно, я—троеперстно; но для того, чтобы сотворить крестное знаменіе, недостаточно одного этого сложенія перстовъ,—нужно еще, какъ повелѣвается и въ Іосифовской и въ Никоновской Псалтыряхъ,—положить руку первое на чело, второе—на животъ, третье—на правое рамо и четвертое—на лѣвое; короче сказать, нужно перекреститься, сдѣлать, или положить на себѣ крестъ.

Тутъ я перекрестился и говорю:

— Вотъ это—крестъ; а одно сложеніе перстовъ, ваше или наше, не есть крестъ. И при этомъ, когда мы крестимся, выходитъ и у меня и у тебя, несмотря на различіе нашихъ перстосложеній, одинъ и тотъ же крестъ, четверокошечный. Этотъ именно, а не иной крестъ священникъ и на себѣ кладетъ и на другихъ, когда и самъ крестится и людей благословляетъ; подъ знаменіемъ и силою этого же креста совершаются и всѣ таинства церковныя. Такъ нынѣ; такъ было и въ древности. И я самъ совершаю таинства; но никогда ни я, да и никто изъ православныхъ священниковъ и архіереевъ не обходится и не обходился при совершеніи ихъ безъ креста. Съ какой стати, Лука Ивановичъ, предположилъ ты, что я думаю, будто безъ креста можетъ совершаться хоть единая тайна? У меня и въ мысли этого не было.

Старообрядцы перѣдко спорятъ и между собою и съ православными о томъ, есть ли самое перстосложеніе крестъ. Въ Череновецкомъ уѣздѣ, Новгородской губерніи, въ Крутецкомъ приходѣ, мнѣ рассказывали такой случай. Одинъ православный ¹⁾ долго убѣждалъ своего пріятеля изъ

¹⁾ Стефанъ Смирновъ, сынъ Крутецкаго единовѣрческаго священника о. Павла, въ настоящее время (1912 г.) и самъ священникъ единовѣрческаго храма въ Михайловской Слободѣ Московской епархіи.

старообрядцевъ-пѣтовцевъ, что перстосложеніе только называется иногда въ разговорной рѣчи крестомъ,—говорять: сложили крестъ, потому что крестное знаменіе или крестъ воображается или начертывается именно этими перстами, двумя или тремя; но что само оно, перстосложеніе, не есть крестъ въ собственномъ смыслѣ и даже не имѣетъ никакого подобія креста. Онъ говорилъ: крестъ начертывается не одними перстами, но и евангеліемъ, и чашей или потиромъ (за литургіей), и кошіемъ (на проскомидіи), спицею (при муро- и елее-помазаніи), и вѣнцами (при бракѣ) и кропиломъ (при водосвятіяхъ). Если разсуждать такъ, что перстосложеніе есть крестъ, тогда придется и всѣ эти предметы, т.-е. евангеліе, чашу, кошіе и прочіе, называть тоже крестомъ.—Но старообрядецъ стоялъ на своемъ. Тогда православный сталъ спрашивать у него: если перстосложеніе есть крестъ, то носивъ ли ты на шеѣ изображеніе этого перстосложенія, ставятъ ли его на церквахъ, полагаютъ ли на престолахъ?—Но старообрядецъ все стоялъ на своемъ. Тогда находчивый человѣкъ отъ словъ перешелъ къ дѣлу. Онъ выточилъ изъ дерева правую руку съ точнымъ старообрядческимъ сложеніемъ перстовъ. Однажды, узнавъ, что къ нему идетъ его пріятель-спорищикъ, онъ убралъ съ божищны всѣ иконы и распятіе, а вмѣсто нихъ поставилъ туда свое издѣліе—ручку. Старообрядецъ вошелъ и хотѣлъ было перекреститься въ передній уголъ, но тамъ не было ни иконъ, ни креста. Онъ удивился и сказалъ хозяину: на что же у тебя молятся?—Какъ на что? молись на крестъ!—отвѣчалъ тотъ.—Да гдѣ же крестъ? ты и его куда-то съ иконами убралъ!—Какъ убралъ?—отвѣчалъ тотъ,—или ты не видишь его?—И указалъ ему на выточенную ручку съ двуперстіемъ. Вѣдь двуперстіе, по-твоему, крестъ: чего же ты не молишься передъ нимъ?—Послѣ этого старообрядецъ уже не сталъ болѣе увѣрять, что ихъ двуперстіе есть крестъ.

Лука также подъ крестомъ разумѣлъ именно свое перстосложеніе и продолжалъ утверждать, что безъ этого перстосложенія или, по его, креста не можетъ совершаться ни одно таинство.

— Смотри,—говорю,—не откажись отъ этого своего мнѣнія.

— Не беспокойтесь,—отвѣчаетъ,—не откажусь.

— Вѣдь мы съ тобой, кажется, уже согласились, что одинъ, и даже самый хорошій, инструментъ совершенно бесполезенъ, если нѣтъ мастера, который могъ бы взять его въ руки и дѣйствовать имъ. Ты говоришь, что у васъ Христово перстосложеніе, самый лучшій инструментъ. Однако, ты и самъ знаешь, что относительно пяти таинствъ изъ семи этотъ, по-твоему, крестъ не принесъ вамъ никакой пользы,—этихъ пяти таинствъ у васъ нѣтъ! всецѣльные персты не помогли вамъ!

— Да вѣдь священниковъ у насъ нѣтъ, некому совершать ихъ!..

— Значитъ, дѣло именно не въ мертвомъ инструментѣ, не въ сложеніи перстовъ, а въ живомъ мастерѣ, въ совершителѣ таинствъ. И потому вамъ бы прежде и больше всего надлежало позаботиться о мастерѣ, а потомъ уже объ инструментѣ; вы же совсѣмъ забыли думать о священствѣ и все толкуете о перстахъ.

— Какъ забыли?! Нѣсколько не забыли: а только не имѣемъ его.

II.

О необходимости священства и вѣчности церкви.

— Почему же вы не имѣете священства?

— Вамъ извѣстно наше положеніе.

— Извѣстно-то извѣстно; но совершенно не понятно. Вы говорите, что слѣдуете во всемъ старинѣ; встарину же православная церковь имѣла священство; а ваша, слѣдующая будто бы во всемъ старинѣ, не имѣетъ священства,—такъ называется и есть безпоповская!

— Мы не виноваты въ томъ, что у насъ нѣтъ священства. Вы знаете, какія времена были при Никонѣ патріархѣ.

— Знаю я эти ваши вѣчныя жалобы на гоненія и преслѣдованія, какимъ подверглись тогда зачинщики вашей вѣры. Вы говорите: при патріархѣ Никонѣ большая часть священниковъ приняла его новшества, даже всѣ почти приняли,—и черезъ это церковь перестала быть

православною; другая же часть, которая стояла за древнее благочестіе, была Никономъ и его послѣдователями замучена. Итакъ, одни отступили отъ вѣры, другіе померли; истинное православное священство перевелось и христіанство пошеволь осталось безъ него. Такъ ли вы оправдываете свое безіерархическое, безпоповское положеніе?

— Такъ. Если бы не гоненія, и мы имѣли бы священство.

— Итакъ, гоненія обездолили церковь? Теперь для меня ясно, что ваше общество не составляетъ изъ себя Христовой церкви, потому что въ истинно Христовой церкви никакимъ образомъ и никогда не прекратится священство. Объ этомъ мы уже говорили. А если повѣрить вамъ, что дѣйствительно прекратилось Христомъ установленное въ церкви Его священство, то придется признать, что перестала существовать и эта, созданная Имъ, церковь, и окажется, что неправду говорилъ истинный Богъ нашъ, когда изрекъ Свое радостное для насъ обѣтованіе: *созижду церковь мою, и врата ада не одолѣютъ ей* (Мѣ. XVI, 18). Нѣтъ,—если Онъ такъ сказалъ, то, значитъ, никакіе гонители и мучители не одолѣютъ церковь, и въ ней вѣчно будутъ и священство и всѣ семь таинствъ. Мы такъ и вѣруемъ; а вы?

— Знаемъ мы сами, что Христосъ установилъ священство и что ему подлежало бы имѣться въ нашей церкви; но что же намъ дѣлать въ нынѣшнее горько-плачевное время? По нуждѣ думаемъ обойтись и безъ священства.

— И спасетесь?

— Да.

— Значитъ, Христосъ напрасно устанавливалъ священство, если безъ него, по вашему мнѣнію, можно спаситься. И напрасно до лѣтъ Никола патріарха, болѣе полуторы тысячи лѣтъ, православная церковь совершала таинство хиротоніи, когда и безъ него, какъ оказывается, если вѣрить вамъ, вполне можно спаситься,—весь этотъ длинный рядъ патріарховъ, митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, пресвитеровъ и діаконівъ существовалъ въ ней безъ надобности. И напрасно тогда всѣ вѣровали и учили, что хиротонія необходимо должна быть въ церкви Христовой.

— Что вы? что вы? Можно ли подумать это о древле-православной церкви! Тамъ все это было необходимо.

— И только у васъ стало совершенно обходимымъ? Значить, во взглядѣ на значеніе священства ваша церковь филипповская, какъ и всякая безпоповщинская, советѣмъ не единомысленна и не единовѣрна съ истинно-древнею православною церковію: та учила, что безъ священства невозможно спастись; а ваша проповѣдуетъ, что можно и удобно спастись и безъ священства. Какъ же не сказать моего прежняго слова, что въ дѣйствительности, по убѣжденіямъ вашимъ, т.-е. по вѣрѣ, вы нисколько не походите на древнюю, до-иконовскую церковь, и потому не можете считать себя ея членами.

— Мы все, даже до іоты и черты,—все соблюдаемъ изъ преданій древней церкви.

— А рукоположеніе? тоже соблюдаете?

— Это—другое дѣло; это не вѣра!

— Какъ не вѣра?! Развѣ таинства не относятся къ вѣрѣ? А рукоположеніе развѣ не таинство? Святые отцы наши считали вѣру и рукоположеніе или священство не двумя разными дѣлами или вещами, но совершенно однимъ дѣломъ. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ въ 11-мъ правоученіи на посланіе ко Ефесянамъ: „Непщуете ли сіе довлѣти, реци ми, еже глаголати, яко православши суть? А яже рукоположенія исчезаютъ и погибаютъ?“ Въ этомъ правоученіи у святого Златоуста рѣчь идетъ о нѣкоторыхъ схизматикахъ или раскольникахъ, какъ и сказано прямо въ написаніи правоученія. Эти схизматики держались тѣхъ же самыхъ догматовъ, какіе содержатъ и святая церковь; поэтому нѣкоторые православные считали ихъ не хуже себя по вѣрѣ. У такихъ-то людей, не дѣлавшихъ различія между раскольниками и православными, и спрашиваетъ святыи отецъ: скажите мнѣ, ужели вы думаете, что для нихъ, для этихъ раскольниковъ, достаточно того, что они православные, т.-е. содержатъ тѣ же догматы, что и мы? Но вѣдь у нихъ исчезаетъ и погибаетъ таинство рукоположенія, т.-е. нѣтъ поставленія ни въ епископы, ни въ пресвитеры, ни въ діаконы,—у нихъ престала іерархія и погибаетъ таинство, въ которомъ поставляются іерархическія лица,—вѣдь они

безпоповцы! „И кая,—говорить онъ дальше,—польза есть иныхъ, сему не суицу опасну?“ т.-е. какая же польза отъ всего прочаго, если это, рукоположеніе-то, бережно не соблюдено? Значить, бесполезно и все остальное въ вѣрѣ, если нѣтъ рукоположенія. „Якоже бо за вѣру, тако и за сіе ратоватися подобаетъ“, т.-е. какъ за самую вѣру (за догматы), такъ и за таинство рукоположенія ратоватися подобаетъ. Вотъ какъ разсуждаетъ св. Златоустъ. Слѣдите же теперь ваше понятіе о священствѣ съ сего ученіемъ. Вы говорите: можно быть православными и безъ священства; а святой Златоустъ учитъ: нельзя быть православнымъ безъ священства. Вы говорите, что, соблюдая догматы вѣры, церковные обычаи и обряды, можно и безъ священства спастись; а святой Златоустъ учитъ: не достаточно для спасенія содержать только православіе, необходимо имѣть и священство. Вы говорите, что ваши предки вѣру отстояли, а только не отстояли рукоположенія; а онъ учитъ: одинаково необходимо стоять и ратовать какъ за вѣру, такъ и за сіе, т.-е. за рукоположеніе, и значить, если ваши предки не отстояли рукоположенія, то они потеряли и вѣру, потому что, по мысли св. Іоанна Златоустаго, необходимо пужно то и другое, и священство и вѣра, и раздѣлять ихъ одно отъ другого нельзя.

— Да развѣ мы не желали бы имѣть священство, если-бъ это было для насъ возможно? Мы желаемъ!

— Одного желанія недостаточно; необходимо имѣть священство въ наличности. О старшемъ чинѣ священства, о епископѣ, отъ котораго происходятъ іереи и діаконы, вотъ что говоритъ другой св. отецъ, Симеонъ Солунскій: „безъ того ниже убо христіане ¹⁾“, т.-е. даже христіанами быть не можно тѣмъ, у кого нѣтъ священства. Вотъ оно какъ дорого для православныхъ! Въ книгѣ Кормчей, въ толкованіи 55-го апостольскаго правила, сказано, что епископы по образу Христову именуются главою церковнаго тѣла, а пресвитеры и діаконы—руками. Явно, что церковь, въ которой нѣтъ священства, есть безглавая и безрукая, значить, мертвая. Это и означаютъ слова Симеона Солунскаго: „безъ епископа ниже христіане“.

¹⁾ Выписки Озерскаго, ч. 1, отд. 2, ст. 1.

— Мы и па бесѣдахъ слышали отъ васъ такое сужденіе о нашей церкви; но не признаемъ его за истинное.

— А чѣмъ доказываете, что оно не истинное?

— Да вотъ у васъ перстосложеніе и многое другое, даже безъ счета, измѣнено.

— Итакъ, наши ереси погубили ваше православіе, а наши грѣхи истребили вашу святость!.. Но пусть, по вашему, нарушили мы чистоту вѣры: гдѣ же доказательства вашей-то истинности? Развѣ не бываетъ людей, которые видятъ въ чужомъ глазу сучокъ, хотя у самихъ не сучокъ, а цѣлое бревно въ глазу (Матѣ. VII, 3)? Вамъ надобно оправдаться въ томъ, что у васъ нѣтъ священства. Я доказалъ, что безъ священства нѣтъ церкви. Безъ мастера же, и ты созпался, бесполезенъ и самый лучший инструментъ. У васъ этого мастера нѣтъ. И вотъ оказалось, что пяти таинствъ изъ семи совѣмъ у васъ нѣтъ, потому что некому совершать ихъ, — „мастера нѣтъ“, какъ ты говоришь.

— По нуждѣ довольствуемся и двумя тайнами: крещеніемъ и покаяніемъ.

— Это я и прежде слыхалъ отъ васъ, что вы очень малымъ удовлетворяетесь: вмѣсто семи Христомъ преданныхъ сохраняете только двѣ тайны. Но меня удивляетъ то, какъ же у васъ могутъ совершаться и эти двѣ тайны, когда прочія пять не совершаются, и не могутъ совершаться именнo за неимѣніемъ „мастера“. Не пойму я, какъ это пяти таинствъ нѣтъ, потому что нѣтъ мастера; а два есть, несмотря на то, что мастера нѣтъ. Какъ дѣло совершается у васъ безъ мастера, безъ священника?

— Мы знаемъ, что у насъ совершаются два таинства не священниками, а мірянами,—мы за священниковъ и не признаемъ ихъ; а совершаютъ они эти тайны по нуждѣ, за неимѣніемъ священства.

— А насъ-то вѣдь вы считаете священниками? Вы никогда не говорите, чтобы у насъ когда-либо пресѣкалась апостольская и Христова хиротонія, прерывалось таинство руковожденія, черезъ которое мы поставляемся на свои церковныя степени.

— Этого точно не видимъ за вами.

— И все же не считаете нашихъ таинствъ за таинства, потому, между прочимъ, что у насъ не то перстосложеніе? Хоть и священникъ крестить, да не такъ крещаемаго благословлять, и потому некрещенымъ остался крещенный пмъ! Такое вѣдь ваше мнѣніе?

— Не бываетъ при нашемъ крещеніи Спасова креста; а безъ него не можетъ быть никакая тайна, — повторилъ Лука свою любимую мысль.

— Но вѣдь этакъ вы разсуждаете только о насъ; а о себѣ не такъ. И вообще вы снисходительны и добры только къ себѣ, а не къ другимъ. Кто же не знаетъ, что ваши отцы ни крещаемаго, ни исповѣдуемаго ими никакъ не благословляютъ? Значить, когда они совершаютъ таинства, Христовъ или, какъ вы обыкновенно говорите, Спасовъ крестъ у нихъ остается безъ всякаго употребленія, какъ будто и нѣтъ его!

— Наши пастыри не дерзаютъ благословлять по-священнически, — они простецы.

— Скромность ихъ очень похвальна; но... убійственна для васъ. По причинѣ этой ихъ скромности ваши таинства, крещеніе и покаяніе, совершаются безъ креста, т.-е. безъ вашего двуперстія, и, значить, они — не истинныя таинства, потому что сами же вы сказали, что гдѣ не употребляется этотъ вашъ крестъ, тамъ не можетъ быть никакой тайны.

— Да вѣдь наши крестители, какъ міряне, не имѣютъ права его употреблять! Поймите это!

— Я это знаю. Но я сужу васъ вашими же словами. Если истинно и вѣрно, что безъ вашего перстосложенія не можетъ состояться ни одна тайна, то у васъ нѣтъ не только пяти, но и послѣднихъ двухъ таинствъ, т.-е. ни одной уже вовсе. Согласны ли вы съ этимъ?

— Нѣтъ, не согласны.

— А если не согласны, то, значить, вѣрите, какъ и я, что таинства могутъ совершаться и безъ употребленія вашего перстосложенія. И сила таинства дѣйствительно не въ какомъ-либо перстосложеніи, а въ благодати Божіей, какъ я и раньше говорилъ.

Но мои собесѣдники все-таки не соглашались съ такимъ яснымъ выводомъ изъ ихъ же собственнаго ученія

о значеніи перстосложенія при совершеніи таинствъ. Нимало не стѣсняясь тѣмъ, что противорѣчатъ сами себѣ, они утверждали, что ихъ крещеніе и исповѣдь имѣютъ силу таинствъ, хотя совершающіе ихъ — не священники, а простецы, и не употребляютъ при этомъ необходимо нужнаго якобы для силы таинствъ двуперстія; а наши крещеніе и исповѣдь, равно и другія таинства, не имѣютъ силы таинствъ именно потому, что совершаются хотя и священниками, но безъ ихъ двуперстія. Оказывалось, что у нихъ и безъ мастера и безъ инструмента дѣлается дѣло; а у насъ и при мастерѣ и при инструментѣ оно не можетъ дѣлаться.

Вся бѣда наша, по ихъ мнѣнію, въ томъ, что не употребляемъ „Спасова креста“, двуперстія.

— Зачѣмъ было мѣнять перстосложеніе? — допытывались они.

III.

Именословіе.

Я рѣшилъ, наконецъ, перейти къ вопросу о разныхъ видахъ перстосложеній, и заговорилъ о перстахъ. Мои гости были очень рады этому. Они, конечно, не отличались отъ всѣхъ вообще старообрядцевъ, которые ни о чемъ такъ охотно не любятъ толковать, какъ именно о перстахъ, — думаютъ, что вся ихъ вѣра держится на этомъ „крестѣ“: передвинуть, или переложить персты, по ихъ мнѣнію, значитъ перемѣнить вѣру, или, по крайней мѣрѣ, поколебать ея основаніе. „Крестъ“, т.-е. ихъ двуперстіе, есть основа и фундаментъ ихъ старой вѣры. У насъ другой видъ перстосложенія, другой и „крестъ“: значитъ, по ихъ разуму, и вѣра у насъ другая, не старая, а новая.

— Повѣримъ пока вамъ,—началъ я, — что перстосложеніе дѣйствительно было перемѣнено, что въ древней церкви было только одно ваше двуперстіе, и патріархъ Никонъ изобрѣлъ никому до сего неизвѣстныя, новыя виды перстосложенія: троеперстіе и именословіе.

— Это что же такое именословіе?

— Такъ называется перстосложеніе, которое употребляютъ для благословенія священники и архіереи. Вотъ

оно какое (и я сложилъ персты на благословеніе). Надобно вамъ хорошенько его рассмотреть, чтобы вы знали, какъ мы благословляемъ васъ при крещеніи и браковъчашахъ,—больше-то, кажется, и не приходится васъ благословлять! Иногда я слышу отъ старообрядцевъ: зачѣмъ благословляете щепотью, какъ называютъ они троеперстіе? Смотрите, похоже ли это на троеперстіе?

— Нѣтъ.

— У насъ, какъ и у васъ, три перста означаютъ Святую единосущную и нераздѣльную Троицу. Наше троеперстіе есть символъ или образъ Святыя Троицы. Если бы мы и этимъ перстосложеніемъ благословляли, никакой бы ереси въ этомъ не было: благословляютъ же нынѣ, да и въ древности благословляли, архіереи трипріемъ,—трехсвѣщникомъ, знаменующимъ трисіятельный свѣтъ единсущныхъ Троицы. Но мы благословляемъ именословнымъ перстосложеніемъ, т. е. такимъ, въ которомъ персты слагаются по подобію словъ, или буквъ, коими означаетъ имя нашего Спасителя. Смотрите: вотъ этотъ перстъ, указательный, протянуть прямо,—это буква І, а этотъ, великосредній, мало наклоненъ или согбенъ, какъ буква С, оба же перста представляютъ подобіе двухъ буквъ ІС. Такъ сокращенно пишемъ мы имя *Іисусъ*, и вы *Іесусъ*. Замѣьте, что мы, священники, слагаемъ эти два перста точно такъ же, какъ и вы, старообрядцы, и выходитъ, что и мы двуперстники...

— А три-то прочіе перста какъ слагаете, тоже по нашему?

— Первый перстъ перекладываемъ черезъ четвертый, и получается подобіе буквы Х, мизинецъ же нѣсколько сгибаемъ опять на подобіе буквы С и изъ этихъ трехъ перстовъ получается изображеніе двухъ буквъ ХС. Такъ сокращенно пишется слово *Христосъ*. Поняли ль теперь, какое великое имя изображается перстами, какъ буквами, при нашемъ благословленіи? ІС.ХС. т.е. *Іисусъ Христосъ*. Не объ этомъ ли имени еще въ ветхомъ завѣтѣ говорилъ Господь Богъ Аврааму: *и благословятся о сѣмени твоёмъ вси языцы земніи* (Быт. XII, 18)? Сѣмя Авраамово есть *Христосъ Іисусъ*, какъ св. апостолъ толкуетъ (Гал. III, 16); а о имени *Іисусовъ* всяко колѣно поклонится небес-

ныхъ и земныхъ и преисподнихъ (Филпп. II, 10). Этимъ-то преславнымъ и пресладкимъ именемъ ІС. ХС. благословляетъ священникъ, отецъ духовный, своихъ духовныхъ чадъ. А вы боятесь и бѣгаете прочь отъ сего спасительнаго имени. Чего же вы въ немъ убоялися?

— Новизны: вѣдь его не было въ древней церкви, какъ и троеперстія!

Разсказывалъ мой (бывшій) помощникъ Александръ Савельичъ Цвѣтковъ вотъ какой случай боязни раскольниковъ передъ этимъ перстосложеніемъ. У одного безпоповца, его хорошаго знакомаго, было Евангеліе временъ патріарха Гермогена. А. С. и самъ въ то время былъ еще безпоповцемъ, но уже началъ сознавать заблужденія своей секты и размышлять о существованіи гдѣ-либо церкви въ такомъ устройствѣ, какое ей далъ ея основатель Господь Іисусъ Христосъ, т.-е. съ полнотою седми таинствъ. Страхъ передъ перстами у него уже прошелъ. Онъ уже нѣсколько разъ съѣздивъ къ тому времени въ Москву, гдѣ въ библіотекахъ и соборахъ разсматривалъ древнія иконы и книги, поэтому уже зналъ, что, напр., въ Гермогеновскомъ Евангеліи есть и *и̑сꙋсъ* (Іисусъ) и именословное перстосложеніе, и что, значить, не Никонъ выдумалъ эти на самомъ дѣлѣ древнѣйшія изображенія имени нашего Спасителя и буквами, и красками, и живыми перстами. Однажды онъ и завелъ съ этимъ своимъ знакомымъ рѣчь объ именословномъ перстосложеніи. Сначала, чтобы не напугать его слишкомъ, высказалъ, что онъ слыхалъ отъ вѣрныхъ людей, будто это перстосложеніе было въ православной русской церкви и до Никона патріарха. Тотъ съ негодованіемъ отнесся къ этимъ пустымъ, по его мнѣнію, слухамъ: „мало ли, чего не наврутъ никоніане!“ Тогда А. С. указалъ ему въ его же собственномъ древнемъ Гермогеновскомъ, не Никоновскомъ, Евангеліи изображеніе святого апостола и евангелиста Іоанна Богослова, гдѣ онъ представленъ благословляющимъ своего ученика Прохора именословно,—персты явственно сложены такъ же, какъ нынѣ слагаютъ ихъ священники на благословеніе. Владѣлецъ Евангелія разохался и не зналъ, что дѣлать съ древнею святою книгою. Сначала хотѣлъ даже продать ее, чтобы только избавить свои очи отъ му-

чительнаго зрѣлища будто бы еретическаго Никопова новшества въ Евангеліи православнаго патріарха, жившаго гораздо ранѣе Никона. Потомъ раздумать продавать; но долго не могъ прійти въ себя отъ страшнаго открытія, которое такъ неожиданно сдѣлалъ ему его пріятель въ его же книгѣ.

IV.

Православная новизна.

— Да развѣ всякой новизны должно бояться? По моему, нужно бояться только новизны еретической.

— Намъ всякая новизна страшна.

— Всякая ересь при своемъ появленіи новизна; но не всякая новизна есть ересь. И древняя церковь приняла много новостей, по ересью не заразилась и съ новостями осталась по-прежнему православною.

— Какъ это? Разъясните: какія это не еретическія, а православныя бываютъ новости?

Въ этомъ вопросѣ ясно слышалась насмѣшка надъ моею мыслию, что не всякая новизна есть ересь.

— А вотъ какія — говорю — послушай. Въ Іосифовской книгѣ О вѣрѣ, въ главѣ 16-ой (л. 137) сказано, что каноны, составляющіе Октоихъ, сирѣчь Осмогласникъ, „въ лѣто 831 первое (впервые) собраны и церквамъ всюду преданы“. Значить, введены уже послѣ VII вселенскаго собора, который былъ въ лѣто 797 г.¹⁾ Тамъ же говорится, что „по седьмомъ соборѣ составлена и книга Тріодъ Θεодоромъ Студитомъ и братомъ его Іосифомъ, епископомъ Θεσσαλονικіимъ“ (л. 136). Для насъ эти книги древнія. Но вотъ оказывается, что ихъ не было при апостолахъ, даже во времена вселенскихъ соборовъ не было, — онѣ появились уже послѣ, и, конечно, въ то время, когда появились впервые, были новостію. Но кто же скажетъ, что эта новизна еретическая? Церковь, усмотрѣвшая въ этихъ новыхъ книгахъ свое старое, изначальное ученіе, приняла ихъ, и теперь эти книги употребляются какъ въ нашихъ храмахъ, такъ и въ вашихъ молельныхъ. И мы и вы оди-

¹⁾ Этотъ именно годъ означенъ въ книгѣ О вѣрѣ, въ гл. 18, л. 168 об.

наково считаемъ ихъ православными. Вотъ тебѣ новизна и не еретическая! — Святѣйшее таинство божественнаго причащенія, бывающее на святой литургіи, нынѣ совершается большею частію по чину святого Іоанна Златоуста, десять разъ въ году по чину Василія Великаго, а въ среды и пятни Великаго поста по чину Григорія Двоеслова. Самая литургія, конечно, была въ церкви, начиная съ ея установленія на тайной вечери Господомъ Іисусомъ Христомъ; но этихъ чиновъ, какъ всякому понятно, не было до ихъ написанія названными святыми отцами, и они, эти чины, были въ свое время новостію; но кто же скажетъ, что эта новость была ересью? Точно такъ же не еретическою, но совершенно православною новостію были въ свое время и всѣ другія писанія святыхъ отцовъ и даже самихъ евангелистовъ и апостоловъ. Точно такую же новизною были и всѣ прославленные чудесами иконы и мощи святыхъ Божіихъ угодниковъ. Вы ихъ принимаете?

— Принимаемъ.

— Принимаете и Кормчую, т.-е. правила св. апостоловъ, св. отецъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ?

— Разумѣется, принимаемъ.

— Но у насъ до патріарха Іосифа не было печатной Кормчей; появленіе ея, значитъ, было новостію. Да и самыя правила, въ ней напечатанныя, всѣ были въ свое время новостію. Очень многія изъ древнихъ правилъ въ постѣдующія времена были измѣняемы и даже отмѣняемы. Иныя обычаи церковные и порядки просто сами собою перевелись, а другіе и законодательство церковное отмѣнило, или перемѣнило, какъ объ этомъ говорится въ толкованіи 11-го и 19-го правилъ собора Лаодикійскаго. Для примѣра можно указать на VI вселенскій соборъ. Онъ измѣнилъ 37-ое правило св. апостоловъ, повелѣвъ не дважды въ году, но однажды бывать собору (пр. 8), и отмѣнилъ еще слѣдующія правила: 5-е апостольское, запретивъ дозволенную имъ для епископовъ брачную жизнь (пр. 12); 10-е правило собора Анкірскаго, позволявшее пресвитерамъ и діаконамъ вступать въ бракъ уже по рукоположеніи (пр. 6); 15-е Неокесарійскаго, не позволявшее быть ни въ какомъ городѣ болѣе 7 діаконъ (пр. 16); 41-е Карфагенскаго, позволявшее въ великій четвертокъ причащаться по вку-

шеніи пищи (пр. 29); 58-е Лаодикійскаго собора, запрещающее служеніе литургіи въ домовыхъ церквахъ (пр. 31); установленный Василіемъ Великимъ возрастъ для иноческаго постриженія измѣнить съ 17 на 10 лѣтъ (пр. 40). Опъ же отмѣнилъ древній обычай писать на честныхъ иконахъ Христа въ видѣ агнца, показуемаго народу перстомъ Предтечевымъ, повелѣвъ писать самого Христа, въ человѣческомъ образѣ (пр. 82). Въ примѣръ того, что нныя правила сами собою забвенію предались, можно указать на 101-е этого же вселенскаго собора, повелѣвающее принимать св. дары непременно прямо въ руки (т.-е. тѣло Христово, какъ и нынѣ принимаютъ діаконы отъ священника и сами священники отъ архіерея) и запрещающее употреблять при этомъ златыя приѣмницы. Правило хотѣло поддержать древній способъ причащенія, шедшій отъ самого Христа. Но правило это забыто, и въ обычай вошло причащаться со лжицы, за что нѣкоторые еретики и обвиняли православную церковь, какъ о томъ писано въ Кирилловой книгѣ (л. 79). То же сказать должно и о правилѣ (14) относительно числа лѣтъ посвящаемыхъ на церковныя степени: когда оно соблюдалось во всей строгости? И потомъ, гдѣ теперь первосѣдницы (11 пр. Лаод.), діакониссы (14 пр. VI всел.), мѣста для заперцаемыхъ и оглашенныхъ (Вас. Велик. гл. 23 въ Кормчей) и многое другое? Если вѣрить, по вашему, что всякая новостъ есть ересь, тогда такихъ мнимыхъ ересей мы найдемъ безчисленное множество въ древней церкви. Но едва ли и вы согласитесь на такое обвиненіе.

— Нѣтъ, мы признаемъ церковь тѣхъ временъ вполне православною.

— Очень радъ слышать, что вы не согласны обвинять въ еретичествѣ хоть древнюю-то церковь за ея нововведенныя правила и обычай. Но вѣдь церковь „присно юнѣтъ“, и остается всегда такою же, какою была,—живою, а не мертвою церковію. Грѣхъ вашъ, старовѣрческій, въ томъ и состоитъ, что вы, языкомъ вѣруя въ церковь и читая 9-й членъ символа, на самомъ дѣлѣ убѣждены, что она давно умерла, и плачете по ней вотъ уже болѣе 200 лѣтъ. А мы вѣруемъ, что св. церковь какъ до вселенскихъ соборовъ и во времена ихъ, такъ и послѣ нихъ всегда была,

есть и будетъ истиной и безсмертной невѣстою своего жениха-Христа. Кто же лишитъ ее при Никонѣ, или кто можетъ лишитъ ее когда-либо этого ея достоинства, ея правъ на учительство и законодательство, дарованныхъ ей самимъ ея всемогущимъ женихомъ?... И если вы сами составляете соборы, издаете свои правила, которыхъ въ древности не было, значить, и вы думаете, что церковь въ настоящее время имѣетъ полное право издавать новыя, какія она найдетъ благопотребными, правила для своихъ чадъ, а чада должны покоряться ея рѣшеніямъ? Такъ, или нѣтъ?

— Такъ-то такъ, да вотъ...

— Конечно, такъ; иначе и быть не можетъ. И оказывается, что вы несправедливо обвиняете въ ереси нашу церковь за введеніе сю перстосложеній и всего прочаго, что вамъ у насъ не правится, если даже и правдой сочтемъ, что будто бы и въ самомъ дѣлѣ ничего этого не было до Никона патріарха. Надобно смотрѣть не на то, новость ли вводится, или не новость, а на то, православно, или не православно то, что вводится.

V.

Троеперстіе.

— Мы считаемъ ересью ваше троеперстіе.

— Странная это ересь! Вѣдь вы и назвать-то ее не умѣете. Въ чемъ она состоитъ? „Не тѣ два перста къ большому присоединяють (никониане), какіе мы (филипане и всѣ вообще старообрядцы): мы къ первому пригибаемъ четвертый и пятый, а они второй и третій“. Вѣдь такъ вы толкуете эту нашу мнимую ересь?

— Да.

— Подумаешь, какая въ самомъ дѣлѣ страшная ересь! Бѣдные, бѣдные два перста, — второй и третій! Не годитесь вы обозначать собою второе и третіе лицо во Святой Троицѣ! Старовѣры васъ не любятъ.

Интересное, но вмѣстѣ и крайне грустное явленіе представляютъ старообрядцы въ своихъ отношеніяхъ къ Греко-россійской церкви! Поповцы ее считаютъ пребывающею въ ереси втораго чина, безпоповцы — въ ереси перваго

чина: тѣ переходящихъ отъ нея муропомазуютъ, а эти даже перекрещиваютъ. Какая же главнѣйшая вина церкви, по причинѣ которой старообрядцы относятся къ ней такъ строго? Троеперстіе!—отвѣчаютъ согласно безчисленныя секты обѣихъ половинъ старообрядчества. „Троеперстіе—это ересь! кричатъ поповцы,—троеперстниковъ надо вновь помазывать муромъ“.—„Троеперстіе мало того, что ересь, — возражаютъ имъ безпоповцы, — оно страшнѣе аріанской, песторіанской, иконоборческой, латинской, люторской и всѣхъ прошедшихъ и будущихъ ересей,—оно—печать самого антихриста! Троеперстниковъ, да и васъ съ ними, надо вновь крестить!“ Изъ-за взгляда на троеперстіе старообрядцы такимъ образомъ не только отдѣлились отъ насъ, но и между собою враждуютъ и раздѣляются.

Что есть православіе и что есть ересь? Чистое и неповрежденное Христово ученіе—православіе; поврежденное, или извращенное человѣческимъ заблужденіемъ—ересь. Православные отличаются отъ еретиковъ именно чистотою своей вѣры, своего ученія, своихъ догматовъ. Что же неправославнаго пашли старообрядцы въ троеперстіи? Никакіе обвинители ересей не клеветали на еретиковъ, не выдумывали ихъ ересей, иначе сказать, не приписывали имъ такого ученія, какого у нихъ на самомъ дѣлѣ не было, а брали ученіе еретиковъ изъ ихъ книгъ, сличали его съ ученіемъ древней церкви и отъ Писанія доказывали его ложность. Такъ бы надлежало поступать и старообрядцамъ, если они убѣждены, что троеперстіе есть ересь, или нѣчто еще хуже, — должны были бы указать въ нашихъ книгахъ еретичество, соединяемое съ троеперстіемъ, и обвинить его священнымъ и святоотеческимъ Писаніемъ. Но они никогда такъ не поступали и поступать, кажется, не намѣрены, ибо не могутъ указать въ ученіи церкви никакого неправославія, соединяемаго съ троеперстіемъ. Самые персты, какими мы крестимся, точно такъ же, какъ и тѣ, которыми старовѣры крестятся, конечно, не ересь и не православіе, т.-е. не ученіе истинное, или ложное, но только персты, члены человѣческаго тѣла. Считая троеперстіе ересью, старовѣры выдумали какую-то ручшую, или перстную

ересь. Персты Богъ сотворилъ: поэтому матеріаль, изъ котораго сдѣлана эта икона, — я перстосложенія уподобляю иконамъ, — доброкачественъ.

Что же означаютъ слагаемые у насъ для крестнаго знаменія персты? Да то же самое, что и въ старообрядческомъ сложеніи, т. - е. три перста образуютъ святую, единосущную и нераздѣльную Троицу, а два единого отъ Троицы, Господа Іисуса Христа, Который есть Богъ и человѣкъ, — единое лицо въ двухъ естествахъ. Оказывается, что знаменованіе нашихъ перстосложеній, церковнаго и старообрядческаго, одинаково, хотя перстосложенія и не одинаковы. Троица едина; но иконы ея многовидны (равно какъ едина есть Матерь Божія, но иконы ея безчисленное множество, и все разныя). Итакъ, въ нашемъ перстосложеніи доброкачественный матеріаль употребленъ для изображенія двухъ великихъ догматовъ христіанства: о Троицѣ и о воплощеніи. Въ исповѣданіи же этихъ догматовъ и мы и старообрядцы — единомысленны.

Хорошо ли у насъ расположень этотъ матеріаль, — хорошо ли сдѣлана изъ него икона Св. Троицы и Богочеловѣка Христа? Прекрасно: для означенія *троичности* лицъ употреблены *три* перста; для означенія ихъ *нераздѣльности* употреблены *нераздѣльные*, подъ рядъ находящіеся персты; говоримъ: *первое, второе и третіе* лицо Св. Троицы, и персты употребляемъ соотвѣтственные этому счисленію: *первый, второй и третій*. Рядомъ съ этой иконою, но на второмъ мѣстѣ, паходится изображеніе Господа Іисуса Христа, т. - е. двухъ Его ествъ. И такое расположеніе вполне согласно съ древнѣйшимъ символомъ св. Аѳанасія, въ которомъ сначала говорится о Троицѣ, а потомъ уже о воплощеніи; и св. Григорій Синаитъ ученіе о Троицѣ въostasей и двоицѣ ествъ называетъ „уставомъ православія“.

Съ этимъ уставомъ согласно и у старообрядцевъ наставленіе слагать персты сначала во имя Святыхъ Троицы, а потомъ во имя Христа, хотя расположеніе самыхъ перстовъ не совѣмъ согласно съ нимъ, ибо у нихъ *два* перста прежде и выше *трехъ*. И оказывается, что если смотрѣть на художественность двухъ иконъ, то наша написана лучше. Превосходство нашего перстосложенія передъ

старообрядческимъ, при единствѣ мысли обоихъ, весьма обстоятельно выяснено было еще въ „Жезлъ правленія“ (часть 1, возобличеніе 21) и въ „Увѣтъ духовномъ“ (глава 8).

VI.

Перстосложенія на древнихъ иконахъ.

Высказавъ моимъ собесѣдникамъ нѣкоторыя изъ этихъ мыслей, я снова спросилъ: за что же старовѣры не любятъ троеперстія?

— Мы не любимъ вашего троеперстія за то, что оно нововведеніе, — отвѣчалъ Лука; а мы считаемъ долгомъ хранить въ неприкосновенности все до іоты и черты преданія древней православной церкви. Все святые отцы учили одному перстосложенію: въ старинныхъ книгахъ оно описано и изображено на святыхъ иконахъ.

— И вездѣ все ваше двуперстіе?

— Вездѣ; вашего нигдѣ не видится.

— Я, Лука Ивановичъ, думаю, что вы помните то, что говорится на бесѣдахъ. Оказывается, что ты, напримѣръ, совершенно забылъ нашу курочкинскую бесѣду о перстосложеніи.

— Что же именно?

— Не вспомнишь ли, какъ тогда шестеро мужиковъ, ровно подѣ присягой, держали поднятыми правыя руки? Каждый изъ нихъ сложилъ персты по указанію одной изъ вашихъ старыхъ книгъ, и оказалось, что перстосложенія у нихъ у всехъ разные, и собственно ваше, старообрядческое, только у двухъ.

И я показавъ эти разные виды перстосложеній, предписанныхъ старинными книгами. А чтобы утвердить еще больше мысль о неединственности перстосложенія, употребившагося въ древности, взять въ руки Поморскіе Отвѣты рукописные ¹⁾ и предложилъ вмѣстѣ разсмотрѣть

¹⁾ Эту книгу подарилъ мнѣ одинъ священникъ Вологодскаго уѣзда, о. Павелъ Кяриковъ, за что я весьма ему благодаренъ. Самому же ему она досталась по смерти одного раскольника его прихода. Жена этого раскольника принесла книгу къ о. Павлу. „Я неграмотная, — сказала она, — книгой мнѣ не пользоваться! А ты будь друженъ съ по-

въ 5-мъ и 9-мъ отвѣтахъ сдѣланные Андреемъ Денисовымъ снимки съ перстосложеній на старинныхъ иконахъ ¹⁾. Разсмотрѣли довольно вѣдательно, и я сдѣлать такое заключеніе: „вотъ вы ссылаетесь, кромѣ книгъ, еще на древнія иконы и говорите, что на всѣхъ иконахъ одно ваше перстосложеніе. Мы не споримъ, что дѣйствительно и на старинныхъ иконахъ есть ваше перстосложеніе, и мы не только не выбросили этихъ иконъ изъ нашихъ церквей, но и поклоняемся имъ. Самъ Денисовъ, сдѣлавшій эти снимки, видѣлъ эти иконы въ нашихъ же церквахъ, гдѣ онѣ и нынѣ хранятся въ томъ самомъ видѣ, безъ перемѣнъ, безъ переписки. Но много ли онъ отыскалъ иконъ съ тѣмъ самымъ перстосложеніемъ, какое употребляете вы, крестясь по Псалтыри? Вы сами разсматривали его рисунки и видѣли не все только свое перстосложеніе. Ручекъ, сложенныхъ по-вашему, въ 5-мъ отвѣтѣ не больше 33, а всѣхъ (въ моей рукописи) 105. Значитъ, о 72 вы не можете сказать, что у нихъ ваше перстосложеніе. Очень не мало ручекъ мы съ вами видѣли обращенныхъ къ зрителю внѣшнею стороною, вотъ какъ эта (и я указываю рисунокъ), смотрите: видно только четыре перста, большого не видать, куда онъ пригнутьъ, а четвертый и пятый, видите, плотно прижаты къ ладони. У васъ они такъ не прижимаются, и нисколько не удивительно, что такія, какъ эта, ручки представляютъ наше троеперстіе со внѣшней стороны. Смотрите: вотъ я сложу персты по своему и положу руку на чело. Что вы видите?

— Видимъ, дѣйствительно, только четыре перста.

койникомъ, часто съ нимъ толковали о вѣрахъ; возьми себѣ на память“. Отъ меня книга поступила въ библіотеку Вологодскаго братства во имя всемилостиваго Спаса.

¹⁾ Въ книгѣ „Обличеніе неправды раскольниковъ“ всѣ эти снимки Денисова воспроизведены на одномъ листѣ для удобнѣйшаго ихъ разсматриванія. Какъ въ этой книгѣ, такъ особенно въ „Замѣчаніяхъ на Поморскіе Отвѣты“ архимандрита Павла показана вся односторонность и пристрастность Денисова въ рѣшеніи и другихъ спорныхъ вопросовъ, и особенно главнѣйшаго изъ нихъ—вопроса о перстосложеніи. Я бываю очень радъ, когда крестьяне, иногда даже и старообрядцы, покупаютъ у меня эти „Замѣчанія“. Человѣкъ, внимательно прочитавшій ихъ, предохраняется отъ заразы расколомъ.

— Четвертый и пятый прижаты къ ладони?

— Да.

— Значить, такъ и на этихъ рисункахъ; а Андрей Денисовъ счелъ это за свое перстосложение, какъ будто и вы пригибаете два перста къ ладони. На очень многихъ иконахъ перстосложение такое же, какъ и на Тихвинской иконѣ Божіей Матери; Андрей Денисовъ и это перстосложение за свое счелъ. Но можно ли его считать за ваше? Смотрите, какъ у Спасителя сложены персты на благословеніе: второй и третій не соединены, но нѣсколько разъединены: великій перстъ или первый приложенъ ко второму сѣставу четвертаго, а пятый нѣсколько отдѣленъ отъ четвертаго. Ужели это ваше перстосложение? И еще, на Спасовѣ образѣ, что на задней сторонѣ Корсунскаго креста, ужели ваше перстосложение? Здѣсь второй и третій персты оба (а не одинъ средній) нѣсколько наклонены, первый и четвертый соединены концами, а пятый протянутъ. Этого перстосложениа Денисовъ не привелъ въ 5-мъ отвѣтѣ, хотя другія перстосложениа, на томъ же Корсунскомъ крестѣ, приводилъ. Потомъ въ 9-мъ отвѣтѣ, онъ желаетъ доказать, что сіе перстосложение, столь не похожее на старообрядческое, на самомъ дѣлѣ есть однако старообрядческое: живописецъ-де не дописалъ, это-де „не несложение перстовъ, но недосложение“. Чтобы объяснить это „недосложение“, онъ рассказываетъ о нѣкоторомъ обычаѣ будто бы многихъ людей, которые слагаютъ не сразу три перста, но постепенно: „первое къ пальцу четвертый, также пятый“. Но вѣдь такого обычая нигдѣ никто не наблюдалъ и не можетъ наблюдать; онъ существуетъ только въ книгѣ Денисова! Даже маленькія дѣти, наученныя своими матерями, и тѣ сразу слагаютъ три перста. Развѣ Денисовъ говоритъ о какихъ-нибудь разслабленныхъ, которые дѣйствительно не могутъ сразу сложить своихъ перстовъ? Но во всякомъ случаѣ и эти „мнози отъ челоувѣковъ“ хотя и не сразу, но все же слагаютъ у васъ три перста,—великій со двѣма малыми,—а не два только (великій и четвертый), и третьяго (т.-е. пятаго) не оставляютъ стоящимъ, какъ это видится на Корсунскомъ крестѣ, современномъ равноапостольному князю Владимиру. Напрасно, поэтому, Андрей Денисовъ увѣряетъ, будто всегда было „единовидное“, и именно

ваше, старообрядческое, перстосложеніе ¹⁾: оказывается даже изъ его рисунковъ, что оно было вовсе не единовидное, а разнovidное. Такимъ образомъ и иконы, какъ и книги, не подтверждаютъ вашей вѣры въ то, что отъ времени самого Христа перстосложеніе было только ваше. Но знайте еще, что Денисовъ дѣлаетъ свои снимки не со всѣхъ древнихъ иконъ, а только съ тѣхъ, на которыхъ хотѣлъ видѣть свое перстосложеніе,—онъ дѣлалъ выборку между иконами. Даже съ одной и той же иконы списывать не все перстосложенія, а только тѣ, которыя считалъ за свое двуперстіе; которыя же не походили на него, тѣ опускалъ. Напримѣръ, съ Корсунскаго креста не списать въ 5-мъ отвѣтѣ упомянутаго изображенія Спасителя съ „недосложеннымъ“ малымъ перстомъ. Съ Корсунскаго образа св. апостоловъ списать ручку ап. Петра, потому что она двуперстно сложена, а ручку св. Павла не списать, умолчать про нее, потому что она сложена именовсловно. Если бы онъ не избѣгалъ иконъ съ нелюбимымъ вами перстосложеніемъ (съ именовловнымъ и троеперстнымъ), ихъ оказалось бы по количеству нѣсколько не меньше приведенныхъ пмъ; и все онѣ принадлежатъ къ самой глубокой древности, тогда какъ большинство приведенныхъ Денисовымъ иконъ съ точнымъ вашимъ двуперстіемъ относятся ко временамъ позднѣе Стоглаваго собора, бывшаго за сто только лѣтъ до патріарха Никона (въ 1551 году) ²⁾.

Тутъ я представилъ нѣсколько свидѣтельствъ въ доказательство древности именовловія и троеперстія (см. Выписки Озерскаго, ч. II, отд. IV), а потомъ прибавилъ: Но мы будемъ провѣрять ваше мнѣніе снимками, сдѣланными вашимъ же защитникомъ: скажите по совѣсти, одинъ ли видъ всѣхъ представленныхъ Денисовымъ перстосложеній?

¹⁾ Въ 9 отвѣтѣ, въ 6 омышленіи о Дѣяніи собора на Мартина, Денисовъ буквально слѣдующее говоритъ: „Сія вся (т.-е. разныя древнія иконы) разсмотряюще, во вся времена единовидно сложеніе перстовъ зримъ“.

²⁾ Примѣру безпоповца Денисова послѣдовалъ и поповецъ Павелъ Вѣлокрявцкій, такъ же пристрастно и односторонно собиравшій изображенія ручекъ въ своей статьѣ о четырехъ церквахъ („Собраніе сочиненій“ архим. Павла. Изд. 4, ч. 2, М., 1883, стр. 399—400).

Собесѣдники вынуждены были сказать: нѣтъ.

— Если же нѣтъ, если не единовидное перстосложеніе изображено на иконахъ и описано въ книгахъ, то какъ же можно считать именно ваше двуперстіе единственнымъ орудіемъ или инструментомъ, которымъ строили тайны древніе истинные ихъ строители или, какъ ты, Лука Ивасовичъ, называешь ихъ „мастера“? Оказывается, что и въ древности этотъ инструментъ бывалъ разнообразенъ, и тотъ видъ его, какой мы содержимъ, былъ употребляемъ даже чаще другихъ. Если считать перстосложеніе фундаментомъ или основой вѣры, то окажется, что эта основа очень часто и замѣтно колебалась и измѣнялась, и придется сдѣлать нелѣпное предположеніе, что и вѣра измѣнялась. Но вѣдь съ этимъ, полагаю, и вы не согласны будете.

— Конечно, не согласны: вѣра до Никона была одна.

— Я рать, что вы со мной въ одно слово говорите.

— Мы думаемъ, что Никонъ перемѣнилъ вѣру.

— Думать надобно на основаніи чего-нибудь прочнаго, устойчиваго, а не зыбучаго. Думу, какъ и домъ, падо строить тоже на камнѣ, а не на пескѣ. Если будете на перстосложеніи утверждаться, то вамъ не устоять.

— Со Христовымъ-то знаменіемъ?

— Я не о Христовомъ знаменіи говорю, т.-е. не о крестѣ, а о разныхъ видахъ перстосложеній на иконахъ. Иконы молча, но громко говорятъ, что вы заблуждаетесь, увѣряя, будто всегда было единовидное и именно ваше перстосложеніе; онѣ свидѣлствуютъ, что перстосложеніе единовиднымъ не было. Если же оно, это перстосложеніе, мѣнялось и отъ этого не гибла наша древняя православная вѣра, то какъ же можно повѣрить вамъ, будто погибла эта необходимая вѣра наша оттого, что цѣлый великій соборъ архипастырей узаконилъ соблюдать единоеобразіе въ перстосложеніи, точно опредѣливъ, какъ слагать персты для крестнаго знаменія и благословенія. За это надобно его благодарить!

— Ну, и благодарите вы! А мы за измѣну древняго перстосложенія благодарить не будемъ, и вашего нововведенія не примемъ!

— Опять вы за свое... Вѣдь я же доказывать вамъ, что и троеперстіе и именословіе были до Никона въ нашей

православной церкви. Или вы уже все забыли? Кажется, недавно говорили объ этомъ. Да и о вашемъ перстосложеніи нельзя думать такъ, какъ вы твердите: вѣдь ваше мнѣніе объ его единовидности со временъ Христа и неизмѣняемости не подкрѣпляется даже тѣми книгами и иконами, на которыя вы сами ссылаетесь. Ключи оказываются разными.

VII.

Ключи.

— Какіе ключи?—спросили мои гости.

— Вотъ у меня на столѣ связка ключей. Видите, всѣ разные,—однѣ больше, другой меньше, у одного борода прямая, у другого съ нарѣзами. Теперь разсудите. Вотъ передъ нами дверь въ ту комнату и въ двери однѣ замокъ: если бы она была заперта и потребовалось бы въ ту комнату пройти, вѣдь нужно будетъ сначала отпереть дверь?

— Не иначе.

— А всякимъ ли ключомъ можно ее отпереть?

— Нѣтъ, только тѣмъ, который подходитъ къ замку.

— Вѣрно. Ну, теперь слушайте. Есть рай, пресвѣтлый чертогъ Царя небеснаго, и есть дверь въ этотъ чертогъ. Слыхалъ я отъ вашихъ, и очень многихъ, старообрядцевъ, что ни за что-то Богъ въ рай не пуститъ того, кто не молится вашимъ крестомъ; да и вы то же самое говорите, что не спасется никому безъ вашего двуперстія.

— Да, мы думаемъ, что оно совершенно необходимо для спасенія.

— Пусть будетъ такъ; что же окажется? Райская дверь заперта: ключъ отъ нея, по-вашему, однѣ,—это ваше двуперстіе,—имѣя его, вы и надѣетесь войти въ рай. А мнѣ, по-вашему, и думать нельзя о входѣ туда: у меня не тотъ ключъ,—троперстіе, а не двуперстіе! По-вашему, всѣ погибнутъ, кто для означенія *перваго, второго и третьяго* лицъ Святыя Троицы употребляетъ въ перстосложеніи для крестнаго знаменія *первый, второй и третій* персты, а не *первый, четвертый и пятый*. Но вотъ есть и между нами

крестящіеся по вашему, напр. единовѣрцы. Они-то спасутся ли? наследятъ ли царство небесное? Вѣдь у нихъ настоящій ключъ отъ райской двери,—тотъ же, что и у васъ.

— Безъ истинной вѣры невозможно спастись.

— Безъ старой?

— Да,—безъ той, которая была до Никона патріарха.

— А ѿдосеевцы, а спасовцы, а странники, а поповцы— всѣ вообще старовѣры, спасутся ли вмѣстѣ съ вами, филипповцами? Вѣдь всѣ они—старой вѣры; у всѣхъ одно и то же двуперстіе,—у всѣхъ настоящій ключъ отъ райской двери! Кажется, они-то ужъ отворятъ ее! Да и книги у нихъ старопечатныя.

— Мы же сказали вамъ, что безъ истинной вѣры не спастись.

— Значить, никакой имъ пользы не будетъ ни отъ вашихъ книгъ, ни отъ вашего перстосложенія, несмотря на то, что оно самый настоящій ключъ отъ рая, самый „Спасовъ крестъ“, какъ вы говорите? Подойдете вы къ райской двери, подойдутъ и они. Вы отопрете ее своимъ ключомъ и войдете съ радостію въ рай; а они тѣмъ же ключомъ не отопрутъ. Какъ же такъ? Зачѣмъ же вы утверждаете, что это настоящій ключъ, единственный, которымъ можно отворять райскія двери, т.-е. спастись?

— Однимъ перстосложеніемъ тоже не спастись.

— Очень радъ, что вы сказали это слово. Я не привыкъ его слышать изъ вашихъ устъ. Но не будемъ больше говорить объ этихъ разновѣрцахъ. Вотъ къ райскимъ дверямъ подходятъ отцы Стоглаваго собора, и между ними предсѣдатель его митрополитъ Московскій Макарій и святые чудотворцы Филиппъ, Гурій и Варсонофій ¹⁾. Отворятъ ли они своимъ ключомъ двери?

— У нихъ ключъ нашъ; Стоглавый соборъ узаконилъ наше перстосложеніе.

— Ваше ли? Три перста слагать онъ точно велѣлъ по вашему, но не во имя Святой Троицы, а въ означеніе того, что Сынъ Божій, „преклонъ небеса, сниде на землю

¹⁾ Ихъ въ числѣ другихъ упоминаетъ Денисовъ въ 5 отв. подъ числомъ 66.

нашего ради спасенія“; изъ двухъ же верхнихъ велить поклонять не великосредній, а указательный, — опять не по вашему, — не тотъ ключъ! И значить, не отворить отцамъ Стоглаваго собора райскихъ дверей! Отворятся ли онѣ патриарху Филарету? У него въ Большомъ Катихизисѣ два перстосложенія: первое — троеперстіе, — помните, ни слова не упоминается о двухъ перстахъ, просто велѣно креститься тремя; второе — двуперстіе, но опять не ваше: онѣ велить оба перста приклонить. Такъ вотъ у него два ключа, и оба, по вашему, не настоящіе: съ тѣмъ ли, съ другимъ ли подойдетъ онѣ къ райскимъ дверямъ, все равно не отворить! Не по замку у него ключи. Теперь Іосифъ патриархъ, если подойдетъ къ райскимъ дверямъ съ перстосложеніемъ Кирилловой книги и Псалтыри, какое и у васъ, — отворить ихъ; а если подойдетъ съ перстосложеніемъ Книги въры и Катихизиса Малаго, отворить ли? Въдь это ключъ, по вашему, не настоящій, — великосредній перстъ не приклоненъ, а оба, и указательный и великосредній, простерты. Значить, и патриархъ Іосифъ съ этимъ ключомъ долженъ отойти прочь отъ райскихъ дверей.

И хотѣлъ развить мою мысль далѣе, — довести до Самого Христа Спасителя, Который на иконахъ изображенъ съ различнымъ перстосложеніемъ, — не съ тѣмъ только, которое, по мнѣнію раскольниковъ, есть единственный ключъ къ царству небесному; но мои собесѣдники были очень недовольны этими моими рѣчами, начали волноваться и прервали меня: Нечего басни-то рассказывать! Надо бесѣдовать отъ Писанія!

— Вы требуете говорить отъ Писанія. Справедливо. Но сначала скажите сами: гдѣ писано, что безъ вашего двуперстія невозможно спастись, невозможно войти въ рай? Чего вы обидѣлись? Въдь, если правда, что безъ него дѣйствительно не войти въ рай, какъ вы утверждаете, то, значить, оно и есть ключъ отъ рая. Но если не васъ слушать, а смотрѣть на старыя книги и иконы, такихъ ключей не одинъ, а множество, и значить, со всякимъ перстосложеніемъ возможно спастись. Если же не по-старовѣрчески разсуждать, а по Евангелію, то истинными и дѣйствительными ключами отъ царства небеснаго оказы-

ваются вовсе не персты и перстосложенія, а совершенно другое, чего у васъ, безпоповцевъ, совѣтъ уже нѣтъ. Вотъ радостная для насъ, православныхъ, повѣсть евангельская, гдѣ говорится объ этихъ таинственныхъ ключахъ: *Глагола имъ (апостоламъ) Иисусъ: вы же кого мя глаголете быти? Отвѣщавъ же Симонъ Петръ, рече: ты еси Христосъ, сынъ Бога живаго. И отвѣщавъ Иисусъ, рече ему: блаженъ еси Симоне, варъ Іона, яко плоть и кровь не яви тебѣ, но Отецъ мой, иже на небесѣхъ. П азъ же тебѣ глаголю, яко ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь мою, и врата ада не одолжють ей. И дамъ ти ключи царства небеснаго; и еже аще свяжеши на земли, будетъ связано на небесѣхъ, и еже аще разрѣшиши на земли, будетъ разрѣшено на небесѣхъ* (Мѣ. XVI, 15—19). Вотъ мы слышимъ не изъ устъ человѣка, а изъ устъ Самого Бога о томъ, что такое ключи царства небеснаго: эти ключи—власть вязать и рѣшить¹⁾, и власть сія принадлежитъ церкви: *созижду церковь*, сказалъ Господь, *и дамъ ключи*. Посему, гдѣ нѣтъ Христомъ созданной церкви, тамъ нѣтъ и ключей отъ царства небеснаго. Кому же въ церкви даны сіи ключи? Вначалѣ Господь обѣщалъ ихъ Петру, какъ представителю всѣхъ апостоловъ, отъ ихъ имени выразившему исповѣданіе вѣры въ Сына Божія; а потомъ, воскресши изъ мертвыхъ, уже прямо даровалъ ихъ всѣмъ своимъ апостоламъ: *Пріимите Духъ Святъ Имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ: и имже держите, держатся* (Іоан. XX, 22—23). Въ лицѣ апостоловъ Онъ далъ сію власть и ихъ преемникамъ—пастырямъ церкви. Сами безпоповцы не спорятъ съ нами о томъ, къ кому по преемству перешли ключи сіи отъ апостоловъ (Неокесарійскаго собора прав. 14); согласны опять съ нами и въ томъ, что этихъ преемниковъ апостольскихъ у нихъ нѣтъ. Однакоже о дѣйствительныхъ ключаряхъ, т.-е. о священныхъ лицахъ, коимъ довѣрены эти таинственные ключи, они мало думаютъ и говорятъ, а постоянно толкуютъ о перстахъ, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ перстами можно отворить рай. О причащеніи святыхъ Христовыхъ таинъ, о муропомазаніи и вообще о

¹⁾ Благовѣстникъ, въ толкованіи этого зачала.

всѣхъ благодатныхъ средствахъ ко спасенію они мало толкуютъ и не сокрушаются, что у нихъ нѣтъ этихъ Христомъ установленныхъ спасительныхъ средствъ. Они думаютъ, что по нуждѣ можно обоитись и спастись и безъ того, для дарованія чего нарочно приходилъ на землю Сыръ Божій. Они утѣшаются тѣмъ, что употребляютъ двуперстіе, конемъ будто бы молился и Христось,—думаютъ, что только безъ двуперстія нельзя спастись, а безъ благодати, преподаваемой въ богоустановленныхъ таинствахъ, спастись можно. И стали имъ ихъ персты вмѣсто благодати и дороже ея... Какая жалость! Если это правда, что и безъ таинствъ можно спастись, а безъ перстовъ не возможно, то разсудите: почему же Христось ни единого слова не изрекъ и апостолы не написали ни одной строки о перстосложеніи? Ужели вы не понимаете, что если бы все спасеніе было въ томъ, или иномъ перстосложеніи, то о немъ бы болѣе всего Христу и апостоламъ надлежало и проповѣдывать? А они совсѣмъ умолчали о перстосложеніи, не сказали о немъ ни единого слова! Нѣтъ, не въ перстахъ, такъ или иначе сложенныхъ, спасеніе человѣка.

СОЧИНЕНІЯ

Прот. Іоанна Полянского, Москов. епархіального миссіонера.

(Адресъ: Москва, 3 Троицкій, 4, 3).

1. Записки миссіонера.—Бесѣды съ старообрядцами. Изд. 3, въ 14

книжечекъ

1. Въ моленной у филипповцевъ	— р.	20 к.
2. Единовѣріе и расколъ	— "	10 "
3. Старовѣрскіе страхи	— "	10 "
4. „Тянетъ къ старой вѣрѣ“	— "	10 "
5. Печать антихристовъ	— "	10 "
6. Дѣдушка Евсеій, странническій наставникъ	— "	15 "
7. Грѣхи людскіе	— "	10 "
8. Спасова вѣра	— "	10 "
9. Вопль безпоповца	— "	10 "
10. Главный догматъ старовѣрья	— "	10 "
11. Старинныя книги обличаютъ старовѣровъ	— "	5 "
12. Бракоборцы	— "	15 "
13. Притчи о мастерѣ и инструментѣ и о ключахъ	— "	10 "
14. „Ереси“ церковныя	— "	5 "
То же. Изд. 4, въ одной книгѣ	1 "	50 "

2. Церковныя бесѣды миссіонера или проповѣди противъ безпоповцевъ. Изд. 2, въ 6-ти книжкахъ:

1. Таинство священства	— "	10 "
2. Таинство крещенія и миропомазанія	— "	10 "
3. Таинство исповѣди	— "	10 "
4. Таинство причащенія	— "	10 "
5. О бракѣ	— "	5 "
6. Таинство елеосвященія	— "	5 "
То же. Изд. 3, въ одной книгѣ	— "	50 "
3. „Вѣчная правда“ (противъ Комиссарова)	— "	15 "
4. Бесѣда о троеперстіи въ православной церкви до лѣтъ Никона патріарха. Изд. 3.	— "	20 "
5. Правда ли, что имя Спасителя должно произносить только <i>Исусъ</i> и никакъ нельзя произносить <i>Иисусъ</i> ? (Противъ Усова)	— "	30 "
6. Клевета старообрядца на о. Іоанна Кронштадтскаго	— "	7 "
7. Почему на миссіонерскихъ бесѣдахъ въ Москвѣ не позволится начетчикамъ говорить рѣчей къ народу?	— "	10 "
8. О каноническомъ достоинствѣ Стоглаваго собора.— Бесѣда съ Д. С. Варакинымъ. Изд. 2.	— "	10 "
9. Нуженъ ли единовѣрческій епископъ?	— "	10 "
10. О священническомъ титулѣ (Изъ бесѣды съ австрій- цами).	— "	5 "

Протоіерей Іоаниъ Полянскій.

ЗАПИСКИ МИССИОНЕРА.

Бесѣды съ старообрядцами.

Книжка 14.

„ЕРЕСИ“ ЦЕРКОВНЫЯ.

Изданіе третье.

Первое изданіе Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ одобрено къ приобрѣтенію въ ученическія библіотеки духовныхъ семинарій и въ библіотеки церковныя, въ особенности въ библіотеки тѣхъ церквей, въ приходахъ коихъ имѣются раскольники.

Цѣна 5 коп.

Книгоиздательство „Вѣрность“.

МОСКВА.

„Русская Печатня“. Садовая-Триумфальная, д. № 14.

1912.

Протоіерей Іоаннъ Полянскій.

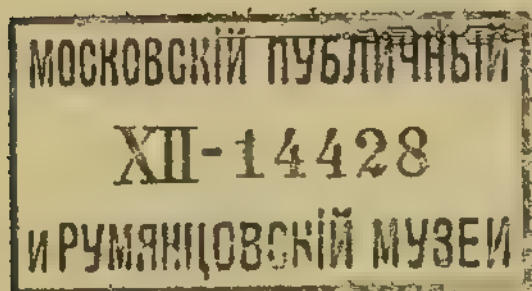
ЗАПИСКИ МИССИОНЕРА

Книжка 14.

„БРЕСКИ“ ЦЕРКОВНЫЯ

Издание третье.

Первое издание Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ одобрено къ приобрѣтенію въ ученическія библіотеки духовныхъ семинарій и въ библіотеки церковныя, въ особенности въ библіотеки тѣхъ церквей, въ приходахъ коихъ имѣются раскольники.

МОСКВА.

„Русская Печатня“, Садовая-Тріумфальная, д. № 14.
1912.

„Ереси“ церковныя.

I.

Хожденіе вокругъ купели.

— Неужели вы думаете,—началь говорить Лука,—что будто бы только и есть вины за вашей церковію, что одна измѣна въ перстосложеніи?

— Вы, старовѣры, считаете ее самою главною. Но и сами, надѣюсь, начинаете понимать, что никакой тутъ нѣтъ ереси и, значитъ, погрѣшили вы, обозвавъ православную церковь еретической и отдѣлившись отъ нея изъ-за перстовъ. Впрочемъ, если хотите о другихъ предметахъ говорить, я согласенъ. Какія же подобныя ереси вы знаете въ нашей церкви? Начните съ таинствъ,—что еретическаго въ нашемъ крещеніи?

Кириллъ Ивановичъ поспѣшилъ высказать, что обхожденіе купели противъ солнца есть именно страшная, въ ихъ глазахъ, ересь, допущенная нами въ крещеніи. Православіе, по его мнѣнію, состоитъ въ томъ, чтобы ходить „по солнышку“.

— Въ такомъ случаѣ,—отвѣтилъ я,—у самихъ васъ, и у всѣхъ безпоповцевъ, этого православія нѣтъ, потому что у васъ при крещеніи не ходятъ „по солнышку“.

— Да у насъ и вовсе не ходятъ вокругъ купели.

— Если перемѣна есть ересь, то отмѣна ужели не ересь? Мы, хотя и не такъ, какъ бы надобно было, по вашему, но все же ходимъ при крещеніи вокругъ купели; а вы—никакъ не ходите. У васъ разницы съ древностью больше, чѣмъ у насъ: значитъ, по вашему, и ересь у васъ больше, чѣмъ у насъ.

— У насъ нѣтъ священника; а то бы мы ходили по солнцу, какъ до Никона патріарха!—вступился Лука.

— Значить, у васъ и еще разнища сравнительно съ древностію: тамъ при крещеніи быть священникъ, а у васъ, древле-православныхъ христіанъ, его нѣтъ.

— Простецу не дано ходить вокругъ купели: у насъ же за великую нужду крестятъ простецы, а не священники.

Я взялъ Большой Катихизисъ и прочелъ по нему изъ главы 73 о первой тайнѣ (л. 364 об.): „*Вопросъ*: Кѣмъ есть видѣ, или видотвореніе сея тайны? *Отвѣтъ*. Она я словеса, имже Господь повелѣ крестити, сирѣчь: во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, вкушѣ со тремя погруженіями. Сими бо глаголы божественными и силою ихъ крещеніе кончается и совершенно бываетъ. Аще и прочая глаголы при крещеніи, глаголеміи отъ священника, въ благолѣпное украшеніе и наказаніе бывають, сія же три въ видотвореніе и содѣяніе крещенія суть, да симъ всездравственню и благосовершенно крещеніе бываетъ“. Видите, — говорю, — по Большому Катихизису, различается въ чинѣ крещенія самое главное или собственно самое таинство, отъ того, что совершается при немъ для его украшенія. Здѣсь, въ этомъ отвѣтѣ, ни о какихъ другихъ обрядахъ и не говорится, кромѣ троекратнаго погруженія крещаемого въ воду съ произношеніемъ при этомъ заповѣданныхъ Христомъ словъ, черезъ что совершается или „видотворится“ сія тайна. Прочіе обряды названы въ этой главѣ „лѣпотными благочиніями“ (л. 367) при таинствѣ; изъ нихъ объяснены только слѣдующіе: освященіе воды, стояніе крещаемого предъ церковными вратами, дуновеніе на сатапу, знаменованіе чела и персей крещаемого, помазаніе елеемъ, облаченіе въ бѣлую одежду. А хожденіе вокругъ купели не только не объяснено, но даже вовсе не упомянуто, хотя, конечно, и оно имѣетъ свой смыслъ*). И это умолчаніе ясно показываетъ, что старинный Катихизисъ совсѣмъ не усвоилъ

*) Въ Катихизисѣ Филарета, митрополита Московскаго, хожденіе вокругъ купели объясняется, какъ выраженіе „духовной радости, соединенной съ духовнымъ просвѣщеніемъ“. Самъ крещенный, креститель, воспріемники и вся церковь радуются о той благодати, какой сподобился крещенный, обратившись отъ тьмы къ свѣту, получивъ прощеніе грѣховъ, ставъ изъ чада гнѣва чадомъ Божиимъ чрезъ второе рожденіе отъ воды и Святаго Духа и принявъ печать Его дара.

обряду обхожденія вокругъ купели такого значенія, какое придаете ему вы, требуя въ обличеніе себѣ, пбо и сами не исполняете этого требованія, чтобы хожденіе совершалось непременно по солнцу, и полагая, что если совершить его противъ солнца, то и самого таинства не будетъ... Итакъ, хожденіе вокругъ купели не есть таинство крещенія, а только одинъ изъ обрядовъ при этомъ таинствѣ. И безъ совершенія этого обряда таинство остается таинствомъ. Такъ вы и сами вѣруете, потому что считаете себя крещенными, хотя при вашемъ крещеніи, какъ сейчасъ вы и сами сказали, не бываетъ этого хожденія вокругъ купели. Если же, по вашему, мірянинъ или простецъ имѣетъ право совершать даже самое таинство, то почему онъ же не имѣетъ права дѣлать такое дѣйствіе, безъ котораго крещеніе, и по нашему разуму и по вашей практикѣ, не теряетъ своей силы? Вы, по-моему, напрасно не ходите вокругъ купели „по солнышку“. Было бы тогда вапне перекрещиваніе болѣе похоже на древле-церковное крещеніе.

— Не дерзаемъ восхищать не дарованнаго! Боимся касаться священническаго дѣла!

— Неправда! Если бы боялись, то не дерзали бы крестить, исповѣдывать, постригать, отпѣвать, молебны пѣть, службу править, настоятельствовать и даже соборы составлять и правила на нихъ издавать. Вы, простецы, все это дѣлаете,—не только священническаго, но даже и архіерейскаго дѣла касаетесь, и руки у васъ не дрожать. Отчего же ноги-то ваши не смѣлы? Отчего боитесь посолонь обходить купель?

Въ этой своей боязни восхитить не дарованное чрезъ хожденіе вокругъ купели безпоповцы похожи на чловѣка, который не побоялся убить другого и снять съ него голову, но коснуться волосъ на головѣ убитаго имъ боится,—вопреки пословицѣ, снявши голову, плачетъ по волосамъ. О такихъ-то законникахъ говоритъ Господь: *Горе вамъ, вожди слѣпѣи, глаголющѣи: иже аще кленется церковію, ничесоже есть; а иже кленется златомъ церковнымъ, долженъ есть. Буи и слѣпѣи, что бо болѣе есть, злато ли, или церковь, святящая злато? И иже аще кленется олтаремъ, ничесоже есть; а иже кленется*

даромъ, иже верху его, долженъ есть. Буи и слѣпѣи, что бо болѣе, даръ ли, или олтарь, святей даръ?.. Возжди слѣпѣи, оцѣждающіи комары, вельблуды же пожирающе (Мѣ. гл. XXIII ст. 16—19; 24).—Или вотъ на кого они похожи. Представимъ себѣ, что какой-нибудь самозванецъ, завладѣвъ царствомъ, началъ бы править имъ, какъ настоящій законный царь, но не дѣлалъ бы обычныхъ царямъ царскихъ выходовъ и царской одежды не носилъ бы. И когда бы спросили у него: почему ты не дѣлаешь выходовъ, какъ прежніе цари, и не носишь царской ихъ порфѣры, онъ отвѣтилъ бы: не дерзаю восхищать не дарованнаго, боюсь касаться царскаго дѣла: я вѣдь, по настоящему, подданный, а не царь!—Такъ и безпоповцы: за самыя таинства, которыя собственно и составляетъ священническое дѣло, берутся безтрепетно, значить, именно восхищаютъ не дарованное, но не смѣютъ ходить во кругъ купели, рукою благословлять, облачаться въ ризы. И такимъ устраненіемъ отъ себя благолѣпія въ совершеніи собственно священническаго служенія думаютъ оправдаться противъ безпощаднаго обличенія, которое падаетъ на нихъ по силѣ 2-го правила всѣхъ святыхъ апостоловъ, написаннаго въ 4-ой главѣ Кормчей: „Восхищающіи не дарованная имъ раздражаютъ Бога, якоже сынове Корреовы и Іозія царь. Ни діакону убо приносить жертвы нѣсть достойно, ни крестити кого, ни благословенія мала или велика сотворити, такоже ни презвитеру нѣсть достойно поставленія творити и развращати чинъ священническій. Якоже дерзнувыйи таковая; не съ нами борется, но съ великимъ архіереомъ Христомъ. Аще бо Филиппъ скопца крестивъ и Ананія мене Павла, но не сама себѣ восхитиista святительскаго чина, но отъ Бога пріяста власть, отъ несочтаннаго Архіерея“.

— Вы-то почему сами не ходите по солнцу? — допытывались мои собесѣдники.

— А вы укажите намъ, гдѣ въ старопечатныхъ, или старописменныхъ книгахъ повелѣвается ходить „по солнцу“. Когда укажете, тогда мы станемъ и отвѣтъ держать.

— Во всѣхъ старыхъ книгахъ велѣно ходить по солнцу!

— Вотъ у меня два старопечатныхъ Требника: Филаретовскій и Іоасафовскій, и еще Іоасафовскій же Служеб-

никъ, гдѣ написанъ и чинъ крещенія. На-те, найдите въ нихъ то, что утверждаете.

И я предложилъ имъ названныя книги, даже самъ раскрылъ ихъ тамъ, гдѣ излагается чинъ крещенія. Оказалось, что вездѣ напечатано одинаково: „Обходитъ священникъ святую купель среди церкви стоящую трижды, послѣдующу сему и восприемнику съ новокрещеннымъ. Аще въ возрастѣ крещаемый, и прие́млетъ сего восприемникъ за десную руку, и синдону *) возложену быти на выяхъ ихъ связуему, поющимъ же всѣмъ трижды: елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся, аллилуія“. Видите, говорю,—ничего не сказано о томъ, какъ обходить купель. Гдѣ же вычитали вы, что при крещеніи подобаетъ ходить непременно по солнцу?

Они смутились.

— Когда крестятъ взрослого, то его, конечно, не обносятъ восприемникъ вокругъ купели, какъ младенца, а обводитъ, держа, какъ сказано здѣсь, за десную, правую руку. Вотъ крестятъ, примѣрно, Кирилла Ивановича, ты, Лука Ивановичъ, восприемникъ, я — священникъ, этотъ столъ пусть будетъ подобіемъ купели. Возьми, Лука Ивановичъ, своего крестника за десную руку. Давайте примѣрно исполнимъ то, что здѣсь велѣно. Возьми!

Лука съ нѣкоторой неохотою взялъ правою рукою недоумѣвающего Кирилла за правую же руку.

— Я пойду вокругъ стола, какъ вокругъ купели, а вы, восприемникъ съ крещенымъ, слѣдуйте за мной! Пойдемъ посолонь.

Пошли. Лука и особенно Кириллъ при обхожденіи приходились задомъ къ столу.

— Прилично ли это—не глядѣть на святую купель?

— Не особенно.

— А если идти противъ солнца, то этого неприличія уже не будетъ, ибо прямо будемъ всѣ смотрѣть на купель,—вотъ такъ.—И мы обошли противъ солнца. И, дѣйствительно, столъ—подобіе купели, все время былъ у насъ передъ глазами.

— Итакъ въ старинныхъ книгахъ нигдѣ нѣтъ пред-

*) Синдономъ называется „платъ бѣлъ новъ“ (Служебникъ патріарха Іова л. 305).

писанія вокругъ купели ходить по солнцу; а написанное о хожденіи взрослого крещаемого, котораго воспріемникъ пріемлетъ за десную руку, съ большимъ удобствомъ можетъ быть выполнено при хожденіи противъ солнца, чѣмъ при хожденіи по солнцу. Въ нашихъ новыхъ Требникахъ о хожденіи вокругъ купели сказано: „творить священникъ образъ круга“, то-есть, какъ и въ старыхъ, не указано, какъ идти; ходимъ же мы по обычаю, противъ солнца, то-есть начинаемъ обхожденіе съ правой стороны, имѣя въ виду, что „правая сторона честнѣе лѣвой“ (книга О вѣрѣ, гл. 18) и что лучше это хожденіе совершать такъ, какъ оно совершается искони въ алтарѣ, вокругъ престола, именно противъ солнца. Никакой погрѣшности противъ вѣры или ереси нѣтъ въ такомъ хожденіи и вы напрасно тревожитесь изъ-за этого предмета. (О хожденіи противу солнца см. въ Выпискахъ Озерскаго, ч. II отд. 6, ст. 10).

II.

О помазаніи мѣромъ у крещаемого не только рукъ, но и ногъ.

Собесѣдники задали мнѣ вопросъ: зачѣмъ нынѣ священники помазуютъ мѣромъ ноги у младенца? Ни въ одномъ старомъ Требникѣ,—утверждали они,—не показано, чтобы мазать ноги мѣромъ!

— Смотрите,—говорю,—не ошибитесь. Вотъ говорили вы, что во всѣхъ старыхъ Требникахъ велѣно ходить по солнцу вокругъ купели, а оказалось, что ни въ одномъ Требникѣ такого повелѣнія нѣтъ. Какъ бы опять не случилось съ вами подобной же ошибки!

— Нѣтъ, ужъ это-то вѣрно.

— Ну, а если бы и по вашему было, какая же въ томъ бѣда, что мы помазуемъ крещенному ноги мѣромъ?

— Прибавка!

— Все прибавка, да перемѣна! А ты посмотри старинные-то Потребники, и сличи ихъ: самъ увидишь, сколько въ нихъ разностей,—вѣдь двухъ не найдешь тождественныхъ, согласныхъ во всемъ между собою, все у одного противъ другого или прибавка, или перемѣна. Есть книжка, въ которой сличаются церковные чины, напечатанные въ богослужебныхъ книгахъ первыхъ пяти рос-

сѣйскихъ патріарховъ до Никова, сочиненіе іеромонаха Филарета. Совѣтую тебѣ приобрести ее — стоитъ всего 15 копѣекъ. Въ ней всѣ эти разности указаны. Вѣдь, если разсуждать по вашему, что каждая прибавка въ одной книгѣ сравнительно съ другой есть ересь, то окажется, что такими ересями переполнены всѣ наши старинные Потребники, да и вообще всѣ книги. Вотъ вамъ примѣръ для обсужденія: въ Потребникахъ, до 1639 (7147) года изданныхъ, на крещеніи не полагалось читать ни Апостола, ни Евангелія; а въ Потребникѣ этого года чтеніе ихъ положено. Какъ вы думаете: такая прибавка ересь, или нѣтъ?

Конечно, мои собесѣдники не рѣшились прибавку евангельскаго и апостольскаго чтенія въ чинѣ крещенія обозвать ересью.

— А если эта прибавка не ересь, то почему же помазаніе ногъ св. мѣромъ есть ересь?

— Потому, что въ Кормчей оно прямо названо латинской ересью,—сказалъ съ особенной увѣренностью Лука Ивановичъ. Я удивился,—говорю: что ты? гдѣ же это написано? И сталъ убѣждать его, что не можетъ этого вовсе быть: если помазаніе ногъ мѣромъ называть ересью, то съ такимъ же правомъ ересью можно назвать и помазаніе рукъ, равно какъ прочихъ частей тѣла; почему вы полагаете, что ноги нельзя помазывать мѣромъ? Ужели вы думаете, какъ и нѣкоторые другіе старообрядцы, что ноги не чисты и потому не стоятъ помазанія? Вы должны знать, что единый Богъ сотворилъ всего человѣка: и руки, и ноги, и всѣ прочіе члены тѣла. Не разумно одни изъ нихъ считать достойными освященія, а другіе нѣтъ.

— Развѣ ноги по вашему не поганы?

— Это у новокрещеннаго-то? Да вѣдь онъ только что принять отъ купели! И голова, и руки, и ноги,—весь онъ святъ и невпнень. А если не помазывать ногъ, потому что онъ будто бы нечисты, то ихъ не должно бы и въ водѣ крестить: вѣдь вода при крещеніи не простая, но святая,—я разумѣю воду настоящаго крещенія, освященную священникомъ Божиимъ, а не вашего: вы креститесь въ неосвященной водѣ.

— Ногами придется ходить по всякой нечистотѣ! — замѣтили мои собесѣдники.

— Если по-вашему разсуждать, то и рукъ не надо помазывать, потому что и руками придется не только брать всякую дрянь, но и дѣлать злыя, грѣшныя дѣла.

— А все-таки не напрасно же ересью названо въ Кормчей помазаніе ногъ святымъ мѣромъ!

— Но ты покажи мнѣ, гдѣ это въ Кормчей написано.

— Вы сами знаете.

— Не знаю я того, что ты говоришь. Знаю, напротивъ, что этого нигдѣ нѣтъ. Ты говоришь, ты и покажи.

— Дайте Кормчую: онъ покажетъ! — оживился Кирилль Ивановичъ. — Дайте Кормчую! Что же вы не даете? Давайте!

Судя по этому настойчивому требованію и по нѣкоторымъ взглядамъ, какими обмѣнялись мои гости, я понялъ, что они готовы обвинять меня въ утаиваніи пзвѣстнаго мѣста въ Кормчей, гдѣ будто бы написано, что помазаніе ромъ ногъ есть латынская ересь.

— Вотъ Кормчая, — сказалъ я, — ищите; но напередъ увѣряю: не найти вамъ того, чего нигдѣ не написано и не напечатано!

Лука взялъ Кормчую и сталъ рыться въ ней. Долго онъ ее перелистывалъ.

— Вотъ запоматовалъ листъ!

— Да о чемъ тебѣ надо? Ты скажи; можетъ, вдвоемъ и скорѣе найдемъ.

— Какъ помазывать былъ на царство Каруль Великій...

— А?! Вотъ что тебѣ надо!

Тогда я отыскалъ послѣднюю статью въ Никоновской Кормчей, и сказалъ Лукѣ: на-вотъ, читай, что тебѣ нужно тутъ.

И Лука сталъ читать „О римскомъ отпаденіи, како отступивша отъ праведныя вѣры и отъ святыхъ восточныхъ церкви“... Кончилъ онъ чтеніе слѣдующими словами: „Призываетъ убо папа Левъ князя Карула и греческимъ закономъ вѣнчаетъ его на царство въ Римъ, но примѣсивъ законы жидовскіе, и не вѣмъ которымъ умысломъ, отъ главы даже и до ногу мѣромъ сего помаза. Спсе убо первый союзъ градовомъ раздрася“. Какъ же вы говорили:

нигдѣ не написано? Вотъ слышите,—написано прямо: „отъ главы даже и до ногу мвромъ сего помаза и сице первый союзъ градовомъ раздрася“. Выходить, что это первая ересь, пзъ-за нея начался расколъ римскій. Ну, какъ же вы говорили, что не писано?—И они чуть не начали стыдить меня.

— Да чего же вы обрадовались? Вѣдь здѣсь ни одного слова нѣтъ въ вашу пользу; просто вы не поняли того, что сами читали.

— Какъ не поняли? Тутъ все ясно. У васъ ноги мажутъ, и тутъ написано, что ноги помазаль.

— Да о томъ ли мвропомазаніи здѣсь рѣчь, которое совершается при крещеніи? Развѣ сказано: крестиль его, да и помазаль его мвромъ?

— Нѣтъ, здѣсь не о крещеніи рѣчь.

— Вотъ и обнаружилась первая ваша ошибка: вы смѣшали два мвропомазанія, которыя непременно слѣдуетъ различать. Здѣсь говорится о мвропомазаніи при коронаціи: вѣнчалъ его, сказано, т.-е. вѣнецъ или корсъ возложилъ на него, да и помазаль. Поняли?

— Да это мы знаемъ... А все же зачѣмъ онъ ноги ему помазаль?

— Онъ ногъ не мазаль.

— Какъ не мазаль? Сами читайте!

— Хорошо, и вы слушайте, что здѣсь сказано, да и вникайте въ смыслъ сказаннаго. „И греческимъ закономъ вѣнчаетъ его на царство“, т.-е. по греческому закону вѣнчаетъ Карла на царство, такимъ же, значить, чинномъ, какимъ вѣнчались греческіе цари. Далѣе: „по примѣсивъ законы жидовскіе“, — т.-е. къ греческому чину вѣнчанія на царство примѣшаль законы жидовскіе. Значить, если вы, на основаніи этого мѣста въ Кормчей, наше помазаніе ногъ мвромъ называете ересью, то вамъ слѣдуетъ называть его жидовскою ересью, а не римскою, — вѣдь сказано: „примѣсивъ законы жидовскіе“.

— Да вѣдь примѣсилъ-то римскій папа, еретикъ. Онъ взялъ у жидовъ, а вы у него.

— О Господи! Скоро будете увѣрять, что у жидовъ есть таинство мвропомазанія, соверщаемое при крещеніи!.. Вѣдь я же говорилъ, что здѣсь рѣчь совсѣмъ о

другомъ,—о муропомазаніи при вѣнчаніи на царство. Вы поймите хорошенько, въ чемъ состояла тутъ примѣсь жидовскихъ законовъ. Вотъ что сказано въ Писаніи о первомъ еврейскомъ царѣ Саулѣ: *и взя (пророкъ Самуиль) сосудъ съ елеемъ, и возлія на главу его* (1 Цар. 10, 1). Это возліяніе изъ сосуда на главу новаго царя и стало закономъ для помазанія еврейскихъ царей. Точно также поставлялись у евреевъ и первосвященники. О первомъ изъ нихъ, Ааронѣ, повелѣніе Божіе Моисею было таково: *и да возмешь отъ елея помазанія, и да возліеши и на главу его, и помажешь его* (Исх. 29, 7). Объ этомъ упоминается и во Псалтири: *яко мѣро на главѣ, сходящее на браду, браду Аарону, сходящее на ометы одежды его* (Псал. 132, 2). Попятенъ ли теперь вамъ жидовскій законъ помазанія на царство? Его-то и примѣшаль папа Левъ при вѣнчаніи на царство Карла Великаго. По-греческому закону, соблюдаемому и у насъ, въ Россіи, при вѣнчаніи на царство слѣдуетъ помазывать муромъ чело, очи, ноздри, уста, уши, перси или грудь и обѣ стороны рукъ государя. *) А папа Левъ, при вѣнчаніи на царство Карла Великаго, не помазывалъ эти отдѣльныя части тѣла, а взялъ сосудъ съ муромъ, да и возлилъ его на главу Карла, какъ и Самуиль на главу Саула. Муромъ, конечно, потекло съ головы на бороду, а съ бороды даже и до ногъ. Вотъ что, а не иное, означаютъ употребленныя въ Кормчей слова: „примѣсивъ законы жидовскіе“. И писатель этой статьи не порицаетъ папу Льва за употребленіе такого, еврейскаго, обычая, а только высказываетъ свое удивленіе къ его поступку,—„не вѣмъ, коимъ умысломъ“, т. е. не знаю, съ какою цѣлью и съ какою стати. Напрасно, притомъ, вы думаете, что этотъ папа еретикъ. Онъ былъ вполне православный, что видно изъ этой же статьи,—стоитъ только ее дальше почитать. И отъ того, что папа помазалъ Карла на царство, не расколъ возникъ, отъ этого не началась римская или латынская

*) Чинъ дѣйствія, коимъ совершилось священнѣйшее коронованіе Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Николаевича, Самодержца Всероссійскаго, по церковному чиноположенію. Москва. 1856. Стр. 30.

ересь, но только „первый союз градовомъ раздразя“. Не сказано: „союзъ церквамъ“, но „союзъ градовомъ“,—т.-е. прежде была одна Римская имперія, и въ ней быть одинъ царь, который со временъ Константина равноапостольнаго жилъ въ Константинополѣ, новомъ Римѣ, по которому и старый Римъ былъ подчиненъ; а съ тѣхъ поръ, какъ въ Римѣ Левъ помазалъ въ цари Карла и Карлъ принялъ императорскій титулъ, стало два царя и значитъ — два царства: государство раздѣлилось. Послѣдствіемъ дѣйствія православнаго папы Льва было политическое раздѣленіе единой имперіи на два царства, а не религіозное раздѣленіе церквей. Это было въ 800 году, раздѣленіе же церквей произошло гораздо позже, въ 1054.

Казалось, мои собесѣдники поняли, наконецъ, что ихъ обвиненіе, заимствованное изъ Кормчей, неудачно, и возвратились опять къ своему любимому положенію: „а все же прибавка!“ т.-е. это помазаніе ногъ св. муромъ. Тогда я сказалъ: „А что вы сказали бы, если бъ увидѣли гдѣ-нибудь при помазаніи муромъ не прибавку противъ положеннаго въ старыхъ Потребникахъ, а отбавку“? Они отвѣтили, что этого нигдѣ нельзя увидѣть, и что во всякомъ случаѣ и отбавка была бы незаконна,—точно такъ же неправославна, какъ и прибавка. Тогда я отыскалъ въ Кормчей 7-е правило II вселенскаго собора, и прочитавши это правило и толкованіе на него, сказать: „Вотъ о нѣкоторыхъ еретикахъ этимъ правиломъ узаконено, что ихъ надо принимать во св. православную церковь, „помазующе (св. муромъ) токмо вся чувства“. Обратите вниманіе,—не сказано: вся члены, но „вся чувства“. Какъ это понимать,—объясняется въ толкованіи, гдѣ именно говорится, что святымъ муромъ должно помазывать чело, и очи, и ноздри и уста,—и только. Ноги, по этому правилу, точно, оставляются безъ помазанія муромъ (этимъ вы можете утѣшиться), но кромѣ ногъ и руки, и уши, и грудь или сердце также не вѣдно помазывать. Въ 95-мъ правилѣ VI вселенскаго собора и въ толкованіи на него названы уже подлежащими муропомазанію: темена, очи, ноздри, уста и уши; но рукъ и ногъ опять не вѣдно помазывать“. Лука Иванычъ на это возразилъ, что здѣсь

писано кратко, а потому и не все обозначено. Я отвѣтилъ: „Кратко бываетъ написано въ правилѣ, это правда; а въ толкованіяхъ пишется подробно. И вотъ, видишь, здѣсь въ толкованіи указано меньше членовъ, подлежащихъ помазанію мѣромъ, нежели въ старыхъ нашихъ Потребникахъ.

— Здѣсь не ясно.

— Напротивъ, очень ясно. И я снова прочиталъ и правило и толкованіе.

— Не договорено!

— Если бы дѣйствительно не договорено было, то было бы прибавлено: *и прочее*; а здѣсь этого прибавленія нѣтъ. Значитъ, здѣсь все сказано, что нужно было сказать. И оказывается, что въ нашихъ старинныхъ Требникахъ сдѣлана прибавка противъ правилъ II и VI вселенскихъ соборовъ. Эту прибавку, конечно, ты не посмѣешь откинуть. Но если оправдаешь эти Потребники, то и нашъ, новый, оправдаешь: онъ прибавилъ не столь много противъ старопечатныхъ нашихъ книгъ, сколько сами эти книги противъ правилъ вселенскихъ соборовъ.

— Мы не смѣемъ судить тѣхъ, кто издавалъ патріаршіе Потребники,—сказалъ наставительно Лука.

— А Никоновскіе и послѣ-никоновскіе смѣете? Вѣдь ихъ тоже издавала церковная власть. Надо справедливо судить и безпристрастно. Если ввели въ обычай помазывать не только „вся чувствія“, какъ требуется правилами вселенскихъ соборовъ, но и сердце и уши и руки, то отчего же не помазывать и ноги? Вѣдь святымъ елеемъ предъ погруженіемъ крещаемого въ водѣ помазуютъ же и по старопечатнымъ Требникамъ ноги? Поэтому я думаю, что въ новыхъ Требникахъ хорошо установлено помазывать и мѣромъ, какъ и елеемъ, не только руки, но и ноги.

— Да почему же раньше этого не было?

— Не правда, было.

— Было указано въ Потребникѣ одного только Петра Могилы; но намъ Петръ Могила не достовѣренъ.

— Почему же?

— Потому, что онъ былъ уніатъ.

— Петръ Могила уніать! Изъ какой же исторіи вы знаете? Я этого и не слыхалъ, и не читалъ. Знаю, напротивъ, что Петръ Могила всю жизнь провелъ, борясь противъ латинства и уніи, защищая отъ нихъ православную церковь, для чего и книги издавалъ и академію устроилъ.

Поговорили нѣсколько о Петрѣ Могилѣ, о его подвигахъ въ борьбѣ за православіе. Наконецъ, я сказалъ: „Ну, положимъ, вы все это въ первый разъ слышите, и для васъ повѣрить этому затруднительно,—вы о Петрѣ Могилѣ сомнѣваетесь; а о Сергіи преподобномъ, Радонежскомъ чудотворцѣ, ужъ, конечно, не сомнѣваетесь?“

— Не сомнѣваемся.

— А у него въ Служебникѣ тоже велѣно поги мвѣромъ помазывать. Служебнику этому уже болѣе 500 лѣтъ. Значитъ, въ нашихъ Московскихъ печатныхъ книгахъ была отбавка сдѣлана противъ рукописныхъ; а когда стали ихъ исправлять, сдѣлали такъ, какъ было въ древнѣйшихъ рукописяхъ.

— Гдѣ же этотъ Служебникъ?

— Въ Москвѣ, въ Синодальной библіотекѣ (№ 952).

— И всякому можно видѣть его?

— Конечно, всякому. Вотъ ты въ Москвѣ-то часто бываешь: зайдѣ въ Синодальную библіотеку и посмотри.

Лука сказалъ, что скоро поѣдетъ въ Москву и зайдѣтъ непременно посмотрѣть. Я сообщилъ ему о другихъ старинныхъ книгахъ, подобныхъ Служебнику преподобнаго Сергія, какія указаны во II части Выписокъ Озерскаго (отд. 5, стр. 3). Онъ обѣщался побывать и въ лаврской и академической библіотекахъ у Сергія-Троицы,—посмотрѣть тамъ древнія рукописи.

Единоувѣрецъ Луки Ивановича и житель той же деревни Шемейкина старикъ Зоянъ, при проѣздѣ по ихъ Флоровскому приходу преосвященнаго Израиля лѣтомъ 1890 года, задавалъ мнѣ вопросъ: зачѣмъ пастыри Велікороссійской церкви учать по-татарски ходить безъ крестовъ? Я спросилъ у народа: есть ли на васъ кресты?

— Есть у всѣхъ!—отвѣтили мнѣ.

— Давно ль вы ихъ носите?

— Какъ давно?! Каждому на крещеніи священникъ надѣваетъ!

— А вотъ дѣдушка Зоинъ говоритъ, что мы, священники, учимъ васъ ходить безъ крестовъ...—Слыхали ли вы гдѣ такую проповѣдь?

— Нѣтъ.

Зоину стало стыдно.—Да я читалъ въ книгѣ,—въ вашей книгѣ,—оправдывался старикъ.

— Если въ той книгѣ, которую ты читалъ, написано такъ, какъ ты говоришь, то есть, что будто бы мы учимъ народъ ходить безъ крестовъ, то въ этой книгѣ написана неправда. Вотъ и все! Мы же такъ не учимъ.

Очевидно, Зоинъ повторялъ пелѣное обвиненіе Соловецкой челобитной. Но Лука Ивановичъ такого обвиненія не поддерживаетъ.

III.

Упрекъ и просьба.

Лука Ивановичъ собирался уже уходить отъ меня и тутъ высказалъ мнѣ нѣчто въ родѣ упрека: зачѣмъ-де я повсюду проношу его имя?

— Не повсюду, Лука Ивановичъ; а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вашего Грязовецкаго уѣзда, правда, упоминалъ я твое имя. Развѣ это обидно тебѣ?

— Вы говорите, что я хожу по деревнямъ съ своею проповѣдію и будто бы отвожу народъ отъ вашей церкви.

— Развѣ не правда?

— Мы никого не совращаемъ въ свою вѣру и никому не проповѣдуемъ; знаемъ только себя.

— Послушай, Лука Ивановичъ: я не судебный слѣдователь и допросовъ отъ тебя не отбираю; точно такъ же я—не полицейская власть и не могу слѣдить за твоими хожденіями по разнымъ деревнямъ,—ни прекратить, ни запретить тебѣ эти хожденія не могу. Но я хорошо знаю, что ты иногда ходишь по деревнямъ и тамъ толкуешь о вѣрѣ.

— Неправда!

— Вотъ ты обижаешься, что имя твое я упоминаю. А знаешь ли ты, съ какой стати я его упоминаю? Пе-

редъ Рождествомъ, напримѣръ, я былъ въ Николо-Пенъевскомъ приходѣ. Бесѣдую въ деревнѣ Новоселкѣ и, между прочимъ, говорю народу: „Смотрите, братцы, какъ старовѣры неохотно собираются на собесѣдованія, точно здѣсь мы дѣлаемъ какое-нибудь худое дѣло, въ которомъ грѣхъ и участіе принимать, тогда какъ мы здѣсь читаемъ старопечатныя книги, о которыхъ сами они кричатъ, что вся ихъ вѣра въ этихъ книгахъ. Пусть они и не согласятся съ нами, послѣ бесѣды пусть останутся при своихъ мнѣніяхъ; но какой же имъ вредъ отъ чтенія-то и слушанія этихъ книгъ? Однако, видите, какъ неохотно они собираются. А что, если бы не я, если бы кто изъ ихъ братій пришелъ сюда, въ вашу деревню, хоть бы и вовсе безъ книгъ, да объявилъ бы, что будетъ бесѣдовать,—съ какой бы охотой они набѣжали на его зовъ!“ Сказалъ это я, а мнѣ и говорятъ наши, то-есть, православные, мужики: да вотъ недавно былъ здѣсь Лука Ивановичъ изъ Шемейкина, такъ ихъ сколько набралось!—Что же, спрашиваю, онъ дѣлалъ?—Тоже, говорятъ, читалъ. И вотъ, когда я услышалъ это извѣстіе, что ты, Лука Ивановичъ, тамъ былъ, тогда только и сталъ говорить о тебѣ, а не прежде. Не я первый упомянулъ твое имя. Упомянули крестьяне, которые тамъ тебя видали и слышали. А сталъ я говорить о тебѣ, что знаю, т.-е. не о томъ, какой ты начетчикъ и каковъ человекъ, а какая твоя вѣра. Понятно, что не похвалилъ твою вѣру: показалъ, что она не есть истинно-православная. Но, повторяю тебѣ,—если бы твоего имени не упоминали крестьяне, я не сталъ бы о тебѣ говорить.—Въ Грязовцѣ еще упомянулъ твое имя, когда сравнивалъ, что говорятъ святые апостолы и учителя церкви и что говорятъ старовѣрческіе наставники: одни,—говорилъ я,—какъ, напримѣръ, Лука Ивановичъ, утверждаютъ, что безъ причастія тѣла и крови Христовой можно спастись; другіе, что не возможно... Назвалъ я тебя потому, что тебя тамъ многіе знаютъ. Ты, Лука Ивановичъ, на это не обижайся. Обижайся вотъ на что: если услышишь, что я когда-нибудь сказалъ о тебѣ неправду, напр. рассказывалъ бы, что ты говорилъ то-то и то-то, чего ты на самомъ дѣлѣ не говорилъ. Но тебѣ не придется за это обижаться на меня. Если я гдѣ и упомяну твое имя, то

неправды на тебя не скажу. Будь спокоенъ. А противъ вѣры вашей филипповской не перестану говорить, пока Богъ даетъ силу моему голосу, потому что не вижу въ ней благодати Христовой, безъ которой не возможно спасеніе, и считаю ее гибельной для христіанскихъ душъ. Какъ же я могу не обличать ее?

— Ваше смиреніе! Еще у меня до васъ одна просьба: когда будете у насъ въ приходѣ, увольте меня отъ собесѣдованій.

— Что такъ?

— Мы съ вами не разъ уже и о многомъ толковали. Мысли у насъ разныя, намъ не сойтись. Да и характеръ вы мой, знаете: горячъ я!

— Полно, Лука Ивановичъ! Что горячій характеръ, это даже отчасти хорошо: значить, живо къ сердцу принимаешь то, о чемъ говоришь, а не равнодушенъ къ дѣлу спасенія. Мысли разныя... вѣры разныя... Очень жаль; но что же дѣлать? Отвѣтъ одинъ: „возлюбимъ другъ друга, да единомысліемъ исповѣмы Отца и Сына и Святаго Духа“. Будемъ съ любовію выслушивать другъ друга; постараемся понять одинъ другого; станемъ сличать свои вѣры съ Евангеліемъ и съ вѣрой церкви временъ до-никоновскихъ; и, Богъ дастъ, придемъ къ соглашенію и единомыслію.

— Двѣсти лѣтъ мы съ вами въ раздѣлѣ: не сойтись намъ!

— Бывали раздоры церковные и продолжительнѣе нашего, да кончились же; и нашъ, должно вѣрить, кончится: овцы, оставившія единый дворъ своего Пастыря и разбредшіяся въ разныя стороны, опять придутъ когда-нибудь въ этотъ дворъ, и будетъ едино стадо и одинъ Пастырь! Я служу Ему, этому Пастырю, тѣмъ, что скликаю заблудшихъ овецъ.

— Нѣтъ, ужъ нельзя ли мнѣ не бывать на вашихъ собесѣдованіяхъ? Я про все уже съ вами говорилъ.

— Лука Ивановичъ! Много ли разъ пришлось тебѣ со мной говорить, и уже тебѣ надоѣло! Но... все же я тебя не уволю. Помнишь, по какой причинѣ тебя побеспокоили прибыть на бесѣду въ послѣдній разъ? Собрались бесѣдовать. Старовѣры заявляютъ, что они — малограмотны,

безотвѣтны, безъ Луки, какъ безъ языка. А Луки нѣтъ. Всѣ пришли, кому было повѣщено; а ты да еще кое-кто изъ вашихъ же не пришли! Спрашиваю: „дома ли?“ Говорятъ: былъ дома, да куда-то ушелъ.—„Нельзя ли пригласить, что бы пришелъ?“ И пошли, и нашли, и привели Луку Ивановича всего въ соломѣ изъ-подъ овина... слушать и самому читать старопечатныя книги!

— Это не вѣрно вамъ передали: я не подъ овиномъ былъ, я тогда только что пріѣхалъ

— Тѣмъ лучше, если это неправда. А если правда, такъ вѣдь это позоръ страшный для васъ, старовѣровъ, что вы прячетесь отъ старыхъ книгъ; да и мнѣ не весело по сту разъ за вами посылать, чтобы вы приходили. А мнѣ нельзя васъ не требовать: вѣдь если бы, волей или неволей, ты не пришелъ въ тотъ, напимѣръ, разъ, старовѣры ваши такъ и отмолчались бы,—они уже сказали прямо, что безъ Луки, какъ безъ языка! А послѣ и стали бы говорить: легко, молъ, толковать-то ему безъ возражателей: нашего защитника не было,—съ нимъ не много бы наговорилъ!

— Ну, какой я защитникъ! И охота вамъ, ваше смиреніе, толковать съ нами, необразованными людьми! Въ чужихъ мѣстахъ есть, впрочемъ, и изъ нашихъ начитанные люди. Вотъ если бъ вы позволили, я пригласилъ бы на бесѣду съ вами изъ Москвы одного человѣка: вы бы его послушали; онъ умѣетъ поговорить.

— Радъ бесѣдовать, съ кѣмъ угодно. Хоть изъ Петербурга приглашай начетчиковъ. Кто же однако этотъ, котораго хочешь пригласить?

— Онъ родомъ Донской казакъ.

— А согласія-то вашего?

— Да.

— Ну, если онъ вашего согласія, то, какое ни будь у него краснорѣчіе, не доказать ему истинности вашей вѣры, потому что главный недостатокъ вашъ вовсе не въ томъ, что у васъ мало начитанныхъ, ученыхъ людей, а въ томъ, что у васъ нѣтъ преданныхъ Господомъ Иисусомъ Христомъ въ вѣчное достояніе святой Его церкви седми божественныхъ таинъ, чрезъ которые христіанамъ преподается благодать. И хваленый твой Донской защит-

никъ вашего согласія вѣдь не привезетъ же вамъ съ собой въ чемоданѣ съ книгами живыхъ древлеправославныхъ архіереевъ и прочее священство, законныхъ совершителей крещенія, причащенія, брака и другихъ таинствъ,—однимъ словомъ, не привезетъ же онъ вамъ той самой церкви, которой нѣтъ въ вашемъ обществѣ и безъ которой нельзя спастись. А я готовъ слушать, кого угодно, и бесѣдовать, съ кѣмъ угодно.

СОЧИНЕНІЯ

Прот. Іоанна Полянскаго, Москов. епархіальнаго міссіонера.

(Адресъ: Москва, 3 Троицкій, 4, 3).

1. Записки міссіонера.—Бесѣды съ старообрядцами. Изд. 3, въ 17 книжкахъ:

1. Въ моленной у филипповцевъ	— р.	20	к
2. Единоувѣріе и расколъ	— "	10	"
3. Старовѣрскіе страхи	— "	10	"
4. „Тянетъ къ старой вѣрѣ“	— "	10	"
5. Печать антихристовъ	— "	10	"
6. Дѣдушка Евсеѣй, странническій наставникъ	— "	15	"
7. Грѣхи людскіе	— "	10	"
8. Спасова вѣра	— "	10	"
9. Вопль безпоповца	— "	10	"
10. Главный догматъ старовѣрія	— "	10	"
11. Старинныя книги обличаютъ старовѣровъ	— "	5	"
12. Бракоборы	— "	15	"
13. Притчи о мастерѣ и инструментѣ и о ключахъ	— "	10	"
14. „Ереси“ церковныя	— "	5	"
15. Баба—попъ	— "	10	"
16. Фанатизмъ и лукавство	— "	10	"
17. „Не нашъ учитель!“	— "	10	"
То <i>все</i> . Изд. 4, въ одной книгѣ	1	80	"

2. Семь таинствъ. Міссіонерскія проповѣди противъ безпоповцевъ. Изд. 2, въ 5 книжкахъ:

1. Таинство священства	— "	15	"
2. Таинства крещенія и миропомазанія	— "	10	"
3. Таинство исповѣди	— "	5	"
4. Таинство причащенія	— "	15	"
5. Таинства брака и елеосвященія	— "	5	"
То <i>все</i> . Изд. 3, въ одной книгѣ	— "	50	"
3. „Вѣчная правда“ (противъ Комиссарова)	— "	15	"
4. Бесѣда о троеперстіи въ православной церкви до лѣтъ Никона патріарха. Изд. 3.	— "	20	"
5. Правда ли, что имя Спасителя должно произносить только <i>Исусъ</i> и никакъ нельзя произносить <i>Иисусъ</i> ? (Противъ Усова)	— "	30	"
6. Клевета старообрядца на о. Іоанна Кронштадтскаго	— "	7	"
7. Почему на міссіонерскихъ бесѣдахъ въ Москвѣ не позволено начетчикамъ говорить рѣчей къ народу?	— "	10	"
8. О каноническомъ достоинствѣ Стоглаваго собора.—Бесѣда съ Д. С. Варакинымъ. Изд. 2.	— "	10	"
9. Нуженъ ли единоувѣрческій епископъ?	— "	10	"
10. О священническомъ титулѣ (Изъ бесѣдъ съ австрійцами).	— "	5	"

2007051356